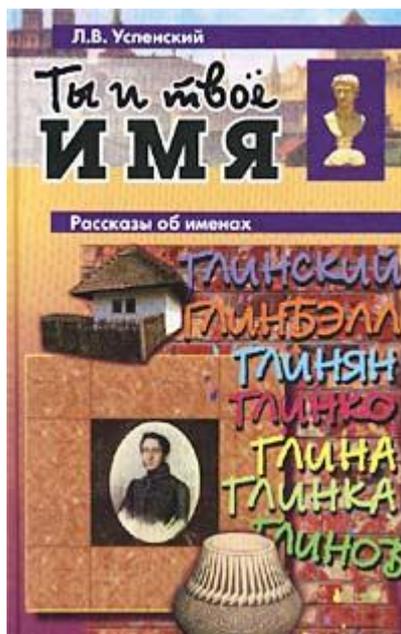

Лев Успенский Ты и твоё имя

ТЫ И ТВОЕ ИМЯ (Рассказы об именах)

От автора

Знание и понимание

Два столетия назад великий немецкий мастер слова и мыслитель Лессинг написал:

«Мне представляется странным уже то, что нам известны не только вещи, а и имена этих вещей. Тем не менее я хочу большего: не просто понимать смысл слов, но еще *знать, почему они звучат так, а не иначе.*»

Это — мысль мудреца. Но тот же самый вопрос приходит иной раз в голову даже окончательному простаку.

— Интересно, откуда взялось на свете слово «куртка»? — внезапно, среди пустой болтовни, спотыкается о неожиданную загадку озадаченный мистер Арпад, далеко не мудрый герой современного английского писателя А. Коппарда.

— Ха-ха! — равнодушно пожимает плечами мистер Платнер, его собутыльник. — Вот уж шут его знает, откуда! Кто может это сказать?

— Гм! — удивляется Арпад. — Такое простенькое словцо! Должно же было оно появиться откуда-нибудь.

Кое-кто из моих читателей присоединится, пожалуй, к мистеру Платнеру. В самом деле, я знаю **вещь** — одежду определенного покроя. Знаю я ее **название** : «куртка» (если называть эту «вещь» по-русски). Следовательно, значение слова мне совершенно понятно. Чего же еще желать?

Однако более живой ум не остановится на этом. Он согласится с Арпадом, а значит, и с Лессингом. Пусть известны и вещь и название вещи; хочется все же знать, — откуда оно взялось? По какой причине эту штуку назвали именно **курткой** , а не «мурткой», не «корткой», «вырткой» или еще как-нибудь? Можно до этого дознаться?

«Вообще — да! — скажет вам языковед. — Происхождением отдельных слов, исследованием вопроса о том, откуда то или другое из них появилось в нашем языке, занимается особый отдел языковедения — этимология.

Узнать все это значит «раскрыть этимологию слова». И опытный **этимолог** без большого труда ответит вам на данный вопрос. Может быть, правда, ответ его покажется вам несколько неожиданным.

«Куртка, — скажет он вам, — прежде всего слово по происхождению своему нерусское. Его в допетровские времена у нас еще не было, да и быть не могло: ведь наши предки никаких курток не знали и не носили. Они ходили тогда в долгополой одежде — кафтанах, азиях, охабнях. Потом мало-помалу стало прививаться „кургузное немецкое“ (то есть иностранное) платье. Шили его сначала иноземцы-портные, главным образом французы; они называли его по-своему. По-французски „куртка вообще“ зовется „вэст“ (veste), а „короткая куртка“ — „вэст курт“ (veste courte); слово „курт“ как раз и значит „короткая“. Вот из этого-то французского прилагательного „курт“, слыша его от портных-французов, и создали наши прапрадеды много лет назад русское существительное „куртка“.

Вам это кажется неправдоподобным? Напрасно. Возьмите другое привычное слово, означающее еще одну деталь одежды, короткие штанишки, — «трусики». Откуда пошло их обозначение? От глагола «трусить», то есть «бояться»? От существительного «трустик», значащего «кролик»? От другого глагола — «трусить», то есть «двигаться впробежку, мелкой рысцой»?

Представьте, ни от того, ни от другого, ни от третьего, а опять-таки от французского прилагательного. По-французски «жюп труссэ» (jupon troussé) — подобранная юбка, «кюлотт труссэ» (culotte troussé) — закатанные засученные и вообще «короткие штаны». Те же иноземцы-портные, несомненно, вместе с курткой занесли нам и слово «труссэ», а мы, так сказать, выкроили из него себе «трусы» по своему вкусу...

Очень многие наши слова (особенно не слишком древние по происхождению) легко поддаются подобному раскрытию — **этимологизации**. Некоторые этимологизируются много труднее. Есть и такие, относительно которых ученые пока что оказываются бессильными: очень уж далеко в глубь времен уходит их происхождение.

Само собой разумеется, в любом языке слова имеют **свою этимологию**. Мистер Арпад, в рассказе англичанина Коппарда, интересовался, конечно, не русским словом «куртка», а своим английским словом «джэки́т» (jacket), которое означает ту же самую вещь. Я не стану сейчас заниматься подробным ответом на его вопрос, но английские этимологи, несомненно, могли бы сделать это. Может быть, они скажут, что слово «джэки́т» обязано своим происхождением какому-нибудь искусному портняжке или старинному моднику по имени Джек; может статься, предположат, будто оно родилось от термина «джэ́к» (jake), когда-то означавшего сначала кожаный мех для вина, бурдюк, а потом покрой военной верхней одежды. Может быть, оно пришло из французского языка, где есть похожее слово «жакет» (первоначально «мужицкий» — «Жаков», то есть «Яшкин», — полукафтан, простонародное одеяние). Возможно, решение окажется и совсем иным: это уж их дело.

Мы же с вами обратим сейчас внимание на другое. Видимо, языковед в каждом слове, **кроме его значения**, может заинтересоваться и его **происхождением**, его связью с другими словами, в каком бы языке они ни присутствовали. Но все это хорошо для тех слов, у которых **есть значение**. А как быть с теми, у которых **никакого значения нет**, которые **ничего не значат**?

Позвольте, да разве существуют на свете слова без значения, без смысла?

А вот посмотрите сами.

От слова к имени

Допустим, вы спросили у вашего друга: «Кто там шумит на дворе?» Друг отвечает несколько непочтительно, но вразумительно: «Да так, один дылда...» Или: «А! Какой-то нюня!»

Надо сказать, вы мгновенно поймете: в первом случае речь идет о человеке долговязом, во втором — о некоем плаксе. Попробуйте заглянуть в любой словарь и прочтете: «**Нюня** — плаксивый, бесхарактерный человек...» Слово «нюня» можно даже просто заменить словом «плакса», — значение почти не изменится. То же и с «дылдой». скажите «дубина» или «коломенская верста» — смысл останется тем же.

А теперь представьте себе другую картину. Вы повторили ваш вопрос: «Кто шумит во дворе?» — и услышали ответ: «Это Вовка!» Поняли вы вашего собеседника? Еще бы, великолепно! Но, спрашивается, что же именно поняли вы? Что значит **слово** «Вовка»? Какое **значение** оно имеет? Поразмыслите, и вам начнет казаться, что, пожалуй,— никакого... Пожалуй, это даже и не слово совсем.

Позвольте, как же не слово?! Это не только слово, это имя существительное ничем не хуже других. Оно стоит в единственном числе. Его удобно склонять: «Вовка, Вовки, Вовке, Вовку...» Можно сказать только: «Вовка сидит»; «Вовка сидят» будет неправильно. Можно написать: «милый Вовка», а «милая Вовка» — бессмыслица. Значит, с «Вовкой» по всем правилам согласуются другие слова: это бесспорно слово. И все-таки **значения** у него решительно никакого нет!

Чтобы такое утверждение не показалось вам опрометчивым, рассмотрим вопрос поглубже. Когда слово имеет значение, мы всегда можем это значение выразить более или менее точно одним или несколькими другими словами. Поразмыслив, каждое, из них можно также перевести на иностранный язык. Это ясно.

Вот, например, слово «телега». Его нетрудно объяснить хотя бы так: это «деревянная повозка для перевозки тяжестей». Можно вместо этого подобрать несколько близких слов, способных отчасти его заменить: «дроги», «качка», «фура», «арба»... По-французски «телега» будет «шар» (char), по-немецки «ваген» (Wagen), по-испански «карро» (carro), по-турецки «талика» (talika) или «араба» (araba)... Каждый язык имеет для этого **понятия** свое собственное **слово** .

А попытайтесь поступить так же с нашим «Вовкой». Попробуйте **объяснить** мне, что такое «Вовка», или передать это **понятие** словами других языков.

Конечно, Вовка — мальчишка. Но ведь и Петя, и Олег, и Кимка, и даже Бобочка — тоже мальчишки. Нельзя сказать: «У меня два брата; один — Вовка, а другой — мальчишка». «Мальчишка» и «Вовка» — не синонимы и не антонимы.

И другое: как будет Вовка по-китайски? А как, по-вашему, будет Джим или Топси по-русски? Это перевести нельзя: (Может показаться, что я здесь неправ. Западному имени Теодор как будто соответствует Федор. Английское Джон у нас нередко объясняют как Иван. Разве это не перевод?)

Разумеется, нет; это лишь приспособление звуков одного языка к обычаям и вкусам другого, при нем и речи нет о передаче значения слова. Потом мы увидим в переводе на русский язык слово **Теодор** звучало бы как **Богдан** , и **Джон** — тоже как **Богдан** . Но такие переводы нас пока не интересуют.) за этими словами нет тех значений, тех **понятий** , к которым можно подогнать слова иноязычные... Да и русских равнозначных слов подобрать к ним невозможно. Легко, конечно, вместо того же Вовки, назвать парня Володей или даже Владимиром; но ведь это не более чем если бы «крокодильчика» объяснять то «крокодилушкой», то «крокодилищем».

В чем же тут дело? Очень просто: перед нами не обычное слово, а «особенное» — **имя собственное** . Сказав так, мы назвали это явление. Но назвать — полдела; надо его уразуметь, понять, что оно собою представляет. А едва вы вдумаетесь в этот вопрос, как увидите: имя собственное — престранная штука!

Крещу и перекрещиваю

Вот стакан **воды** . Эту воду можно назвать и **льдом** , однако **нужно, чтобы она предварительно замерзла** , — иначе получится ошибка.

Вас сейчас зовут **девочкой** . Потом вас станут звать гражданкой или даже тетенькой. Но это случится **лишь после того, как вы изменитесь** , вырастете. И студенткой вас никто не назовет, пока вы еще школьница: чтобы изменилось слово, надо заметить изменение вещи, которую оно называет; не так ли?

Но вот, например, Алексей Максимович Пешков с определенного времени начал подписываться: «Максим Горький». И все стали его называть так, хотя он остался тем же самым человеком.

Бывает и еще удивительнее. Во Франции в 1804 году родилась девочка, по фамилии **Дюдеван** . Окрестили ее **Авророй** . Она выросла и стала знаменитой писательницей, но всю жизнь подписывалась не Аврора Дюдеван, а **Жорж Санд** , как будто была мужчиной. Каждый культурный человек знает про писательницу Жорж Санд, но куда меньше людей, которые ответят вам, кто такая **Аврора Дюдеван** . Окрестили, перекрестили, и никаких неудобств это не вызвало. Не странно ли?

Или возьмите известный город, столицу Норвегии. В глубокой древности она именовалась Осло. В 1624 году ее переименовали в Христианию, а в 1924 — опять в Осло. Каждому ясно, что город этот ничуть и ни в чем не менялся в тот миг, когда люди спокойно перекрещивали его на новый лад. А если вы предложите, допустим, слона с завтрашнего дня назвать «кроликом», ваше предложение не завоеует успеха, даже если вы пообещаете когда-нибудь потом снова переименовать его «обратно в слона».

Конечно, такие, пользуясь выражением писателя Лескова, «повертоны», возможны только потому, что у **имен собственных** со стоящими за ними предметами не совсем такие отношения, как у **имен нарицательных** . Чаще всего приходится наблюдать, что между ними просто нет никакой связи, что у имен собственных нет значения, того «прямого предметного значения», которое имеется у всех других слов. Они **называют, а не значат** .

Действительно, смысл имен нарицательных связан с различными вещами очень тесно, и притом независимо от нашего желания; расторгнуть эту связь не в нашей власти. Когда из-под земли пробивается маленький зеленый стебелек, человек опытный, приглядевшись к нему, сразу говорит: «Вот березка!» или: «Это дубок!»

И понятно: с одной стороны, каждая юная березка во многом похожа на все остальные березы, даже на самые большие деревья этой породы; с другой стороны, она во многом отличается от всех на свете дубов, кленов, елей и осин, даже самых маленьких.

Если вы про молодой дуб скажете: «Ишь какой здесь огурец растет!» — над вами посмеются: вы ошиблись.

А увидев на улице незнакомую девочку, вы, каким бы вы ни были наблюдательным и опытным человеком, никоим образом не определите — Оля перед вами или Танечка? Может быть, это даже Василиса!

Поэтому-то при рождении ребенка никто никогда не говорит родителям: «Эх, вы! У вас родился типичный Фотий, а вы его Кирюшей назвали!» Это нелепость; ни про одного Кирилла нельзя сказать, что он чем-то похож на остальных Кириллов мира или что он резко отличается от любого Фотия или Степана.

Каким бы именем собственным ни окрестили вы появившегося на свет щенка, назовете вы его Бутькой, Шариком, Бобиком или Трезором, никто никогда не сможет уличить вас в ошибке. Однако, если вы начнете всерьез уверять людей, что перед ними кролик или росомаха, — увидите, что получится... Видимо, между именами нарицательными и именами собственными — существенная и прелюбопытная разница.

Различие или сходство

Было бы удобно, если бы с этой бросающейся в глаза разницей не соединилось сбивающее с толку сходство. Вот имена: Вася, Шура, Олег, Лев, Вера, Любовь. Что до первых трех, о них не скажешь ничего нового по сравнению с тем, что я уже вам сообщил: ни с одним из них у вас тоже не связывается никакого **внутреннего** смысла, никакого реального значения. Что значит Шура? Только Шура, и ничего более. Ну, Саня или Саша... Имя — и все тут! Вполне понятно, почему в старое время, вступая в «побратимство», названные братья легко и спокойно менялись именами: Шура становился Васей, Вася — Шурой; никаких неудобств в связи с этим не возникало. Никого не смутило, когда немецкая принцесса София, став русской императрицей, вдруг превратилась в Екатерину (Вторую). (Прекрасно, по совершенно другому поводу, замечает В. Б. Шкловский в своей книге «Художественная проза» (стр. 476): «Когда мы узнаём, что женщину зовут Катерина, то все наше знание про нее состоит в том, что она, вероятно, христианка...»). Значит, никакого **значения** в имени мы не находим и не можем найти.). Имя — не сущность человека, его переменить ничего не стоит. Казалось бы, иначе и не может быть.

Однако последние три из названных мною имен, каждое по-своему, нарушают это впечатление простоты и ясности.

Вера — имя собственное, к нему полностью относятся все наши рассуждения. Да, но ведь и в то же время «вера» — это и имя нарицательное. «Вера» — свойство того, кто верит или верует. Слово «вера» без всякого затруднения можно перевести на любой язык мира: по-французски «вера» — «ля фуа» (la foi); по-немецки — «дер глаубен» (der Glaube), на турецком языке — «инан» или «итикат», и так далее. Не так уж сложно подобрать и слова, имеющие прямо противоположное значение: «неверие», «атеизм», «сомнение»... А попробуйте-ка подберите слово с **противоположным** значением к имени Олег!

Выходит, что «вера» может быть одновременно (или попеременно) как собственным, так и нарицательным именем. Но тогда как же надо это понимать: это одно слово или два разных, хотя и совпадающих по звукам? Связаны ли оба они между собою общим происхождением? Может быть, одно из них произошло от другого? Но если это так, то которое же из них слово — родитель и которое слово — дитя?

«Вера», конечно, не исключение. Те же вопросы возникают и в связи с **именем** Лев. Оно вовсе не равно **слову** «лев». От **слова** «лев» можно произвести прилагательное «львиный», а от имени «Лев» — нельзя. «Площадь Льва Толстого» совсем не то же, что «Площадь толстого льва».

Наоборот, от имени Лев легко отпочковать уменьшительное Лёва, а назвать «лёвой» даже самого смиренного варварийского льва можно лишь смеха ради, в шутку. Если Лев — человек, то мы с вами спокойно зовем его детей Львовичами, однако никому не придет в голову серьезно рассказывать: «В клетке, знаете, сидела львица с двумя маленькими Львовичами» Напротив того: мы почти никогда не образуем уменьшительного «львенок» от мужского имени Лев; мы не способны всерьез сказать: «А вон идет Марья Петровна со своими двумя **львятами** », даже если мужа Марьи Петровны зовут Львом.

Спрашивается опять-таки: какое же отношение существует в языке между этими двумя такими сходными и вместе такими во многом различными, **словами** — именами нарицательным и собственным? Между львом и Львом, надеждой и Надеждой?

Видимо, это совершенно разные слова. А между тем все время чувствуется, что они тесно связаны между собой, что одно из них, несомненно, родилось от другого. Только вот — где предок и где потомок?

Это не бессмысленный вопрос; он приводит нас к другому, более широкому и важному: откуда вообще появились на свете человеческие имена? Давайте же попробуем составить себе по этому поводу хотя бы первое и приблизительное представление.

Затруднение только в том, что, сказав «имя», «имена», мы с вами коснулись явления куда более темного и запутанного, чем вы, вероятно, думали до сих пор.

Прежде всего: даже если говорить **только** об именах **людей** , нас ожидают неожиданности. У вас, скажем, есть имя: Николай. Но ведь, кроме того, у вас есть еще и

отчество и фамилия. Они тоже входят в состав вашего «собственного имени», — недаром — их также пишут с прописных букв. Следует ли из этого, что **каждое** человеческое имя обязательно состоит из трех частей?

Это совершенно неверное заключение. В Ленинграде живет один чукотский писатель. Когда при встречах с ним читатели интересуются, как его фамилия, он отвечает: «Рытхэу». Если же спрашивают: «А имя?» — он опять отвечает: «Рытхэу!» Чукчи не знают наших трехступенных имен; одного имени на человека им кажется вполне достаточно. (Читатели произведений Рытхэу могут упрекнуть меня в неточности: под ними всегда стоит подпись: «Юрий Рытхэу». Но все же я прав: писатель-чукча прибавил к своему чукотскому имени-фамилии русское имя лишь с тех пор, как стал постоянно бывать в Москве и Ленинграде, и именно для того, чтобы отсутствием имени не удивлять своих русских знакомых и не вдаваться поминутно в объяснения по этому поводу. Таким образом, «Юрий» вовсе не имя его. Скорее «Юрий Рытхэу» может быть названо псевдонимом писателя.)

Впрочем, тут нечему удивляться: нашего отдельного слова — отчества, сочетающегося и с именем и с фамилией, не знают многие народы земли. Зато весьма часто имя отца вводится там в состав самой фамилии. Множество немецких и английских фамилий, оканчивающихся на «зон» или «сон», скандинавских — на «сен», означают просто: «сын такого-то»; Торвальдсен — сын Торвальда, Робинзон — сын Робина, Амундсен — сын Амунда. Это известно многим.

Меньше людей, знающих, что и грузинское «швили» (Бараташвили), и армянское «янц», «ян» (Хачатурян), и турецкое «оглу» (Ахмет-оглу), и иранское «заде» (Турсун-заде) также означают «сын». Есть народы, у которых эту же роль выполняют не окончания, а, наоборот, приставки. Вы помните славного майора, родственника лорда Гленарвана и его гостя на борту яхты «Дункан»? Как истинный шотландец, он носил фамилию Мак-Набс, что означает: «сын Набса». Другие шотландские фамилии — «Мак-Интош», «Мак-Ферлан», «Мак— Ферсон», «Мак-Дональд» — построены по тому же правилу. Ближайшие родичи шотландцев, жители Зеленого Эрина — Ирландии, знают фамилии, в которых северное «Мак» заменено другой приставкой — «О»: О'Брайен, О'Лири, О'Коннель и т. п. Да и в близкородственных русскому славянских языках очень часто имя отца включается в состав фамилии при помощи различных суффиксов; -ов, -ев, -ин, -ич; ПетрОВ, ГригорьЕВ, ВанИН, ПетрИЧ, МирКИЧ и т. п.

Таким образом, становится ясным: вопрос с именами людей в разных концах мира выглядит по-разному, а ведь мы только-только прикоснулись к нему. С другой стороны, разряд «имен собственных» вовсе не исчерпывается одними личными именами при всем их разнообразии. Наряду с ними мы все с самого раннего детства и до глубокой старости поминутно сталкиваемся с именами собственными совсем другого разряда—с *именами географическими*. И надо сказать, что эта группа имен задает нам загадки ничуть не менее сложные и хитроумные, чем первая.

И в ней есть рядом с понятными совершенно непонятные и даже таинственные. В одних этимология видна, так сказать, как на ладони даже профану. Перед другими в задумчивости останавливается и самый опытный лингвист.

Подумайте сами, нужно ли долго ломать голову, чтобы понять, откуда взялось название Новгород? Да стоит сопоставить его с такими именами, как Староселье, Новослободка, Белгород, и все становится ясным само собой: Новгород — это Новый город. Меняя место обитания, люди испокон веков называли молодой населенный пункт старым именем, добавляя к нему слово «новый»; это совершенно естественно.

Но что вы скажете про имена вековечных соседей «господина великого Новгорода»: про свободолюбивый Псков, про гордую Тверь, славную Тулу или отдаленный Суздаль? Как расшифруете вы их причудливые по своим звукам, ничего русскому уму не говорящие, а вместе с тем такие знакомые названия? Не только вы сами не сможете объяснить их; зачастую даже ученые-лингвисты предложат вам вместо одного два-три далеко не бесспорных толкования.

Разница и тут бросается в глаза. Одно дело — Красный Кут, гора Магнитная, гора Белуха, река Белая, озеро Верхнее, Становой Хребет... Никаких сомнений эти названия не вызывают, они понятны.

Зато вот Пермь, Вятка, Бугуруслан, Кострома, Эльбрус, Урал, Судома-гора, Выг-озеро, реки Чусовая, Пяси́на, Обь — таких или похожих слов вы, пожалуй, ни в одном русском словаре не отыщете. Откуда же они взялись?

Конечно, и в этом случае нельзя допустить, будто наши прародители века назад, как бы забавляясь, составляли для окружающих их рек, гор и озер имена из бессмысленных звуков, пересыпая эти звуки, как пестрые стеклышки в калейдоскопе: интересно, мол, что получится? Ничего подобного не могло быть. Безусловно, каждое имя, которое сейчас кажется нам совершенно не имеющим значения, некогда должно было его иметь. Но вот дознаться, докопаться до этого значения бывает порою очень трудно. А стоит ли затрачивать на это занятие время, силы, труд?

Чтобы вам стало ясно, что стоит, мы и побеседуем поочередно о трех наиболее крупных группах собственных имен: о *личных именах*, о так называемых *отчествах* и о *фамилиях*.

Понятно, о каждой такой группе можно написать и сказать очень много. О них созданы внушительные тома ученых исследований. Есть имена, о которых на протяжении многих десятилетий ожесточенно спорят убежденные седины профессора. Безусловно, в небольшой книжке я не смогу ознакомить вас не только со всем, что известно о них, но хотя бы с самым главным. Разумеется, нет: у меня другая цель.

Я хочу только заинтересовать вас одним из самых своеобразных уголков языковедческой науки, плеснуть вам в лицо брызгами из такого водоема, который, по сути дела, колышется прямо у вас под ногами: наклоняйся и черпай... Зачем? А может, это побудит вас поглубже, подоскональнее заняться языком, прибегая, как к помощникам, уже не к тоненьким популярным брошюрам, а к солидным и порою не легким для чтения научным трудам.

ТЫ И ТВОЕ ИМЯ

*Нет меж живущих людей, да не может и быть, безымянных:
В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный,
Имя, как сладостный дар, от родимых своих получает...*

Гомер и Гоголь

Вот какими звучными стихами повествовал когда-то о человеческих именах великий старец Гомер. Ну что же? Прошли тысячелетия, а сказанное им и сейчас остается правдой.

И сегодня человек пронесет имя через всю жизнь, берет его с собою даже в могилу. Бывает и так: кости усопшего рассыплются в прах, разрушится воздвигнутый над могилой монумент, прекратится род и племя, а самое хрупкое, самое летучее из всего, что имел когда-то усопший, его звонкое имя, все еще живет и порхает по свету.

Как же выбирают старшие младшим, новорожденным, их имена? Из каких запасов черпает человечество эти сладостные сокровища?

Оставим Гомера, вспомним Гоголя:

«...родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта... Родильнице предоставили на выбор любое из трех [имен], какое она хочет выбрать: Мокия, Соссия или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата.

«Нет, — подумала покойница, — имена-то всё такие».

Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифиллий, Дула и Варахасий.

— Вот это наказание, — проговорила старуха... — Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифиллий и Варахасий.

Еще переверотили страницу — вышли: Павсикакий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошел Акакий Акакиевич».

(Н. В. Гоголь несколько погрешил тут против строгой истины. В старых «крестовых» календарях эти имена не стояли такими тройками. Мокий числится там 29 января, 11 марта и 3 июня; Соссия праздновали 21 апреля и 19 сентября. Трифиллий были именинниками в июле (13), а Варахисий (в святцах это имя писалось так) — в марте. Ближе всего друг от друга значились Павсикакий и Вахтисий (13 и 18 марта), но и между ними падало пять суток. Понятно, впрочем, что для повести это не имело никакого значения.)

Не повезло маленькому человечку! Подумать только: перебрали одиннадцать имен и остановились на Акакии: другие были еще хуже. И все одиннадцать, как одно, ровно ничего не говорили русскому слуху, ничего не значили по-русски. Спрашивается, — откуда же они тогда взялись?

Сколько бы вы ни рылись в словарях русского языка, никогда вы не наткнетесь там на слова, хоть немного напоминающие «Павсикакий» или «Варахисий». Другое дело — языки иностранные.

Не похоже ли имя Акакий на слово «акация», название растения? Конечно, да: особенно, если принять в расчет, что это греческое слово в Греции произносилось бы иначе, чем у нас: «акакиа». Оно означает: «беззлобная, незлобивая»; «какос» по-гречески — плохой, дурной, отрицание же «а-» вы встречаете во множестве заимствованных от греков слов: «септический» (заразный), «асептический» (обеззараженный); «теология» (богословие), «атеизм» (безбожие) и так далее. Если древний грек называл сына Акакиос, это с его точки зрения было и осмысленно и красиво. У нас же смысл имени забылся, а звучит оно совсем неприятно.

А-какий — «беззлобный, невинный». Что же тогда может значить Павси-какий? Наверное, между ними есть какая-то связь?

Да, есть; в греческом языке был глагол «пауо» — прекращать. Пауси-какий — «прекращающий зло» — совсем хорошее имя для того, кто знает греческий язык.

Имя Трифиллий напомнит многим ботаническое название клевера — «трифолиум», «трилистник». Это не случайное сходство; слово «трифолиум» — латинское; по-латыни «трес» значит три, а «фолиум» — лист. Греческий язык близок к латинскому; в Греции трилистник — «трифиллон», потому что «лист» тут звучит как «филлон». Все понятно, кроме одного: как могло людям прийти в голову называть своих сыновей «трилистниками».

Странного, однако, в этом мало: листья-тройчатки издавна считались почему-то счастливым талисманом; на Западе и сейчас клевер охотно изображают на поздравительных открытках, брелоках и прочих безделушках. Суеверие помогло слову «трифиллос» (трилистный) стать сначала греческим, а потом и русским именем Трифиллий.

Довольно с нас длинных разъяснений; скажу коротко: из одиннадцати имен, упоминаемых Гоголем в «Шинели», шесть оказываются на поверку греческими по происхождению. «Мокий» — «насмешник»; в Элладе Момос был богом всякого шутовства. «Соссий» можно понимать либо как «верный», либо же как «здравый, невредимый». «Дула» значит «раб», «прислужник»; недаром прислужники в греческих храмах именовались «гиеродулами» — священнослужителями. Хуже с остальными пятью именами. Хоздазат, по-видимому, слово иранского корня; наверное, оно означало нечто вроде «дар божий, подарок бога». В древнеиндийском языке Варадат значит «дар любимого». А вот насчет Вахтисия, Варуха и Варахисия даже специалисты расходятся во мнениях. Ясно одно: все эти имена —

какого-то восточного происхождения. «Варух», например, вероятно, слово древнееврейское и значит «благословенный».

Не менее ясно и другое: сто лет назад в русской чиновничьей семье крестили ребенка, и сколько ни выбирали ему имен, среди них не попало, как на грех, ни одного чисто русского. Что за притча? Почему бы вместо этих трудных, некрасивых, непонятных и чуждых кличек не остановиться на одном из самых простых русских имен — Петр, Андрей, Алексей?.. Или назвать мальчишку Федей... Ведь эти-то имена наши, свои! Вы так думаете?

Русские иностранцы

Возьмите имя Алексей (в святцах оно пишется: Алексий (Святцами называлась у православных христиан церковная книга, содержащая месяцеслов (календарь), составленная в порядке месяцев и дней года, к которым приурочено церковью религиозное чествование каждого святого. Это было нужно потому, что принято «нарекать» младенцев именем того из святых, память которого приходилась на день рождения этого ребенка. Родилась девочка 1 марта, — быть ей Антониной или Евдокией; появился мальчишка на свет 23 апреля (старого стиля) — придется ему носить имя Георгия.

Постепенно правило это перестало строго соблюдаться: имена стали выбирать по вкусу родителей, как Акакию Башмачкину у Гоголя.).). Попробуйте догадаться, какое русское слово одного корня с ним. Напрасный труд; сколько бы вы ни искали в словарях, ничего похожего вы не найдете, Единственно в энциклопедии встретится вам научный термин «алексины». Что он означает? Так называются особые вещества, содержащиеся в крови. Почему они так названы? Потому, что их назначение — защищать организм от вредных микробов, а **по-гречески** глагол «алексо» значит: «я защищаю». Слова «алексин» в Греции не было, это наши современники ученые искусственно создали его из древних частей; так делают сплошь да рядом. Но если бы оно там было, значило бы оно что-то вроде «защитное вещество».

Вопрос решен: наше имя Алексий взято у греков; означает оно «защитник, охранитель». Таким же греческим словом оказывается и имя Андрей: «андрэйос» в Греции значило «мужской, мужественный». А если так, — нетрудно понять смысл и еще одного нашего имени — Александр: оно сложено из двух частей: Алекс (защита) + андр (мужской) и может быть переведено как «мужезащитник» (то есть смелый воин).

Что же получается? Самые привычные нам русские имена не более как прижившиеся иностранцы, древние греки. Называя какого-нибудь Трифиллия Мокиевича по имени-отчеству, вы и не подозревали, что по-настоящему это значит «Трилистник Насмешникович». Читая басню Крылова про Демьяна и Фоку, разве могли вы думать, что Фока это — «тюлень», а Дамиан — «укрощенный»? Даже приветствуя учителя физики: «Петр Никитич, здравствуйте!» — вы, собственно, произносите: «Здравствуйте, Камень Победителевич!»

Удивляться не приходится: раз уж почему-то мы, русские люди, носим нерусские по происхождению, чуждые по звукам имена, — недоразумений, конечно, не оберешься. Вот, для примера, один курьез.

Федор = Иван, Иван = Матвей

Странноватое равенство: как может «Ваня» означать «Федю»? Прежде, однако, чем возмущаться, разберемся в происхождении этих трех имен, прибавив к ним еще и Богдана.

Слово «Федор» раньше писали: «Феодор» Тогда оно в точности походило на западноевропейское Теодор. Это естественно: оба взяты из греческого языка, а у греков их буква Θ в разные времена читалась по-разному, в древности как «тх», позднее как «ф». Мы, через Византию, взяли ее в звучании «ф», западные народы стали изображать ее на латинский лад, как «th».

Поэтому наше Феодор и заграничное Theodor — просто два различных произношения одного греческого слова-имени; присмотревшись, можно понять, что оно состоит из двух частей: «Тео+ дор».

Что может значить «Тео»? Это легко уразуметь, если сравнить с ним такие слова, как «тео+логия» (наука о боге), «тео+кратия» (божье правление), «а-теизм» (безбожие). «Теос» (или «феос») по-гречески — бог. А Теодор (Феодор) — это «дар бога». Точно так же все имена, содержащие в себе эти слоги «тео» или «фео», связаны с понятием бога, божества. Их у нас очень много: Тимо-фей (Тимотеос) (богобоязненный), Фео-фил (боголюб), Фео-досий (богом данный) и т. д. (См. перечень имен в конце книги (стр. 242 и дальше).).

Значит, Феодор — «божий дар» по-гречески. А вот «Иван» (точнее Йоханаан) — тот же «божий дар», но уже по-древнееврейски.

По правде говоря, это требует разъяснения. В древнееврейском языке нет слова «Иван». Но имя это, которое у всех европейских народов звучит сейчас по-разному (у немцев — Иоганн, у французов — Жан, у англичан — Джон, у грузин — Иванэ, у финнов и эстонцев — Юхан, у поляков — Ян), когда-то в Древней Иудее произносилось как Йэхоханан, или Йоханаан. И означало это слово «божья благодать», «божий дар», то есть — Федор.

Да, но имя Матвей по-еврейски опять-таки значит «дарованный господом», а что до русского Бог-дан, так здесь и говорить долго не приходится: каждому ясно, что это имя означает. Вот вам и еще один Фео-дор.

Выходит, странное равенство, поставленное мною в виде заголовка на предыдущей странице, — отнюдь не бессмыслица. Я мог бы только сильно расширить его, пополнив именами, взятыми из других языков. Мы уже встретились с персидским Богданом; он выглядел как Хоздазат. Свой особый Богдан (кроме Теодора) есть и у французов; там он выглядит как Дьедоннэ (по-французски «дье» — бог, а глагольное причастие «доннэ» значит данный). Богданы есть всюду, где в выбор имен для новорожденных вмешивалась церковь, религия, — а это имело место у многих народов мира.

Что же мы узнали в конце концов?

Большинство самых обычных наших имен на поверку оказываются нерусскими. Среди них множество древнегреческих и древнееврейских. Есть взятые от других народов Востока. Немало и латинских, древнеримских имен; Валентина, например, значит «здоровая» (точнее «дочь здоровяка»), Акулина (по-церковному Акилина) — «орлица», Виктор — «победитель». (Правда, за долгие и долгие столетия постоянного их употребления эти привозные, заграничные имена примелькались нашему слуху, стали привычными. К тому же большинство из них сильно обрусело, изменилось по форме в нашем Феде трудно узнать греческого Теодора, между русским Ваней, французским Жанно, английским Джонни не каждый найдет сходство, хотя все они произошли от одного имени — Иоанн.

Но ведь это не меняет дела. Имя Вера является и по происхождению и по возможному значению словом русским. Имя же Миша либо вовсе не имеет значения, либо связано со смыслом, который слово Михаил (см. стр. 260) имело некогда совсем в другом языке.).

В чем же дело? Как мог возникнуть обычай называть детей не своими именами, а чужими, непонятными, некрасивыми, да еще взятыми из мертвых, давно замолкших языков? Что, эта странность существует везде или привилась только у нас, в России, и в чем ее смысл?

Ястребиные когти

Вспомните роман Фенимора Купера «Следопыт»; вам непременно придет на память его герой, благородно-суровый индеец-охотник, по имени Монтигомо. Говорят, будто имя это по-индейски значит: «Ястребиный коготь».

Не важно, точен ли этот перевод: имена, подобные этому, действительно характерны для индейских племен Америки. Это и естественно: когти ястреба остры, страшны и врагу и

добыче. Понятно, почему воин и траппер-следопыт называет сына «Ястребиным когтем»: ведь даже в наши дни советские летчики не возражают, если их — истребителей — с ласковой фамильярностью именуют «ястребками».

Североамериканские индейцы — народ с необыкновенной историей: в XVIII, да и в первой половине XIX века они жили еще в «каменном веке», который для наших предков миновал тысячелетия назад. Их жизнь изучали люди науки; Фридрих Энгельс судил по ней о жизни человечества на заре истории. О них написано множество романов и поэм; сложные, диковинно звучащие имена встречаются там в изобилии. Прислушиваясь к ним, легко понять: когда индейцу надо дать имя ребенку, он перебирает самые простые, самые обычные слова своего языка, вслушивается в то, как они звучат, вдумывается в их смысл, и то, которое покажется наиболее подходящим, спокойно делает именем.

В романе «Охотник» современного английского писателя Олдриджа изображен молчаливый, нелегко живущий траппер, индеец Билл. Но Биллом его зовут только англичане: им не выговорить его настоящего индейского имени. Соплеменники зовут его Хума-Хумани; это значит: «Первое облачко на небе». Красивое имя? Очень красивое; наверное, маленький Хума был первенцем и любимцем своих родителей. Наверное, краше его не было детей в округе, по их мнению...

У знаменитого писателя-натуралиста Сетон-Томпсона также есть чудесный герой, тоже охотник, во многом напоминающий всем нам знакомого гольда Дерсу-Узала из книг В. К. Арсеньева. Зовут этого спокойного, мудрого и несчастного человека Куонеб. Томпсон не говорит нигде, что значит слово «Куонеб», но он заставляет его вспомнить про умершего малыша-сына; вот этого крошку звали «Уи-Уис» (Совенок, или Маленькая совушка). Много нежности и ласки вложили Куонеб и его милая молоденькая жена в дорогое для них имя. Видно, глаза был этот Уи-Уис; видно, очень смешно вертел он круглой головенкой, радуя и умиляя юных отца и мать.

А девические индейские имена? Загляните в собрание сочинений Пушкина. Там, в переведенных поэтом «Записках Джона Теннера», англичанина, ставшего приемным сыном индианки и настоящим «краснокожим» по нраву, вы встретите целый ряд сложных, непривычных нашему слуху имен:

Монито-о-гезик Та-бу-шиш
Киш-кау-ко Мун-ква
Нет-но-куа и т. д.
Уа-ме-гон-е-бью

Пушкин сообщает значение только нескольких из них.

«Мун-ква» (так звали индейца-знахаря из племени кри) означает «Медведь». Имя самого Джона, данное ему его друзьями-отавуавами, звучало: Шо-шо-ва-не-ба-се, а это значит «Сокол». Но удивительнее всего кажется русскому поэту имя молодой индианки — невесты Теннера.

«Красавица его, — с лукавой усмешкой пишет Пушкин, — носила имя, имевшее очень поэтическое значение, но которое с трудом поместилось бы в элегии (Элегия — грустное стихотворение. Пушкин хочет сказать, что такое длинное имя никак не уложишь в наши европейские стихи.): она звалась Мис-куа-бун-о-куа, что по-индейски значит „Заря“».

Следует добавить еще, что Уа-ме-гон-е-бью переводится как «Тот, кто надевает убор из перьев».

Что ж? Юной жительнице лесов имя «Заря» так же идет, как имя «Ястребиный коготь» старому охотнику за гризли и карибу (Гризли — самая крупная порода медведей, карибу — канадский олень). Видимо, индейцы — мастера называть своих детей.

Но так поступали, поступают и сейчас далеко не они одни. И в Азии, и в Африке, и даже «у себя дома» в Европе мы можем встретиться с точно таким же обыкновением.

В книге одного француза мне попалось красивое индийское женское имя «Джалан-

тахчандрачапала»—«Зыбкая, как отражение лунного луча в воде». Вероятно, вы слышали название оперы «Мадам Баттерфляй»; «баттерфляй» по-английски «бабочка». Действие оперы разворачивается в Японии, и ее героиня носит японское имя Чио-Чио-сан так, по крайней мере, называет ее европеец-автор.

Слово «сан» можно перевести как «госпожа», «мадам». Слова «Чио-Чио» в японском языке, вообще говоря, нет: это переводчики так исказили другое японское слово «Тьо-Тьо». Оно, действительно, означает: «бабочка, мотылек» и, если хотите, подходит молодой порывистой девушке. Это Азия. У племен Центральной Африки дело обстоит еще своеобразнее. Вот два любопытных примера из истории тамошних имен.

Одна молодая негрятка носила красивое имя Датини. Оно значит: «А я что говорила?»

Как так?

А вот как: ожидая рождения ребенка, родители поспорили: отец думал, что появится сын, мать — что дочь. Когда родилась дочь, мать с торжеством вскричала:

«Датини!», то есть «А я что говорила?» Так и назвали девочку.

Рядом жила другая негрятинская женщина, по имени Кабисития, то есть «Спотыкается о корчаги». Но и это имя объясняется просто: она ходила всегда с гордо поднятой головой и всякий раз, выходя из хижины, ушибала ногу о сложенные у дверей миски.

Видимо, у негров есть даже обычай по мере надобности заменять одно имя другим, более подходящим; по крайней мере имена европейцев они всегда заменяют своими, более осмысленными на их взгляд. Так, например, одного белого они переименовали в «Нголидана», то есть «Золотой зуб»: у него были вставные зубы. Один из его соседей звался у них «Пандлана» — «Лысая голова», другой — «Нгвондела» — «Сутулый», третий — «Масупа» — «Бородавка», а жена «Бородавки», обладавшая горячим характером — «Нунгвашу», то есть «Сердитая».

Вы скажете: ну да! Почему этому не случаться на краю света, в Декане или в Конго; там все возможно! Но нельзя ли подобрать подобные примеры и в языках ближайших наших соседей? Можно! Мы потому лишь не замечаем их, что часто плохо понимаем значение привычных нам имен: узнает человек, что «Федор» — это «дар божий», и спрашивает: «А что значит имя Лев?» А ведь лев и значит «лев», «царь зверей»; только спрашивающий никогда не обращал на это внимания.

* * *

Вам, может быть, приходилось встречать болгарское имя Вылко. По-болгарски Вылко значит «волк». Как! Человека зовут волком? А почему, собственно, Львом звать можно, а Волком — нет?

Можно звать и Волком! Имя это распространено и в соседней с Болгарией Югославии; только там оно, как и самое слово «волк», звучит несколько иначе: «Вук». Как и почему могло прийти человеку в голову назвать своего ребенка диким зверем? Выслушайте одну правдивую историю.

Жил в Сербии больше столетия назад славный ученый и пламенный патриот, языковед Караджич. Родился он еще в XVIII веке, за двенадцать лет до нашего Пушкина. У Степана Караджича, отца ученого, дети рождались часто, но все, как один, умирали еще крошками. Как помочь такой беде?

Старый сербин вспомнил старинное поверье: если твои сыновья не живут на свете, назови того, кто вновь родится, Вуком. Волки сильны и выносливы; волка и смерть не берет. От такого имени сын твой станет сам крепок, как волк, и горе отойдет от твоего дома. Крестьянин Караджич и его жена так и поступили. Когда появился у них еще один ребенок, они нарекли мальчишку Вуком. «И что же? — лукаво посмеиваясь в усы, говорил своим ученикам седовласый языковед лет шестьдесят спустя. — Как видите, старое средство помогло: „Волк“ жив до сих пор, и зубы у него еще не затупились!»

Такие же или похожие поверья встречались и у других славянских народов, и у всех их соседей. Во всяком случае, у многих мы видим похожие «волчьи» имена.

Вот старогерманское Рудольф. Теперь, употребляя его, немцы не задумываются над его значением: имя как имя, и достаточно.

Но дело не так-то просто.

Когда-то имя это означало то же, что современные немецкие слова *roter Wolf*, — «красный волк». Постепенно оно изменилось; теперь в нем от древнего «Вольф» остались только три последних звука. То же произошло и с именем «Ад-ольф» — «благородный волк» (впрочем, иные ученые возводят это имя к готскому *Attulf* — «помощь отцу»). Как вам кажется, — велика ли разница между индейским «Ястребиным когтем» и древненемецким «Красным волком»? Сходство таково, что их легко счесть и одноплеменниками и современниками.

А эти два Волка в Германии — не исключение. Там и сегодня пользуется полным правом гражданства имя Вольфганг — «волчий ход» (Например. Иоганн Вольфганг Гёте.), в него тоже входит основа «Вольф». История сохранила память о первом христианском епископе германского племени готов: его звали Вульфила, или Ульфила. Это имя — уменьшительное от готского, то есть древнегерманского, Вульфс — «волк»; правда, оно чуть-чуть переделано на греко-римский лад. Но, во всяком случае, соплеменники «святого» человека понимали его имя как «Волчонок».

Из дали времен

У древних европейцев волк был в почете: он являлся хозяином леса; кто мог тогда поручиться, возьмут ли люди верх над серыми стаями? Сделать именем название такого страшного зверя казалось вполне почетным. А когда слово становится именем, оно остается им надолго, даже если мир вокруг меняется и причины, которые возвысили имя, исчезают.

Этого мало; наши предки относились к имени не так, как мы с вами. Что оно для нас? Простая кличка, и только. А они верили: имя, данное человеку, не просто прилеплено к нему случайной прихотью родителей, оно срастается с человеком; кто скажет, что важнее — человек или его имя?

Это было естественно: тогда и каждое слово еще расценивалось как заклинание, обладающее опасной таинственной силой.

Вот, например, живет в лесу самый страшный, самый сильный зверь, тот, который может ходить и на задних лапах. Положим, мое племя назвало его так: Бурый. Надо остерегаться зря произносить это опасное имя: выговоришь его неосторожно, а вслед за ним явится к тебе и сам его хозяин. Лучше давайте называть страшилище как-либо иначе: мы-то все поймем, о ком речь, а ему самому будет невдомек. Назовем его хотя бы Косолапым, или Топтыгиным, или хоть Лесным. В нашем слове «медведь», которое означает «тот, кто ест мед», до сегодняшнего дня дожило воспоминание об этом далеком прошлом: оно было когда-то именно таким вторым, запасным именем свирепого хозяина леса.

(Можно спросить: какое же «медвежье имя» было в древности «первым», настоящим у наших предков? Не берусь сказать вам наверняка, а гадать можно по-разному. Обращает на себя внимание, скажем, такое обстоятельство: у нас, русских, хозяина леса нередко именуют не очень почтительно — «мишкой»:

«Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть квартет...»

Откуда взялось это имя? Неужели только из присутствия звука «м» в начале слова

«медведь»? Вряд ли.

Любопытно, что в родственном русскому — болгарском — языке слова «медведь», похожего на наше, вовсе нет: по-болгарски медведь—«мечка». Мечка? Но ведь это поразительно напоминает нашего «мишку».

Можно пойти и далее: у литовцев медведь — «мешка» («meska»). Но у них же есть слово „мишка“, которое значит „лес“. Между тем литовский язык весьма богат древними и древнейшими словами и в то же время родствен древнерусскому языку. А что если когда-то и наше „мишка“ означало „лесной хозяин“, самое страшное животное леса? («мешка» на лит. — *медведица, медведь на лит. — локис; ldn-knigi*) Может быть, это слово или другое, к нему близкое, и было первым, главным именем бурого великана. Тогда именно его заменили «обходным», условным, косвенным и описательным обозначением «медоед», чтобы не тревожить понапрасну старого соседа. А потом произошло то, что часто происходит в языке: описательное имя стало привычным, старое — ироническим, смешным. Медведя стали звать медведем, а охотники наших северных лесов начали воздерживаться от произнесения этого слова вслух в лесу; даже и сейчас они, где-нибудь в глуши, предпочитают называть косолапого где «зверь», где «хозяин», где еще как. (См. Герасим Успенский. По заповедным дебрям. Детгиз, 1956, стр. 78.)

Теперь легко сообразить: если каждое слово обладает чудесной силой, то человеческое имя, разумеется, может быть могучим талисманом, добрым или злым, смотря по своему характеру. Досталось человеку удачное имя — счастливой будет его жизнь. Промахнулись родители, не угадали, — пусть он пеняет на них: лучший смельчак и силач наверняка погибнет, раз ему дали плохое имя.

А как отличить плохое от хорошего? Это ведомо волхвам и кудесникам, но думать можно, что слово, которое значит что-либо приятное, могучее, светлое, не должно, став именем, принести вред. Скорее, оно передаст его носителю эти качества.

Мир давно забыл о большинстве таких наивных верований, а имена остались. Мы не помним, почему когда-то наши предки начали называть своих детей так, а не иначе; нам даже странно, когда ученые вскрывают причины этого, так они нелепы. Но в языке сила вековых привычек неимоверна: старые имена живут и живут. И мы ими пользуемся.

«Хорошо, — скажете вы.—Если так поступали другие народы, почему же у нас, русских, нет и не было имени Волк?»

Нет, было.

В 1492 году, как раз тогда, когда каравеллы Колумба плыли через Атлантику в Новый Свет, по бездорожью Европы ко двору императора Максимилиана пробиралось русское посольство. В его составе ехал именитый московский дипломат, дьяк **Волк** Курицын.

Мы знаем об этом из письменных источников. Но даже без них ученые все равно утверждали бы: имя Волк когда-то существовало.

Во все времена множество русских людей носило фамилию Волковых.

Что значит Волков? Сын Волка, так же, как Петров — сын Петра, а Львов — сын Льва. Услышав фамилию Львов, вы не думаете, надеюсь, что кто-то из предков этого человека был хищным зверем — львом.

Вы понимаете: кто-либо из них носил такое имя Лев.

То же приходится думать и о Волковых. А так как их на Руси всегда было немало, имя »Волк«, очевидно, являлось некогда довольно распространенным.

Впрочем, к этому надо добавить вот что: у дьяка Курицына, судя по старым грамотам, было и второе имя — Иван. Документы зовут его то так, то этак — Иваном Курицыным, Волком Курицыным и даже Иваном-Волком. А это почему?

Свое не чужое

Странную новость я только что сообщил вам: у одного человека — два имени: Иван и

Волк.

Обратите внимание: второе имя — Волк — чисто русское слово, с определенным значением. И вы и я понимаем, что оно значит. А докопаться до значения слова Иван, зная один только **русский** язык нельзя. Надо знать древнееврейский.

Это имя — чужестранец. Мы помним, оно родилось давно и далеко — в древней Иудее. Там оно звучав как Йоханаан и означало «дар бога» (см. стр. 23). Отправиться в далекий путь от народа к народу оно смогло лишь после того, как из Палестины все дальше и дальше начало распространяться по свету религиозное учение одной из древнееврейских сект, много позже названное христианством. Спустя много лет после этого имя Йоханаан, изменившись до неузнаваемости, стал Иоанном, попало к нам на Русь. Тут оно, во-первых, превратилось в имя Иван, а во-вторых, окончательно потеряло «вещественное» значение: было значимое слово, стало имя, которое, собственно, не означает ровно ничего.

Но христианство проникло на Русь в конце X века не прямо из Иудеи, а через Византию (Грецию); не даром у нас его стали звать «греческой верой». Жрецы этой новой веры — священники и монахи — вступили в яростную борьбу с верой старой, язычеством. В такой смертельной борьбе все средства хороши. Был придуман очень хитроумный ход: отныне все дети могли получать имена только при посредстве христианской церкви, во время обряда крещения, и конечно уж только **христианские** имена, уже принятые в Византии. Именно с этих пор слова «назвать» и «окрестить» стали у нас значить одно и то же.

В Древней Греции, как и всюду, люди брали любое понравившееся им слово и делали его человеческим именем. Было слово «басилиос» («василиос») — «царский» — и стало именем Василиос. Было в латинском языке слово «паулюс» — «малый», и его сделали именем Паулюс. Имя Лауренциус (Лаврентий) выросло из слова, означавшего «увенчанный лаврами, лауреат». Имя Стефан было когда-то словом «стэфанос» — «венок». Имя Катерина, если разобраться, означало когда-то «вечно чистая».

Первые христиане в Греции и в Риме носили вовсе не христианские, а самые обычные языческие, греческие и римские имена. Но потом выработался обычай называть детей обязательно в честь какого-нибудь человека, прославленного христианской церковью, «святого», как говорили тогда. В этом был известный смысл: христиане верили, что после смерти такие угодные богу люди возносились на небо для новой жизни. Став жителями иного мира, они, однако, продолжали заниматься делами грешной земли. Их живо интересовали все здешние дела; оттуда, с неба, они могли наказывать одних, мешать другим, помогать третьим. Кто же в первую очередь мог рассчитывать на эту высокую помощь?

Подумайте сами: имя в понимании древних было не простым словом, а совершенно особенным, волшебным. Два человека с одинаковыми именами, по их мнению, были всегда таинственными узлами связаны друг с другом. Обменяйся вы именем с кем-нибудь совсем чужим, и вы станете ближе, чем родичи, больше, чем братья. И уж если брат скорее поможет брату, чем постороннему, думали древние, так тем более святой, по имени Николай, постарается прежде всего выручить из беды тех Николаев, которые остались на земле: ведь они — его «тёзки». Ну, а уж потом, на досуге, он, возможно, обратит внимание и на других достойных внимания людей.

Правда, у этих других тоже могут найтись небесные заступники: у одного Петр, у другого Родион или Силантий. Но как же плохо тому, у кого совсем нет **тёзки** на небе, кого родители-язычники назвали в честь бессильного языческого бога, а то и просто взяли ему вместо имени обыкновенное слово. Кто поддержит его, кто за него заступится?

Очевидно, получить такое спасительное имя было довольно важно. А чтобы получить его, надо было стать христианином. Очень хитро придуманная ловушка.

С тех пор в глазах людей стало несущественным, что значит, красиво или некрасиво звучит то или другое имя. Полезнее было узнать, какой христианский святой носил его, большую ли он может оказать своему подшефному помощь? Чем знаменитее, чем могущественнее он был, тем лучше.

И совершенно неожиданно русские люди, став христианами, попали в затруднительное положение. На Руси еще не могло быть **своих** святых: святые не могли быть язычниками. Значит, не было и таких русских имен, которые принимала бы христианская церковь. Приходилось давать детям, в виде новых талисманов, непонятные, странно звучащие греческие или еврейские имена, да и взрослых при крещении переименовывать. Это было так непривычно, так не нравилось многим, что вскоре установился довольно странный обычай.

Если верить летописи, первой христианкой на Руси оказалась великая княгиня Ольга, жена Игоря и мать прославленного воина Святослава. Имя Ольга — не христианское, не греческое и не древнееврейское, а скандинавское, **варяжское** имя. У варягов оно звучало Хельга и значило, по-видимому, «святая».

Княгиня крестилась; при этом ей нарекли новое имя. Поступив под покровительство давно умершей матери римского императора Константина, она стала, как и та, называться Еленой, что по-гречески значит «светлая, сияющая».

А теперь загляните в старые святцы. День 24 июля обозначен там как двойной праздник, — в память и Елены и Ольги. Церковь признала святой эту лукавую, жестокую, но очень умную женщину; церковь примирилась даже с тем, что благодаря ей новое, языческое, варяжское имя попало в христианские святцы. И все-таки она упорно продолжала звать Ольгу «во святом крещении Еленой», напоминая, что, как там ни крути, а имя Ольга — не вполне доброкачественное. Святых-то Ольг до этого не было!

Есть у вас такие тетя Лена или тетя Оля, которые еще справляют свои именины 24 июля? Если есть, вы имеете право звать Олю Леной и наоборот, и они не должны обижаться. Но не попадитесь впросак: ежели ваша тетя Лена именинница в марте или в сентябре, вы окажетесь сущим невеждой. В этом случае ее небесный шеф совсем не русская княгиня, а римлянка Елена, которая никогда не была Ольгой; называть ее Олей нет решительно никакого основания. Вот какие сложности!

Случай с Ольгой — не исключение. Внук Ольги-Елены, тот самый Владимир Киевский, который ввел христианство на Руси, получил при крещении имя Василий; я уже сказал, что по-гречески «василиос», «базилиос» — «царский». Но в святцах и старых календарях под 15 (28) июля вы прочтете: «Равноапостольного великого князя Владимира (Василия), мучеников Кирика, Иулитты, Авудима». Смотрите-ка: трое святых остались каждый при одном — имени (они нерусские), а Владимира церковь, даже наградив за великие заслуги званием «равноапостольного святого», так сказать «святого первого ранга», все-таки сопровождает оговоркой;

«По-настоящему-то он Василий, ну да уж ладно!»

Церковь с удовольствием и вовсе отказалась бы от первого, нехристианского, имени, да народ слишком привык к нему и продолжал именовать князя Красное Солнышко, своего героя, по-русски. Приходилось идти на уступки...

Вы поняли теперь, почему и дьяк Курицын носил вместо одного имени два? Народы медленно, с трудом оставляют старые свои привычки, меняют вкусы, особенно связанные с языком.

В XV веке, когда жил дьяк Курицын, никто уже не помнил о язычестве; тем не менее родители, кроме чужого и все еще непривычного Ивана, дали сыну чисто русское, каждому понятное имя Волк. А может быть, подобно отцу и матери Вука Караджича, они хотели этим сделать его стойким в жизни и удачливым? Если так, старая примета подвела их: Волк Курицын кончил плохо: в начале XVI века его, как еретика, казнили страшной казнью — сожгли на костре.

Во святом крещении Иосиф

В знаменитой Публичной библиотеке Ленинграда хранится как великое сокровище — Евангелие, принадлежавшее некогда новгородскому посаднику Остромиру. Чем прославилось оно?

Девятьсот лет назад, в 1056-1057 годах, некий дьяк Григорий, ученый книжник и замечательный художник, то ли один, то ли с помощниками, выполнил огромный труд: выводя искусно букву за буквой, киноварью и золотом расписывая заставки и заголовки, украшая рукопись изящными рисунками-миниатюрами, он тщательно переписал для знатного заказчика священную в глазах христиан книгу.

Мастер этот, несомненно, был русским человеком: переписывая по-старославянски (священные книги древней Руси были написаны на этом языке), он, как ни старался соблюдать правила, делал ошибки, свойственные русскому. То он заменит славянский «юс» русским «у», то вместо болгарского «жд» поставит свое «ж», то перепутает «ъ» и «о»... Так эта книга стала памятником не только старославянского, но одновременно и русского языка.

В те дни, конечно, было переписано немало и других книг, но дошло до нас только семь из них, и древнее Остромирова Евангелия у нас нет памятников письменности. Естественно, что наука дорожит им, как зеницей ока.

Внешне Евангелие—прекрасная, переплетенная в кожу книга из 294 пергаментных листов, толстый том в 35 сантиметров длиной, около 30 сантиметров шириной. В особой приписке дьяк Григорий сообщил нам и дату окончания работы, и свое имя, а также и имя заказчика: «В крещении Иосиф, а мирскы [то есть по-мирскому, по-граждански] Остромир».

Вот и еще раз перед нами человек о двух именах. Это не язычник, отнюдь не враг христианства (враг не заказал бы для себя Евангелия — в те времена такой заказ стоил больших денег), и все же, кроме церковного, он носит второе, «мирское имя», хотя со дня крещения Руси прошло уже много лет. Велика же была сила старых верований и привычек, если они так упорно не хотели сдаваться! Да это и понятно: народ всегда неохотно отказывался от своего в пользу чуждого, и его сопротивление церковным новшествам привело к трудной, многовековой борьбе между христианскими и языческими именами. Потребовалось долгое-долгое время, чтобы первые победили. Последим за ходом этой борьбы.

Ономатомахия — война имен

На Московской Руси лет триста-четыреста назад очень любили читать так называемые азбуковники, книги вроде наших энциклопедических словарей, содержавшие расположенные по алфавиту всевозможные сведения. В одном из очень старых азбуковников говорится:

«Первых родов и времен человеци... до некоего времени даяху [то есть — давали] детям своим имена, якоже отец или мать отрочати [ребенка] изволят: или от взора и естества [то есть по виду и природным свойствам дитяти], или от вещи, или от притчи.

Такожде и словене прежде их крещения даяху имена детям своим сиче [вот как]: Богдан, Божен, Первой, Второй, Любим и ина такова. Добра же суть и та [то есть: «и эти имена были недурны»].»

Древние документы подтверждают это. В 1015 году, например, жил на Руси, по словам летописцев, «повар Глебов, княжеск, именем Торчин». Слово «торчин» в те дни означало «человек из племени торков» (то есть тюрков). Конечно, нам уже не легко теперь судить, «от взора или от вещи» было взято это имя, то есть был ли его носитель похож на торка, был ли он родом торк. Но ведь дело не в этом.

Шестьдесят лет спустя торговал купец, именовавшийся Чернь. Прошло еще двадцать два года, и у одного из князей служит конюхом отрок Сновид.

Вот вам задача: откуда взялось такое своеобразное имя? Можно гадать по-разному. Но, пожалуй, всего правдоподобнее вот какое объяснение: мать этого человека до его появления на свет увидела во сне, будто у нее уже родился сын. Это так поразило ее, что, когда радостное событие и на самом деле свершилось, младенца так и назвали «Сновид» — «Увиденный во сне». Тут как будто и удивляться нечему.

Однако часто нам бывает не легко понять соображения наших предков. Хотели бы вы, чтобы вам дали звучное имя Волчий Хвост? А ведь когда-то оно считалось очень достойным: в X веке его гордо носил знатный человек, один из воевод Владимира Красного Солнышка. Правда, он был древним воином, искусным степным ловцом и охотником. Пожалуй, ему такое имя было к стати: чем оно хуже поэтического Ястребиного Когтя индейцев или древнегерманского Красного Волка?

Стоит упомянуть и об одном священнике в Новгороде XI века. Этот пастырь добрый звался не слишком благостно: «Упырь Лихой». «Лихой» — значит «злой», а «упырями» тогда звали сказочных вампиров, мертвецов, оживающих, чтобы высасывать кровь живых людей, вурдалаков:

...Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак
Горе! Малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем...

А. С. Пушкин. «Вурдалак»

Вот и вторая загадка: из ненависти, что ли, к только что рожденному крошке одарили его родители столь жутким именем?

Думается, наоборот. Я уверен, — это имя придумала удивленная и умиленная мать, как только ненаглядное детище — точь-в-точь вампир-кровосос! — прильнуло в первый раз к ее груди. «Ах ты упырь лихой!» — смеясь, воскликнула она, и эти ее нежные слова, обращенные к крошечному человечонку, превратились много лет спустя в имя седого широкобородого старца, который сам давно забыл, каким он был в детстве. Вспомните случай с негритяжкой, которую назвали «А я что говорила?», рассказанный на стр. 27. Примите также в расчет, что еврейское имя Исаак (точнее — Ицхок) означает «Она засмеялась»; по преданию, Сарра, глубокая старуха, когда ей предсказали рождение сына, недоверчиво засмеялась, а поскольку предсказание все же исполнилось, то ребенка и назвали «Смех». Как видите, ничего неправдоподобного в таких предположениях нет: и в прошлом такие имена никого не смущали.

До нас дошли и другие довольно выразительные имена древних русских священников-христиан, — языческие, мирские имена: поп Лихач жил в 1161 году, поп Угрюм — в 1600, поп Шумило (Советую обратить внимание на имя Шумило; на стр. 52 нам придется столкнуться еще раз и с ним и с другими, похожими: Звонило, Будило и т. п.) — в 1608 году.

Хорошую троицу составили бы, собравшись вместе, эти трое «батюшек», если представить себе, что имена были даны им «по их естеству»!

* * *

Как видите, до поры до времени все шло довольно просто: каждый человек имел данное ему родными понятное имя и спокойно носил его. Но с конца X века дело осложняется. Церковь начинает среди современников усердно вербовать «крестников» для целой армии святых. Для этого новорожденных надо называть в их честь, а святые — все иностранцы.

Первый человек незнатного рода, носивший нерусское крестное имя, о котором мы знаем, был Гюрги (то есть Георгий), подросток-отрок, служивший у князя Бориса в том самом XI веке, когда у Борисова брата Глеба был конюхом знакомый уже нам Сновид Изечевич. В те же дни жили в Киеве вельможа Никифор (по-гречески — «победоносец») и некий боярский сын Константин («констанс» по-латыни значит «стойкий», «постоянный»). Имя самого Георгия в греческом языке означало «земледелец». Как видите, новые имена тоже были не лишены смысла и значения; беда одна: значений этих никто на Руси не

понимал.

В самом деле, даже несколько веков спустя, в 1596 году, в книге «Алфавит», во всем подобной тем азбуковникам, о которых мы упоминали на стр. 37, составитель ее с грустью писал:

«Нам, словенем, неудобь-ведомы [непонятны] нынешние свои имена, еже что толкуется [то есть „как надо понимать слово“] Андрей, что Василий или Данила...»

Он правильно объяснял, в чем тут дело:

«Аще бо [если] святой — римлянин, то и в святцах имя ему по-римски записано; аще же еврейнин, то по-еврейски...»

Словом, надо было быть **полиглотом** (знатоком многих языков), чтобы разбираться в значениях таких имен, а простым неученым русским людям совсем не хотелось называть своих чадушек «неудобь-ведомыми» им, странными кличками. Однако их приходилось принимать: церковь сурово карала за отказ от крещения. Но их по-прежнему тотчас же заменяли в быту своими, родными, каждому понятными именами-словами. И за человеком закреплялись на всю его жизнь иной раз оба его имени, а иной — одно, и чаще русское, «мирское». Правда, предки наши были, видимо, людьми покладистыми: и те и другие имена пестрят в старых документах в самой причудливой смеси:

Г ю р г и Собышкинич

Ратмир Нематович

Гнездило Савин

Никифор Дулов

Юрята Пинещинич

Намест.

Это все «ноугородцы». В одном перечне одиннадцать имен. Четыре из них (Гюрги, Никифор, Дула и Сава) — христианские, шесть — мирские, языческие (Происхождение имени Юрята сомнительно: может быть, оно произведено от христианского Юрий, но вернее всего — нет.). И, видимо, для того, кто их записывал, все они были, так сказать, «равны».

Но все же народ еще явно предпочитал свое чужому. Перебрав все древние документы до XIII века, ученые насчитали в них не более десятка людей, обозначенных только крестными именами. Это всегда знатнейшие из знатных, князья-рюриковичи — Василько, Давид, Андрей, Юрий. Куда чаще, даже среди высшей знати, встречаются двухыменные люди; их упоминают сразу и под официальным, крестным, и под домашним, мирским, именем (когда речь идет о лицах высокопоставленных, мирские имена зовутся «княжими»). Лишь много позднее об этом забыли, и сейчас уже мало кто знает, что с точки зрения церкви не было, например, Владимира Мономаха, прославленного полководца и мудреца. Мономах «во святом крещении» был наречен Феодором; Феодором его и числит церковь.

Если не говорить о князьях-рюриковичах, то в первые века христианства на Руси даже знатнейшие люди предпочитали не забывать своих мирских имен:

«Преставися [умер], — сообщает под 1113 годом летопись, — князь Михайло, зовомый *Святополк*...»

«Се аз, великий князь Гавриил, *нареченный Всеволод*, самодержец Мстиславович...» — гордо начинает грамоту властитель псковский и смоленский.

«И *нарекша ей*, — повествует автор Ипатьевской летописи про одну из тогдашних юных княжон, — имя: во святем крещении Полагия [то есть Пелагея]. А княже — Сбыслава».

Это понятно: кто, кроме ученых монахов, мог знать, что Михаил значит по-еврейски «богоподобный», что Гавриил — это «божья твердыня». Не понимал народ и греческого имени Пелагия — «морская», происходящего от того же корня, что и наше «архипелаг». Конечно, он предпочитал такие имена, о смысле которых нет нужды гадать. Даже самые важные «отцы церкви» не гнушались мирскими именами: про митрополита волынского,

жившего в начале XIII века, сказано, что его звали «Никифором, а *прироком* — Станило». Слово «прироком» означает тут «по прозвищу», «домашним именем». Ну, а раз уж важного церковного сановника в народе именовали языческим именем, ясно, что оно было милее и понятнее для всех.

Все перепуталось

Теперь понятно, откуда взялась древняя двухыменность. Боярина Шубу, крещенного Окином (XIV век), называли Шубой Федоровичем, возможно, потому, что он родился преждевременно, недоношенным: таких слабеньких младенцев принято, пока не окрепнут, выдерживать в рукаве теплой родительской шубы. Не удивляет нас и «убиенный от литовского князя Олгерда» (*Algirdas на лит.; ldn-knigi*) некий «Круглец, нареченный Евстафием». Церковь дала человеку имя Евстафий («очень стойкий») по своим соображениям; родители же назвали его Круглцом, наверное, по «взору или естеству».

Но вот под 1350 годом в Галицкой летописи встречается странная запись:

«Родился князю Андрею сын Иван. Нарекоса ему имя Василий...»

Что за нелепость? Как же звали на самом деле этого княжонка — Ваней или Васей? Ведь оба эти имени — церковные, христианские.

Это не случайность: дальше (см. стр. 50) мы встретим немало подобных неожиданностей. Приходится думать, что понемногу наиболее часто встречающиеся чужеземные имена как-то обрусели, стали представляться народу роднее, чем другие, более редкие. Ведь и сегодня «Иван» или «Марья» кажутся нам исконно русскими рядом с каким-нибудь «Прискиллой» или «Никтополионом». А с другой стороны, иные действительно русские по типу имена начали выглядеть как христианские, если они имели какое-то «благочестивое» значение.

Возьмите древнее чисто русское имя Богдан: в том азбуковнике, о котором шла речь, оно приведено в виде примера дохристианского наименования. А позднее стали понимать его не как «данный богами», а как «данный богом». Каким богом? Христианским, не языческим! Именно поэтому иногда возникала путаница, разобраться в которой не умели даже и глубокие знатоки именословия, православные монахи и священники.

На одной из могильных плит знаменитой Троице-Сергиевой лавры, прославленного монастыря-крепости под Москвой, высечена надпись:

СОБОТА ИВАНОВИЧ ОСОРЬИН ВО ИНОЦЕХ СИМЕОН

СОБОТА ИВАНОВИЧ ОСОРЬИН
ВО ИНОЦЕХ СИМЕОН

Что в ней особенного? Имя Собота, Сobotко, Суббота было очень распространенным когда-то. Это типичное мирское имя, и давалось оно, конечно, как говорится в азбуковнике, «по времени»: родилось дитя в счастливый день, под воскресенье, так и будем его звать Субботой. Правда, в святцах такого имени нет (Имени этому в святцах соответствует христианское имя Савватий. См. стр. 264.), но по смыслу его легко смешать с церковными именами: ведь суббота — канун православного праздника. «Помни день субботний, во еже святити его...» — сказано в Библии. Такая путаница произошла и с боярином Осорьиним. Откуда это видно?

В старину был обычай — тяжелобольного человека, готовя к смерти, очищали от грехов, постригая его в монахи. Это был мрачный, даже жуткий, обряд. Над умирающим читали заупокойные молитвы, точно он уже скончался. То земное имя, с которым он прожил всю жизнь, заменяли другим именем, «иноческим», чтобы показать, что грешный человек

совсем переродился теперь, стал подобен ангелам и схимникам по чистоте души. Очень важным считалось при этом соблюдать правило: новое имя по инициалу должно было совпадать с крестным. Ивана называли «во иноках» Иоакимом или Ионафаном; Григория делали Гермогеном или Гервасием, Феодора — Филаретом или Феофаном. Думали так: пусть Ивану по его делам прямая дорога в ад; под видом Иоакима он авось попадет в царствие небесное, избежит заслуженной кары. Как видите, все еще живо было древнее представление о силе имени, о том, что его перемена может полностью изменить и самого человека.

Все это, несомненно, было проделано и над Соботой Осорьиним. И, заметьте, священники, совершавшие печальный обряд, постарались подобрать ему имя по всем правилам: Сбота — Симеон. Ясно: даже они считали имя Сбота крестным, православным; им бы и в голову не пришло подгонять «ангельское» имя по мирскому.

Еще убедительнее та история, которая разыгралась в день кончины царя Бориса Годунова. Вспомним мрачную сцену из пушкинской трагедии.

Ц а р ь
Все кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад..

Входит патриарх, святители, за ними все бояре. Царицу ведут под руки, царевна рыдает.

Кто там?
А! схима... так! святое пострижение...
Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей...
.....
Простите ж мне соблазны и грехи,
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приблизься, я готов.

Святой отец и на самом деле — не в драме, а в действительности — приблизился тогда к умирающему. Обряд пострижения был совершен: Бориса переименовали в Бо-голепа. Давая ему новое имя, патриарх, очевидно, был уверен в его законности. Между тем это имя отсутствовало в православных святцах, что и естественно; не могло быть ни грека, ни еврея, ни римлянина с русским именем. В святцах имелось греческое имя Феопрепий, означающее «подобающий, приличествующий богу». Некоторые считают, что его просто перевели уже позднее на русский язык и получили Боголепа. Но это плохое объяснение: ведь имя-то подбирали на ту же букву, что и Борис, и Феопрепий никак не могло подойти. Явно церковники пленились богобоязненным смыслом слова «боголеп» и приняли его за христианское имя. Довольно долго совершенно также по ошибке принимали за утвержденное церковью православное имя Богдан...

«Позвольте! — скажете вы. — Как же „принимали“? Как „довольно долго“? Да ведь всем известен крупнейший государственный деятель Украины, гетман Богдан Хмельницкий!»

Представьте себе, церковь не знает человека с таким именем. При крещении будущему гетману было дано совсем другое имя — Зиновий (то есть «живущий по-божески»), Богданом гетмана звал весь народ, но имя это было в глазах церкви «мирским», «языческим». Для нее гетман навсегда остался Зиновием, и ни в каких «крестовых календарях» вы имени Богдан не найдете.

Умойся грязью

У каждого, кто читал превосходный роман А. Н. Толстого «Петр I», запечатлелся в памяти образ несчастного и до свирепости обозленного крестьянина, которого окружающие звали «Умойся Грязью». Автору дорога эта жутковатая фигура. Умойся Грязью появляется то на каторге воронежских верфей, то на далеком Белозерском севере, то в других местах... С большой силой нарисовал его Толстой.

«На берегу... между мокрыми камнями сидели Андрюшка Голиков и... Умойся Грязью, сутулый человек, бродяга из монастырских крестьян, ломанный и питанный много...» (Алексей Толстой. Собр. соч., том пятый, «Петр Первый», кн. 2, стр. 423.)

«Умойся Грязью дрался с пятерыми... такой злобы в человеке Андрюшка не выдывал сроду...» (Там же, стр. 425.)

«Сутулый солдат... Умойся Грязью мрачно подавал из ковшика на руки... (Там же, стр. 561.)

Что за странная кличка у человека — Умойся Грязью? Имя это, фамилия или прозвище? Или, может быть, оно вообще плод фантазии писателя?

Нет, это не так. Человек с таким странным прозвищем на самом деле существовал; правда, жил он не во дни Петра I, а лет на сто раньше, в 1606 году. Грамоты с этой датой упоминают про «псковитянина Федора Умойся Грязью». Выходит, что пленившее А. Толстого мрачное сочетание слов было чем-то вроде фамилии?

Дело, однако, не так-то просто. «Умойся Грязью» — не фамилия, не прозвище, в нашем смысле этого слова, и уж, разумеется, не «крестное» имя. Что же тогда? А вот судите сами.

В старой Руси, как мы видели, люди постоянно носили по два имени сразу: «крестное» — для «небесных дел» и мирское» — для земных. Впрочем, так обстояло дело главным образом в кругу людей более или менее состоятельных. Двухыменность была чрезмерной роскошью для крестьян, ремесленников и всевозможных «подлых» людишек прошлого. Всюду, где мы с ними сталкиваемся (конечно, они попадают не в царских жалованных грамотах и велеречивых указах, а в решениях судов, в сыскных делах, в запродажных или кабальных записях), почти всегда каждый из них имел одно-единственное имя. Иногда оно бывает «крестным из числа хорошо знакомых и нам: Ивашко, Гаврилко, Федька, Дунька. Но едва ли не чаще всплывают совсем другие имена, „мирские“, а они так резко отличаются и от **крестных** и от уже знакомых нам **княжих** имен тогдашней знати, столь непривычно звучат, что просто не знаешь, как и познакомить с ними читателя, не озадачив его окончательно.

Я беру из одной очень серьезной книги, посвященной русскому «именословию», небольшой перечень:

Кислоквас Износок
Жирнос Несоленной
Кислица Опухлой
Кисель Голохребетник

Как вам кажется, что это за слова? Автор утверждает: перед вами самые обыкновенные мирские имена простых русских людей, живших в XIV, XV, XVI веках. Трудно поверить. Хочется спросить: неужели, если вам пришлось бы избирать имя для кого-нибудь из ваших маленьких родичей, вы остановились бы на одном из этих диких слов? А вы думаете, что это самые ужасные?

Вот еще списочек из того же и еще из другого труда исследователей старины (Приведенные здесь имена взяты из работ А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» и Н. Тупикова «Заметки к истории русских имен»):

Неудача Огурец
Нелюб Ончутка (то есть «черт»)
Нехорошей Лубяная Сабля
Болван Поганный Поп

Немыслимо объяснить себе, что думали люди, когда награждали своих детей такими «сладостными дарами»...

Правда, случается встретить и более сносные на наш слух имена. Жили в то же время на Руси люди которых звали много приятнее и объяснимее с нашей точки зрения, скажем:

Милюта Гость
Ждан Богдан
Малинка Любим

Каждый согласится: лучше называться Жданом, чем Нежданом, Любимом, нежели Нелюбом, и Богданом, а не Болваном. Но горе в том, что таких более или менее благожелательных названий дошло до нас в старых бумагах сравнительно немного. Не так уж много, правда, и злых, «поносных» кличек, вроде приведенных выше. А подавляющее большинство имен представляет собой, что называется, ни то ни сё, удивительный подбор таких разнообразных слов, что буквально ума не приложишь, кому пришло в голову сделать их именами... А впрочем, вчитайтесь еще в один список:

Горноста́й Грязка Пешок Огурец
Звяга Будилко Образец Паук
Сорока Май Соловей Щетина
Пешка Чулок Сахар Иголка

Что это? Перечень товаров какого-нибудь странствующего торговца? Список зверей и птиц? Случайный набор имен существительных из старинной грамматики? Нет, это шестнадцать имен, которые спокойно и без всякого смущения носили наши прапрадеды.

«Позвольте, позвольте! — разволнуется иной читатель. — Да какие же это имена? В лучшем случае — это прозвища».

Он потребует разъяснений и, конечно, будет прав. Но, чтобы дать толковое разъяснение, придется предварительно коснуться целого ряда вопросов.

Имена или прозвища?

Да, это основная загадка. Может быть, перед нами действительно не имена, а просто насмешливые клички? Народ любит хлесткие прозвища; и сегодня педагоги в школах затрачивают немало труда на борьбу с привычкой ребят награждать товарищей разными кличками. «Припечатать кого-либо метким словом» мы всегда умели. Вспомним, что говорит Н. В. Гоголь в «Мертвых душах» о народных прозвищах: «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света... ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица». («Мертвые души», часть I, гл. 5.)

Может быть, и там, в глубине веков, мы нашли не имена, а такие же самые меткие, злые, соленые прозвища?

Над этим стоит поразмыслить: имя или прозвище? Какое между ними сходство и какие различия. Сведем их в одну табличку.

Сходство:

И то и другое — имена собственные.

И то и другое, как мы уже видели, образуются из самых обычных слов.

И от имени и от прозвища легко образуются так называемые «фамилии»: Андрей и его потомки Андреевы; Андрей Хорек и его дети — Андреевичи Хорьковы.

Различие:

Имя употребительно одинаково как внутри семьи, так и вовне, всюду, вплоть до официального документа.

Прозвище применимо только при близких отношениях между людьми или при отсутствии уважения. Ни в какой документ оно «не лезет».

Имя постоянно сочетается с отчеством и фамилией; прозвище — никогда. Из имени без труда образуются отчества, а из прозвища — нет: это немислимо. Имя — почтительно, прозвище — часто обидно.

К этому можно добавить ещё одно отличие, — имя легко использовать само по себе, без всяких дополнений, прозвище же чаще всего требует, чтобы рядом с ним стояло настоящее имя: «Как у Васьки-Волчка вор стянул гусака...» или «Это тот Попович славный, тот Алеша-богатырь...» Впрочем, это различие не может быть признано обязательным,

Ну что ж, выходит, что у нас появилось нечто вроде своеобразного сита, контрольной сетки. Пропуская сквозь нее сомнительные прозвания, мы увидим, где они «не пройдут», и решим интересующий нас вопрос. Начнем при этом, так сказать, «с конца», с последнего признака.

«Яз... пожаловал есми Злобу Васильева сына Львова и Ивана Злобина сына Львова же... пустошьми и орамыи землями...» — пишет в одной из своих грамот царь Иван IV.

Вот и смотрите: два имени — Иван и Злоба, одно православное, крестное, другое — явно мирское выступают тут на совершенно равных правах. Как при крестном имени не добавляется второго, мирского, так и при мирском не стоит крестного. Мирское имя Злоба сочетается с отчеством «Васильев» совершенно так же, как крестное Иван с отчеством «Злобин»: Злоба Васильев-сын, Иван Злобин-сын. Наконец, каждое из них в одинаковой степени само способно стать отчеством: от «Василий» — «Васильев», но и от «Злоба» — «Злобин». Совершенно ясно, что с точки зрения царя и тех грамотеев, которые писали его грамоту, слово «Злоба» является точно таким же именем, как и Иван, ничуть не «хуже», ни в чем не «второразрядное». Это вовсе не прозвище.

В других случаях в одном и том же документе на равных правах чередуются и мирские и крестные имена, без всякого различия между ними.

...Хвороща и с братом Иваном (1388 г.)

...дети его Некрас да Ивашко (1459 г.)

...Товарищ да Семен Григорьевы (1566 г.)

...Пятой да Петр Пруговы...

Нет никакого сомнения, что и тут писавший не делал никаких различий между обоими типами имен: что Иван, что Хвороща для него совершенно безразлично; имена — и всё тут! Ни носители этих имен, ни дьяки при записях не видели в них решительно ничего обидного, позорного или непочтительного. Каждый с таким же спокойствием именовал себя Кислоквасом, как Григорием или Тимофеем. «Ты кто?» — «Я-то? Запорожский казак, Бтбою зовут...»; или: «Я гетмана посланный, именем Колоша»; или «Пономарь здешний а зовут Огурцом...»

Как мало в те времена отличали мирские имена от крестных, показывает следующее обстоятельство.

Мы уже знаем, что люди в прошлом нередко носили по два **разных** имени; если одно было христианским, другое являлось народным, мирским. Но вот в одном документе упоминается под 1539 годом два новгородских крестьянина: одного звали Филиппом и Юрием, другого — Исааком и Левкой. Как прикажете это понять? Очевидно, в глазах

современников второе (крестное) имя надлежало носить, вовсе не потому, что первое (мирское) представлялось недостаточным, неполноценным. Видимо, просто тот, кто «нарекал» человека, мирился кое-как с именем, данным церковью, но оставлял за собой полное право подобрать и второе, более приятное прозвание. (См. стр. 42.)

В самом деле, вот вам ряд примеров на этот особый вид двойного именования.

«Сын мой Остафий (то есть Евстафий), который был *прозван* Михаил...»

«Карпуша Ларионов, а *прозвище* Ивашко». (1600 г.)

«Ивашко, *прозвище*— Агафонко...» (XVII в.)

Крестят Евстафием, прозывают Михаилом. Окрестили Михаилом, стали звать Микулаем... Похоже на какую-то нелепую сказку-небылицу. С нашей точки зрения, можно дать человеку прозвище Кислоквас или Звяга, сделать же **прозвищем** имя Агафон — в высшей степени странно.

Надо думать, что это говорит об одном: привыкая к церковным, крестным именам, народ перестал уже отличать свое от чужого. Он теперь прикидывал иначе: привычно звучит имя или нет, и выбирал наиболее знакомые. Видимо, прав большой знаток нашего древнего именословия, языковед прошлого века Н. М. Тупиков:

«Русские имена всегда имели все права законного имени и могли выступать без сопровождения имен христианских... Употребление их в качестве имени или прозвища зависело от воли носителя их или же от воли документатора» (то есть того, кто записывал их).

Словом, народ не видел никаких преимуществ в именах «календарных»; ничего плохого — в старинных своих, домашних. Но так как церковь всё время продолжала яростно бороться против последних, то мало-помалу на них лег запрет. Их действительно начали рассматривать как что-то незаконное, как насмешливые клички. Только случилось это не скоро, никак не раньше XVII века. Именно тогда мирские имена попали в окончательную немилость, и грамотеи-дьяки или священники стали брезгливо записывать их так:

«Казак Богдан, а **имя ему бог весть ...**» Тут уже даже привычное Богдан рассматривается как незаконное прозвище, которое не может быть признано. Но ведь это случилось еще когда; а столетием, двумя раньше и Горностаи и Грязка, и даже Износок или Опухлой, были ничуть не кличками, не прозвищами, не «дразнилками», а самыми настоящими именами. Их признавал тогда за имена весь народ, возражала одна только церковь. Но эти возражения для нас с вами никак не обязательны.

Осталось выяснить одно: раз такие причудливые «имена» существовали, — как же они могли возникнуть? Почему нашим предкам вздумалось пользоваться ими? Зачем они им понадобились?

«Добра же суть и та имена»

Специалисты, роаясь в древних документах, насчитывают кто десять, кто двадцать разрядов мирских имен; все они различного происхождения. Мы не пойдем так далеко: заинтересуемся только самыми характерными образчиками. Помните, как выразился о них составитель старинной энциклопедии: «добра же суть и та имена». (См. стр. 37.)

Родилось дитя. Никто не удивится, если отец и мать захотят выбрать ему такое имя, в котором бы отразились их радость, нежность, любовь. Очень понятно, если они назовут своих первенцев Жданами, Любимами, дочерей — Любашами или Милушами. Это вполне естественно, и, встречая такие имена, мы спокойно принимаем их.

Но ведь дети, являясь на свет, доставляют не одну радость. Появилось этакое сокровище, и юные родители вдруг замечают, что хлопот и забот оно принесло куда больше, чем забавы. Маленький Ждан — переждан начинает так реветь по ночам, так заставляет убаюкивать и укачивать себя, так усердно не дает спать ни отцу, ни матери (и уж особенно матери!), что при его «наречении» на ум приходят совсем не такие благодушные имена.

В древних грамотах поминутно встречаются то Будилко, то Неупокой, и Шумило, и

Томило, даже Крик, Гам, Звяга и Бессон. Всмотритесь в эти имена, вслушайтесь в них. Не видится ли вам за ними душная курная изба XV и XVI веков; в ночном мраке без всяких спичек и ламп, где в непроглядной тьме, обливаясь горячими слезами, до третьих петухов, до тусклого света сквозь оконный пузырь, замученная работой молодуха долгими часами «зыбает» в колыбели своего горячо любимого, но такого безжалостного Неупокоя или Бессона?

Чего же удивляться, если она так его и назовет — Будилкой или Томилкой. Очень понятны эти имена, и нельзя считать их странными. Они выражают не злобу, не досаду, не неприязнь, — скорее смесь нежности и отчаяния. Конечно, их давали детям любящие, но трудно живущие матери.

Сложнее с теми именами, которые как будто прямо выражают дурное отношение к ребенку:

Нелюб, Ненаш, Нехорошей, Болван, Кручина...

Что думать о родителях, которые способны так называть свое детище?

Но поищем и тут если не оправдания, то объяснения.

Нечего греха таить, были в старину семьи, для которых каждый новый их член, по горькой нищете, по голодной жизни, и на самом деле оказывался Нежданом и Нечаем, сущей Докукой, настоящей Бедой. Может быть, иногда поэтому его так и называли. Но чаще причины были совсем другими.

Наши предки были суеверны. Они очень боялись «глаза», вредоносного действия чужих или своих похвал; им казалось, назвать ребенка красивым, нежным или горделивым именем,—это значит привлечь к нему губительное внимание целой армии подстерегающих человека врагов—злых духов. Зовут мальчишку Красавчиком или девчурку Ладой, а бес тут как тут, разве ему не лестно завладеть таким прелестным ребенком?! Услышав же про маленького Хворощу, Опухлого или Гнилозуба, кто на них польстится? И под прикрытием **обманного** имени-оберега дитя будет спокойно расти и процветать...

Этот обычай очень древен, и свойствен он был далеко не только нашему народу. Еще в первые века христианства церковный мудрец Ориген советовал запутывать демонов: называть ребенка при крещении одним именем, а в жизни другим. Еще умнее, казалось ему, то же самое имя перевести на другой язык: окрестили Хоздазатом («дар божий»), а зовут Феодором (тоже «божий дар»); называли по-гречески Хрисой, а кличут на латинском Аурелией. Оба слова значат одно — «золотая», но ведь навряд ли злые духи хорошо знают иностранные языки...

Иногда такие хитрости бывали весьма сложными. После рождения дитяти у нас на Руси разыгрывался целый смешной спектакль. Отец, крадучись, под полой выносил младенца из избы, а потом с криком и шумом появлялся уже в открытую, уверяя, что нашел подкидыша. Все домашние поносили и того, кто подбросил ребенка, и самого малыша, и нарекали его соответственно, скажем, Найденном или Ненашем. Бесам оставалось только отступить: погубишь крошку, а взрослые только обрадуются—ведь им он чужой! (Прадеда автора этой книги всю жизнь звали Измаилом Александровичем. Только при его погребении выяснилось, что крещен и записан в метрике он был Иваном.)

Словом, надо иметь в виду: очень многие неблагозвучные, сердитые и обидные имена на самом деле были словесными талисманами: они защищали своего носителя от враждебных таинственных сил.

Надо принять в расчет и другое: с того мгновения, как слово становится именем, оно в какой-то мере перестает **значить** что-либо. Собачонку зовут Шариком, хотя форма ее вовсе не идеально круглая. Имя вашего сына Слава, но это совсем еще не значит, что им обязательно можно гордиться. Да и далеко не все дамы, которых зовут Розами, напоминают этот цветок. Вот почему человек мог всю жизнь прожить с именем Мичура (что значит «угрюмый»), и никого не смущало, если он был весельчаком, каких мало. Так было не

только у нас на Руси; так бывало везде и всюду. Загляните в старинные святцы, и вы узнаете много неожиданного даже о самых привычных нам христианских именах. Ведь имя Аполлон некогда значило «погубитель», Архип — «начальник коней»; редкое имя Коприй переводится как «навозный жук». Не лучше обстоит дело и на женской половине святцев: Цецилия истолкована тут как «подслеповатая», Клавдия — «хромоножка», а Ксантиппа так и вовсе означает «каурая лошадь». По-видимому, дело только в том, что мало кто из нас, пользуясь христианскими именами, понимает их смысл; но ведь их творцы — народы древности — его отлично понимали.

С остальными, мирскими, именами — теми, в которых нет неодобрительного оттенка, — дело обстоит гораздо проще.

Очень распространен некогда был обычай давать их по времени появления ребенка на свет. Старые документы пестрят такими именами, как Зима, Полетко, Подосен, Мясоед, Суббота или Неделя. Только «неделя» означала тут не «семь дней», а один, седьмой, свободный от работы, воскресный: «не-деля».

В обычае было выбирать имя в связи с разными обстоятельствами рождения малыша. В старых рукописях очень часто попадает имя Дорога: его давали родившимся в пути или накануне отъезда. Немало людей именовались Морозами: эти являлись на свет во время особо лютых холодов. И сейчас у некоторых народов нашего Севера есть обыкновение нарекать новорожденного по первому предмету, который попадет на глаза отцу или матери, или по какой-либо иной случайной причине. Стоит вспомнить здесь тех негритянок, о которых была речь недавно, на стр. 27, и которые, если вы не забыли, звались одна — «А что я говорила?» — Датини, а другая — «Спотыкается о корчаги» — Кабисития (Один образованный чукча сообщил мне про чукотского мальчика, которому дали имя, означавшее: «С криком бросается на всякую грязь». Имя явно было дано «от естества» этого младенца.)

Теперь очень большие семьи — сравнительная редкость; несколько столетий назад они были правилом. В доме, где рождается десятый или одиннадцатый сын, не так-то легко выбрать для него удачное и подходящее имя. Вероятно, поэтому так много нам известно людей с именами-номерками: Первуша, то есть «первый сын», Вторак, или Второй, Третьяк, Четвертой, Пятой и так далее, до Десятого включительно; вот имени Одиннадцатый или Двенадцатый мне ни разу не попалось, боюсь утверждать, почему. Вероятно, потому, что оно казалось слишком труднопроизносимым.

Вас удивляет это? Напрасно. Вы не верите? И тоже зря! Чем же, как не этим фактом объясняется, что у нас сейчас так распространены фамилии вроде Первушины, Второвы, Третьяковы, Девяткины? А кроме того, каждый, изучавший римскую историю, вспомнит знаменитых Квинтов, Секстов, Септимиев и Октавиев. Ведь это всё такие же имена-числительные. Квинт Курций, например, можно перевести, как «Пятый из рода Коротковых»; Септимий Север значит: «Семеркин из Суровых». (Сравните названия интервалов музыкальной гаммы: секунда, терция, квинта, секста, септима, октава.)

Все дело в привычке; и не такая уж беда, если список членов иной семьи будет напоминать считалку или таблицу умножения.

* * *

Я уже сказал: ученые указывают десятки источников, откуда наши предки черпали свои имена. Людей называли по профессиям (Поп, Быкодер, Кожемяка), по народностям, жившим около места рождения (Татарин, Мордвин, Черемис), по самым различным чертам ребячьего характера и наружности (Черноголов, Несолоной, Пузо, Губа, Щетинка, Соловей, Смола), по именам каких угодно животных и птиц (Заяц, Гусь, Соловей, Баран, Кот, Ерш и т. д.). Словом, — как хотите, По-видимому, находились даже древние остряки, которые это торжественное дело были склонны обратить в веселую шутку-игру.

Не так давно известный археолог А. В. Арциховский сообщил, например, что в древнем Новгороде обнаружена им занятая семья довольно состоятельных людей, — может быть,

волховских рыбаков или рыботорговцев. Люди эти носили фамилию Линёвых: очевидно, родоначальника их звали Линь. Старый Линь оказался человеком не без юмора: своих четырех сыновей он окрестил тоже «по-рыбьи». И вот ходили в свое время по новгородским улицам рука об руку с батькой Линём все его сыновья-молодцы:

Сом Линёв,
Ерш Линёв,
Окунь Линёв
и даже
Судак Линёв.

Впрочем, вряд ли этот новгородец был первым и единственным основателем такой живорыбной династии: загляните в любую современную телефонную книжку и любой справочник, и вы найдете там сколько угодно фамилий, происходящих именно от таких «рыбьих имен». В абонентной книге по Ленинграду, например (издание 1951 года), я нашел двадцать девять Ершовых, двенадцать Карасевых, по десяти Окуневых и Судаковых. Вот Линёвых там нет, но ведь линь — куда более редкая рыба (В адресной книге «Весь Петроград» за 1916 год зато фигурируют семь Линёвых — четыре женщины и трое мужчин).

* * *

Разговор о войне имен в древней Руси подходит к концу. Стоит, пожалуй, упомянуть при этом вот еще о чем.

Есть немалое число русских людей, носящих явно нерусские фамилии, происходящие при этом от иноязычных имен. У Гоголя фигурирует купец Абдуллин. В романе Чернышевского «Что делать?» действует главный герой Рахметов. Одним из богатейших людей в старой царской России был Феликс Юсупов. На свете живет много Муратовых, Ахматовых, Рахмановых, и всё это люди русские. А между тем имена Мурат, Рахмат, Юсуф, Абдулла, от которых произошли их фамилии, — это мусульманские, турецкие или татарские имена. Обычно предполагают, что такие семьи и на самом деле ведут происхождение от иноплеменников. Так это или нет?

Иногда так, а часто и нет. Изучение списков наших мирских имен показывает: выбирая их для своих детей, наши предки очень часто останавливались на любом, приглянувшемся им, нерусском имени. Почему? По самым разным причинам. Бывало, у главы семьи оказывался друг татарин или мордвин. Случалось, — заезжал в дом какой-нибудь иноземец в качестве гостя. А бывало и так, что русский человек и мусульманин просто обменивались именами, чтобы стать «побратимами». Являлось немало людей, которых церковь считала Федорами или Николаями, а все окружающие звали Ахметами или Карлами.

И так как мирское имя всегда было более привычным в быту, то и потомки получали фамилию по нему, а не по крестному. А потом уже создавалась легенда о татарском или европейском, обязательно **знатном** происхождении данного дворянского рода.

Вот вам еще один пример того, как пристальное изучение «именословия», «ономастики» может принести пользу историкам. Впрочем, этот вопрос касается скорее фамилий, чем личных имен, а до фамилий мы с вами еще не добрались.

Поговорим о крестных именах

Довольно «мирских» имен: мы произвели целое ономотологическое исследование о них. А ведь в конце концов во многовековой войне победу одержали не они: вверх надолго взяли — радостно это или грустно — календарные крестные имена. Есть смысл заняться ими.

По подсчету ученого Н. Морошкина, в середине XIX века у нас на каждые двенадцать носимых русскими людьми чисто русских имен, произведенных от славянских корней,

приходилось не менее тысячи импортных, чужестранного происхождения. Да к тому же свои имена стали мало-помалу очень однообразными, если говорить о тех из них, которые были в конце концов приняты в официальные святцы. Это не так уж удивительно: церковь кое-как примирилась только с княжими именами, употребительными среди знати, из них же, указывает Морошкин, подавляющее большинство связано было с основой «-слав». Например, в летописи Нестора их сто три из ста девяноста. Такие имена — Ростислав, Мечислав, Вячеслав, Ярослав, Владислав — известны нам и сейчас; их вековая церковная цензура с грехом пополам пропустила, в то время как многие великолепные древние имена: Лада, Рогнеда, Милонегга, Добрыня, Дружина, Добрило и прочие — исчезли навсегда.

В пылу борьбы люди нередко ошибаются. Некоторые промахи наших предков мы уже разбирали; о других может быть, стоит поговорить.

Церковь знала некоторые имена святых, которые тесно срослись с различными постоянными эпитетами. Так, например, святых Иоаннов накопилось столь много, что, во избежание путаницы, их именовали каждого в особицу: Иоанн Богослов, Иоанн Креститель, Иоанн Златоуст, Иоанн Воин, Иоанн Постник. Народу было не разобраться в этой сложной системе; для него было ясно: Иван — это Иван, а Постник — Постник. И вот эти двухимянные святые понемногу распались каждый надвое. Появились неведомо откуда взявшиеся святые-самозванцы Воин и Постник. Они не попали в святцы: у них не было и быть не могло никакой «биографии» — жития: людей-то таких — людей-то таких — не существовало!

Однако малообразованные священники вполне признали обоих и охотно крестили этими именами детей. В жизни А. С. Пушкина, например, играл известную роль его друг Нащокин, московский барин-чудак. Его звали Павлом Воиновичем. Значит, его отец, вельможа времен Екатерины II, носил имя Воин, а ведь крестили его не в каком-нибудь диком захолустье. Найдете вы, если поищете, и Постниковых и Постниковичей. (Как известно, имя Постник носил гениальный русский зодчий Яковлев, создавший вместе с Бармой знаменитый храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве. От этого имени пошли многочисленные фамилии Постниковых.)

Случались истории и еще более затейливые. В «Житиях святых» упоминаются три мученика, трое святых, будто бы происходивших из Скифии. Они состояли учениками апостола Андрея и, по преданию, за фанатическую приверженность к христианской вере были заживо вморожены в лед какой-то реки. Звали их Инна, Пинна и Римма; память о них церковь справляла 20 января и 20 июня (старого стиля). Все шло как всегда. Но со временем это забылось, имена эти в соответствии со своими окончаниями стали считаться не мужскими, а женскими и до нашего времени употребляются в качестве женских. Переберите ваших знакомых; ручаюсь, что среди них вам не встретится ни одного дяди Риммы или Инны Петровича. А вот Римма Ивановна или тетя Инна могут попасться весьма легко. (Третье имя, Пинна, почему-то почти не употребительно.)

Таковы некоторые тайны и загадки православного именованья. Они забавны. Но подобных курьезов обнаруживается куда больше, если от русских святцев обратиться к западноевропейским; ведь христианские имена, меняя свою звуковую форму и испытывая разную судьбу, путешествовали много лет по всем странам и народам Европы. Не углубляясь особенно в этот вопрос, мы позднее поговорим немного и о нем.

Роза Львовна и Фиалка Леопардовна

Человек похвастался: «А у меня есть знакомая, которую зовут, представьте себе, Розой Львовной!» Недоуменное молчание служит ему ответом. Впрочем, кто-нибудь, наверное, скажет: «Да? Ну и что же?»

Но почему, если он же заявит: «А вторую мою приятельницу именуют Фиалкой Леопардовной (или Резедой Бегемотовной)», — все закричат со смехом и досадой: «Ну да, рассказывайте! Этого не может быть!»

Не странно ли: роза — цветок, резеда и фиалка — тоже. Лев, леопард и бегемот — крупные дикие звери. Почему же названия первых могут стать именами людей, а остальные — нет? А кстати, вы уверены, что не могут? Вот фраза из одного широко известного художественного произведения: «Жилов из страха перед Мамонтом спал в ванной».

Это вас не удивляет: в одном довоенном журнале был ведь когда-то напечатан фантастический рассказ академика Обручева: привезенный в Москву замерзший тысячелетия назад мамонт ожил и натворил всяких дел; это, наверное, из того рассказа...

Вы думаете? А другая сценка:

«Яша у рояля грянул туш. Полетели шампанские пробки. Мамонт сел рядом с Дашей...»

Бред сумасшедшего? Ничего подобного; это выписка из ничуть не фантастического романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Речь идет о днях гражданской войны. Все происходит в Москве, и автор рисует действительно жившего на свете человека, лицо историческое, известного актера, а затем члена партии анархистов, Мамонта Викторовича Дальского.

Такой человек на самом деле существовал (его настоящая фамилия была Неелов), и если бы у него родилась дочка Виолетта

(«фиалка» по-французски), мы увидели бы живую Фиалку Мамонтовну (У М. В. Дальского была дочь. Она, насколько известно, жива и сейчас и зовется Ларисой Мамонтовной. Так как имя Лариса некоторыми расшифровывается как «чайка» (см. стр. 256), то сочетание получается еще более неожиданное.)

А чем хуже она, нежели Настурция Гиппопотамовна? (За Гиппопотамовну, конечно, поручиться трудно, но Леопардовна, по списку имен включенных в свое время в православные святцы, была вполне возможна. Если не буквально, то, во всяком случае, теоретически. Мало кому известно, что в святцах числилось имя «Пард», с пояснением: барс. Как известно, барс и леопард — два животных «близко родственных», как говорит А. Брем. Если бы вы носили имя Пард, вы справляли бы ваши именины 28 декабря по новому стилю: то был день, посвященный святому, близко родственному леопардам. Добавлю, пожалуй, что, таким образом, среди старых имен были три, связанных с крупными хищниками из числа «кошачьих»: Лев, Тигрий и Пард.)

В чем же дело тогда? Почему мы совершенно неодинаково реагируем на вполне однотипные сочетания слов?

Дело только в привычке и непривычке. Самое простое и благозвучное имя нарицательное прозвучит для нас дико, если мы внезапно превратим его в имя собственное. В нем еще будет живо чувствоваться непогашенное, неумершее первоначальное предметное значение: Еж Петрович, Верблюды Журавлев... Постепенно же (и, может быть, даже довольно скоро при частом употреблении) это значение затухает, померкнет, потом вовсе исчезнет, и слово как бы потеряет для нас «всякий смысл», из «имени существительного» станет «просто именем». Как раз поэтому слова чуждых языков проще принимают на себя роль имен: за ними русский человек с самого начала не чувствует никакого добавочного значения: откуда ему знать, что Гамаль — по-турецки «верблюд», Ардальон для грека — «замарашка» или Дэйзи в Англии — «маргаритка»?

Я могу перевести вам то или иное имя, могу, скажем, объяснить, что турецкие слова «Назым Хикмет» означают: «Слагающий стихи» и «Мудрость», и тогда вам будет уже не так легко воспринимать их просто как имя и фамилию прославленного турецкого поэта. Но ведь пока я не сделал этого, вы даже не подозревали, что это «тоже слова».

Любовь Пушкина

На нашем наблюдении стоит задержаться. Хочется подтвердить его обратным примером. Очень часто слово, став именем собственным, столь бесповоротно расстается со своим былым нарицательным значением, что вскоре затем может внезапно приобрести

значение новое, порой совершенно иное, очень далекое от прежнего, и начать опять играть роль «слова», только имеющего уже совсем другой смысл.

Однажды в городке Луге я увидел издали на заборе афишу. На ней резко выделялись только очень крупно набранные слова: **Любовь Пушкина**.

Это заинтересовало меня. «Интересно, — подумал я. — Видимо, кто-то будет читать лекцию. Но кто же подразумевается под „любовью“ великого поэта — Наталья Гончарова, Мария Раевская или, может быть, таинственная Эн-Эн?»

Я перешел улицу и рассмеялся от неожиданности, Вблизи афиша выглядела вот как:

Выступала певица, носившая ту же фамилию, что и «певец Людмилы и Руслана», а имя ее было Любовь. Все очень просто. Почему же издали я понял текст совсем по-другому?

Недоразумение? Нет, дело тут явно сложнее. Причина в том, что для нас фамилия Пушкин звучит совсем не так, как все остальные, созвучные с нею: слишком особенную историю пережила она.

Все другие сходные фамилии кажутся нам не слишком благозвучными, не очень красивыми: Мышкин, Кошкин, Душкин... В них живо чувствуется их происхождение от слов с уменьшительным и даже «уничижительным» значением, вроде «душка» (рядом с «душа»), «чашка» (рядом с «чаша») и так далее. Актер, носящий фамилию Кошкин, наверняка заменит ее более благородным театральным псевдонимом, прежде чем выступать (как актер Неелов заменил свою псевдонимом Дальский). Тот же, кто носит фамилию Пушкин, не нуждается в этом: она и так звучит достойно. Почему?

Да потому, разумеется, что на наш слух и понимание слово «Пушкин» приобрело уже давно совершенно новое значение. Оно перестало быть только фамилией. Оно значит теперь для нас: «гениальный поэт», «великий художник». Услышав его, мы прежде всего думаем, что речь идет об Александре Сергеевиче Пушкине, и только потом нам приходит в голову, что могут ведь быть и другие Пушкины: Кузьма Васильевич или Петр Никифорович (я взял эти данные из телефонного справочника). Когда поэт в своей «Родословной» гордо писал:

Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин... —

он как бы предвидел в будущем это удивительное изменение значения собственной фамилии. В Большой Советской Энциклопедии указаны два Пушкина, в словаре Брокгауза даже три: Александр, Андрей и Василий. Но из них только один «Пушкин просто» — тот, которого знает каждый.

Очевидно, я был прав, когда утверждал, что судьба человека может преобразить для нас и звук, и смысл его имени. А поразмыслив, заметишь и другое: каждое слово не только состоит из звуковой формы и внутреннего значения; его окрашивает наше живое, часто очень сложное, отношение к нему.

Это можно подтвердить целым рядом сходных примеров. Мы с вами, произнося или слыша фамилию: **Толстой**, совершенно не задумываемся над ее значением: для нас слово «Толстой» тоже как бы является синонимом слов «великий писатель». Кто-то сказал «Толстой», и вы прежде всего подумали: «Лев Толстой, автор „Войны и мира“, могучий ум, один из самых замечательных людей XIX века».

Конечно, в следующий миг вы можете согласиться, что речь идет о каком-нибудь другом Толстом: о поэте, скульпторе, советском писателе. Но все они не «просто Толстые»:

мы зовем их кого «Алексей Константинович», кого «Алексей Николаевич», кого «Федор Петрович». В энциклопедии Брокгауза упомянуты двенадцать носителей этой фамилии, и все же для нас только один из них является «просто Толстым». Но это — только для нас. Иностранцы, недавно научившиеся русскому языку, иначе воспринимают это имя. Один норвежец в своих записках о путешествии по России не без некоторого удивления замечает: «Имя Толстой означает „толстый“!».

Теперь нам надо сделать некоторое усилие, чтобы представить себе, что фамилия Глинка происходит от слова **глина** ; а ведь в свое время известные стихи:

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не *глинка*, а фарфор! —

показывали с полной ясностью, что связь этих двух слов между собою была куда прочнее, чем связь слова «глинка» с представлением о замечательном композиторе. Видимо, пока слово окончательно станет именем собственным, должен пройти известный срок; до поры до времени в нем продолжает чувствоваться его прежнее «нарицательное значение», и нередко оно мешает пользоваться этим словом как удобным общепризнанным именем. Вот одна из причин, которая затрудняет употребление в качестве имен «любых слов».

Имя и человек

Итак, всякое имя собственное — слово, но слово, получившее совершенно особые свойства, новую окраску. Эти свойства заставляют даже нас, современных людей, свободных от всяких суеверий, невольно ощущать в нем как бы более тесную связь с самим человеком, его носителем, чем может быть на деле. Более того, подумайте, и вы убедитесь — нередко нам кажется, что имя способно даже вроде как бы изменять свойства своего хозяина или, по крайней мере, в некоторой степени определять их.

Возьмем такой несколько искусственный пример. Перед вами—перечень лиц, персонажей какой-то пьесы. Страничка оборвана; сохранились только имена, а характеристики исчезли. Вы читаете:

Георгий Ардальонович (*неизвестно кто*)
Екатерина Аркадьевна Бетси ..... ?
Жоржик ..... ?
Пуд Гордеич .... ?
Феклиста Титовна .. ?
Марфушенька ... ?
Карп ..... ?
Ерема ..... ?
Пахом ..... ?
Егорка ..... ?

Формально говоря, вы не знаете про них ровно ничего. Но разве по **именам** этих неведомых людей вы не можете **примерно** представить себе, что за пьеса перед вами и кого именно изобразил автор? Подумайте: похоже, что речь идет о дореволюционном времени и, вероятно, даже о XIX веке. Вполне возможно, пьеса рассказывает о двух семьях, дворянской и купеческой. Георгий Ардальонович и Екатерина Аркадьевна легко могут быть «господами», помещиками, мужем и женой и иметь дочку — барышню Бетси. Мальчик Жоржик годится им в сыновья, так же как Марфушенька окажется на месте в роли купеческой дочери в семье Пуда Гордеича и Феклисты Титовны. Карп, Пахом и Ерема —

несомненные «мужики»...

Разумеется, можно придумать и другие варианты. Милая Бетси может стать гувернанткой Жоржика. Егорке ничто не мешает оказаться сынишкой или даже внуком почтенных купцов. Впрочем, тогда, вероятно, ему подобало бы называться Егорушкой; как Егорка, он скорее подходит для роли деревенского мальчугана. Точно так же Марфушеньку трудно вообразить «горничной девушкой» в купеческой или дворянской семье, — тогда она была бы Марфушкой или Марфушей. Продолжая эту игру вы без труда могли бы придумать сюжет, подходящий **именно для этих персонажей**, сочинить всю пьесу, исходя лишь из того, что вам о них уже известно. А что известно? Ровно ничего, кроме имен!

Да, но, оказывается, этого не так уже мало: имена имеют свою окраску, которая придает их носителям довольно определенные черты. Вы могли бы спокойно сделать Георгия Ардальоновича Георгием Всеволодовичем или Всеволодом Ардальоновичем, это не помешало бы ему оставаться помещиком. А вот превратить его в Пахома Ардальоновича уже куда более трудно. (В романах Л. Толстого живут две героини — Катерины: в «Анне Карениной» невеста Левина, дворяночка, даже княжна — Китти, и в «Воскресенье» — барская воспитанница, дочка дворовой крестьянки — Катюша Маслова. Толстой, как указал В. Б. Шкловский, разъясняет, почему Катюша именно КАТЮША: «Ее и звали так — **средним именем; не Катька и не Катенька, а Катюша...**»).

Вот какое большое и многозначительное содержание может вместить в себя самое обыкновенное имя.)

Совершенно так же дама-аристократка, дворянка может быть Илларионовной, Аркадьевной, Борисовной, даже Алексеевной или Николаевной, зато уж из Титовны или Потаповны аристократки не получится никак. Мы редко отдаем себе полный отчет в этом странном свойстве личных имен, но постоянно пользуемся им. А. Н. Островский, называя одного из своих героев Титом Титычем, сумел в этом сочетании имени и отчества воплотить многие резкие черты людей темного царства, купеческой Москвы. Когда общественность первых лет революции стала перед необходимостью дать короткую, но вполне отрицательную характеристику совершенно особому разряду людей, лжематросам, пришедшим на флот не ради защиты Родины, а в погоне за житейскими благами и дутой славой, для них было найдено точное и выразительное определение-имя: «жоржики». В течение долгого времени наши школьники называли «гогочками» маменькиных сынков, а ведь Гогочка — это тоже имя. Слово «матрешка», возникшее из имени Матрена, означало на протяжении многих лет простоватых, «еще мало обтесанных», по выражению А. Н. Толстого, деревенских девушек, приходивших в город в услужение; теперь мы называем «матрешками» забавных кукол из дерева, в платочках и старокрестьянской одежде, которые вкладываются одна в другую.

Когда во времена Великой Отечественной войны мы именовали вражеских солдат «фрицами», мы использовали уменьшительное от имени Фридрих. Вместо слов «типичный англичанин» постоянно употребляют английское имя и фамилию Джон Буль, в переводе нечто вроде «Иван Бугай». «Дядя Сэм» — «дядя Самуил» — называют среднего американца. Таким образом, имена, которые когда-то стали именами из обыкновенных слов, имеют право и возможность вновь сделаться существительными нарицательными, но уже с совершенно иным значением. Чтобы причудливость этих превращений стала вам особенно заметной, я сведу некоторое количество имен, претерпевших подобного рода метаморфозу в небольшую табличку:

<i>Какое слово:</i>	<i>Что оно значило до того, как стало именем:</i>	<i>Что оно значит, перестав быть только именем:</i>
Максим	самый большой (лат.)	пулемет
Пантелеймон (уменьш. Пантюха)	всемиловитый (греч.)	пэнтюх, рохля, растяпа
Иуда	славный (евр.)	предатель
Иосиф	прирост (евр.)	скромник, конфузливый человек (Иосиф прекрасный)
Самуил	выпрошенный у бога (евр.)	типичный янки (дядя Сэм)
Фома	близнец (евр.)	недоверчивый человек (Фома неверный)
Екатерина	чистая (греч.)	реактивный миномет (катюша)
Август	высочайший (лат.)	восьмой месяц года

Нисколько не сомневаюсь, что вы сами, если поразмыслите над этим вопросом, вспомните сколько угодно других примеров, может быть, куда более выразительных, чем эти.

Однако вот что я прошу вас заметить и на что особенно обратить внимание: такие превращения бывают возможны только потому, что, когда слово становится именем, его значение непременно тускнеет, стирается. Только поэтому оно и может начать работать как имя. Я могу спокойно назвать свою сестру Акулиной, но только потому, что я забыл, что имя это значит «орлица». Вас не удивляет, когда вашего брата именуют Степаном, но ежели бы его стали звать Венком (а Стефан и значит по-гречески «венок»), это показалось бы вам довольно диким.

Именем в конце концов может стать любое слово, однако необходимо, чтобы предварительно из него выветрилось его значение. Это выветривание достигается долгим и упорным употреблением его в качестве имени. Именно поэтому два совершенно одинаковых слова для нас неодинаково годятся в имена. Слово «лев» уже успело утратить свое общее значение, и вот мы про него думаем: «Имя как имя». А слово «медведь» не прошло этой стадии, и, если кто-нибудь даст своему сыну имя Медведь, мальчишка испытает немало неприятностей. Однако, если много людей много лет подряд будут упрямо называть своих детей Медведями, в конце концов и это слово утратит значение «зверь», станет восприниматься тоже «как имя».

Если бы это было не так, мы либо никогда не смогли бы превратить в имена такие слова, как «вера», «надежда», «любовь», либо же, наоборот, могли бы спокойно называть своих дочерей «Нежность», «Догадка», «Сомнение». Ни того, ни другого на самом деле не случилось. Это надо помнить каждому, кто хочет ввести в обычай новые, непривычные имена.

Мулли Улли Гю

Неужели вы забыли это имя? Так ведь назывался вымышленный король выдуманного Джонатаном Свифтом, великим английским сатириком, карликового народа — лилипутов.

Лилипуты были малы, крайне малы: пять или шесть таких человечков уселись бы на ладони взрослого мужчины. На ней мог поместиться и его высочество король со всей его свитой. Но для его имени не хватило бы места не только на ладони,—даже в целой

пригоршне. Полностью оно звучало так: Голбасто Момарем Гурдилло Шеффин Мулли Улли Гю.

Право, недурно для человечка высотой в два или три дюйма...

Что хотел сказать своей выдумкой Свифт? В переносном смысле это понятно: и среди обычных людей — намекал он — немало карликов духа, цепляющихся за пышные и громкие звания. А вот буквально...

А буквально — это имя, точнее, цепочка, ожерелье имен, рассудку вопреки повешенное на шею одного чванливого господинчика, близко напоминает мне другое сочетание слов: Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст граф фон Гогенгейм.

В чем разница? Только в одном: там речь шла о вымышленном короле, а здесь я вспомнил лицо историческое. Именно так звали знаменитого средневекового алхимика, более известного под псевдонимом: Парацельс.

Граф Гогенгейм-Парацельс был католиком, а для народов, исповедующих католицизм, такие гирлянды имен — вещь вполне обычная. Поклонники французского писателя В. Гюго помнят, наверное, аристократа и испанского гранда, которого звали совсем уж сногшибательно: Хиль Базилио Фернан Иренео Фелиппе Фраско-Фраскито граф де Бельверана.

Тут, как видите, цепь имен еще длиннее и затейливее, и это понятно.

Высокородный граф был испанцем, то есть католиком из католиков, а в этой стране к именам издревле установилось особое отношение. Вот что пишет по этому поводу наш современник Лион Фейхтвангер в своем романе «Гойя».

У гениального художника Франсиско Хосе де Гойя была подруга — герцогиня Альба, женщина из очень знатного испанского рода. В семейном кругу ее звали просто Каэтаной, но настоящее имя ее было: Мария дель Пилар Тереса Каэтана Фелисия Луиза Каталина Антония Исабель... и так далее, и тому подобное...

У писателя Фейхтвангера не хватило терпения довести этот список до конца; спрашивается, как же не скучно было возиться со всеми этими словесными побрякушками веселой и умной молодой аристократке? Зачем ей было столько имен?

Фейхтвангер свидетельствует: в Испании XVIII века «идальго» (дворяне) имели право на шесть имен каждый. «Грандам» — родовитым вельможам, носившим титул «дон», полагалось их вдвое больше — двенадцать. Что же до грандов первого ранга, самых высокопоставленных, то они могли носить столько имен, сколько заблагорассудится; в чем-чем, а в этом их никто не ограничивал. И они держались за свои права: носить множество имен казалось им весьма полезным. Вспомните, что я рассказывал вам на странице 33-34: каждое лишнее имя — лишний заступник на небесах. Чем больше у человека заоблачных тезок, тем лучше они его обслужат и защитят здесь, на грешной земле.

Но если так — возникают два вывода. Во-первых, давайте носить много имен: чем больше, тем приятнее! А во-вторых, за каждое лишнее имя надо платить. Кому платить? Церкви, священству: ведь это оно нарекает простым смертным имена.

Значит, естественно, чтобы множеством имен располагали только богатые и знатные люди. Столь же резонно запретить бедным и безродным пользоваться этой роскошью, чтобы не зазнавались! В результате — каждая испанская донья носила за собою эти бесчисленные имена, как складки на присвоенном ей шлейфе платья; каждый гранд распускал их над головой, подобно страусовым перьям шляпы. Одно стоило другого, а все вместе стоило денег.

Чемпионами на этом поприще, конечно, оказались короли. В одном справочнике середины XIX века была опубликована титулатура совсем еще крошечного пеленашки, инфанта (наследника) Португалии, которому исполнилось всего несколько месяцев от роду. Этот повелитель пеленок и император сосок назывался дон Педро Д'Алькантара Мария Фердинандо Гонсаго Ксавиер Мигуэль Габриэль Рафаэль Антонио Леопольдо Иоао Франциско Д'Ассизи, а по фамилии Саксен Кобург Гота де Браганца э Бурбон.

Рядом с этим великолепием многого ли стоят жалкие семь имен короля Лилипутии?

Может быть, вы думаете, что такая бессмыслица могла иметь место только в далеком прошлом, когда люди, даже становясь градами и королями, оставались невежественными суеверами? Вы ошибаетесь!

И сегодня где-то в Западной Европе или Америке живет последний представитель австрийского императорского дома Габсбургов, свергнутого в 1918 году. Он занимается там единственным, хлопотливым, но не слишком доходным делом — претендует на австрийский престол. Беднягу зовут вот как; Отто Роберт Мария Антон Карл Максимилиан Генрих Сикст Ксавье Феликс Ренат Людвиг Каэтан Пий Игнаций Габсбургский.

Почтенно, даже весьма почтенно! Беда только в том, что за пять десятилетий весь крепкий коллектив из пятнадцати бравых святых так и не сумел оказать своему подшефнику единственно нужную ему помощь: в Австрии по сей день богопротивная республика...

Будь проклят, Бирбон

Католикам удобно, — они верят в святых. Фанатическим врагам католицизма, христианам других толков, — ну, скажем, пуританам и квакерам англосаксонских стран, — было куда труднее снабжать себя подобными сложными именами. Черпать из того же источника, что и их соседи-католики, они не могли, потому что ни в каких святых не веровали. Однако оставаться при одном имени каждому тоже казалось как-то недостойно. Как же быть, откуда брать имена?

В разное время они по-разному решали этот нелегкий вопрос. Часть имен перешла все же к «протестантам» от их предков-католиков: английское Джон — это то же, что французское Жан. Немецкий Иоганн, Мария, Йозеф, английские Мери, Элизабет или Дженни — это всё крестные, то есть в прошлом католические имена.

Какую-то долю удалось позаимствовать от древних, еще языческих, родоначальников; особенно в этом смысле поусердствовали немцы. Такие их имена, как Рудольф, Адольф, Адельгейда, Брунгильда, Эбергард, Эрнст, прежде чем стать христианскими (но не католическими), долго оставались столь же мирскими, как те, что встречались нам на Руси. Некоторые из них католическая церковь так и не приняла, с другими примирилась, точь-в-точь как православная с Богданом. Теперь во Франции человек, названный Луи, имеет право рассчитывать на покровительство святого Луи; но редко кто знает, что это имя возникло из безбожного древнегерманского Хлодових: из Хлодовиха — Людовик, из Людовика — Луи. Точно так же в современных французских мягких Гонтран, Клотэр и Клотильд трудно угадать суровые языческие имена древних германских племен — Гунтхрамм, Глотахайр, Гротехильд. Но, так или иначе, они — живут.

Однако их недоставало, да и протестантам очень не хотелось иметь общий именованослов с католической церковью. Была сделана попытка привить имена дохристианские, взятые из Библии, священной книги евреев.

В романах об Америке и Англии XIX века можно их встретить во множестве. Таковы: Джошуа (библейский Иосия), Джереми (Иеремия), Авессалом, Даниил, Соломон, Самуэль, Абрагам, Эстер, Рут, Юдит и многие другие. Одно время мода на них распространилась очень широко, особенно за океаном: шестнадцатый президент США, Линкольн, носил имя Абрагам. В «Таинственном острове» Жюль Верна корреспондента Спиллета зовут Гедеоном, в память одного из «судей израильских». Два других персонажа из того же романа названы в честь древних царей: инженер Смит в честь Кира персидского, слуга-негр — вавилонского Навуходоносора. Надо сказать, что в силу каких-то причин среди негритянского населения США такие имена получили особое распространение.

Прошло, однако, время, и старые обычаи уступили место новым. Если в Московской Руси мирские имена мало-помалу отступили перед христианскими, то на современном Западе произошло обратное: христианское именованословие было постепенно почти полностью вытеснено «светским», то есть «мирским». Сейчас в англосаксонских и германских странах (за исключением католической части населения) каждый волен избирать и давать ребенку в

качестве имени любое приглянувшееся ему слово. Им может оказаться название того или иного красивого цветка (Лилиэн — «лилейная», Дейзи — «маргаритка» или «ромашка», Айрис — «ирис»), им может стать фамилия какого-либо выдающегося человека (Нельсон, Вашингтон, Гладстон, Рузвельт), даже название города или области (так, в повести Киплинга «Отважные моряки» действует жалкий человек, по имени Пени (полностью — «Пенсильвания Прэтт»),

(В той же повести добродушный владелец шхуны «Мы здесь», м-р Троп, зовется Диско. «Родился я, когда пакетбот был близ острова Диско, — рассказывает он сам, — вот почему мне и дали мое имя») а ведь слово «Пенсильвания» — название одного из штатов Америки). (В данном случае положение сложнее: название штата, в свою очередь, произошло от человеческого имени. Территория нынешней Пенсильвании была некогда пожалована королем одному из первых колонистов Английской Америки, некоему Вильяму Пенну. Слово «Пенсильвания», происходя от латинского «сильва» (лес), означало поэтому: «Пеннова лесная страна».)

Превращаются в имена всевозможные существительные, означающие то предметы, то отвлеченные понятия. Есть мальчики, именуемые Голд («золото»), Сильвер («серебро»); есть девочки, которых зовут Бьюти («красота»), Виктори («победа»), Пис («мир»). В Германии во время первой мировой войны появилось много Брингфридэ: слова «бринг фридэ» по-немецки значат «принеси мир».

Нам придется еще вернуться к этим западным «мирским» именам и к тем забавным происшествиям, которые им обязаны своим существованием. Сейчас поговорим о другом.

Казалось бы, в протестантских странах нет места применению длинных и сложных имен, вроде католических. Однако они появились и здесь. Конечно, тут они не могли образоваться при помощи нанизывания друг на дружку церковных имен; протестанты пошли по другому пути.

Во дни диктатора Кромвеля, в 1653 году, — рассказывает немецкий языковед Клейнпауль, — некий торговец кожевенными товарами, человек весьма религиозный и убежденный сектант-пуританин, по фамилии Бирбон, придумал себе вместо настоящего вот какое, весьма благочестивое, но неуклюжее имя: If-Christ-had-not-died-for-alle-you-should-have-been-damned Verebone (в переводе на русский язык оно звучало бы: Кабы-Христос-Не-Умер-За-Всех-Ты-Был-Бы-Проклят Бирбон).

Длинные имена обычно сокращают. Скоро и мистера Бирбона окружающие стали звать куда более коротко: Проклят Бирбон!

Другой, почтенный человек, единомышленник Бирбона (Клейнпауль именует его «известным Пимпльтоном»), придумал для себя еще более сложное имя-замену:

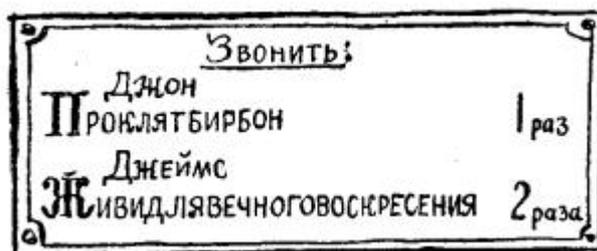
На-Какие-Происки-Ни-Шли-Бы-Твои-Враги-Хвали-Господа-Бога Пимпльтон!

Был среди них чудак, подписывавшийся: Live-for-Resuscitate-Ieroboam d'Ener (то есть Живи-Для-Вечного-Воскресения-Иероваоам д'Энер).

Наконец, четвертый принял более короткий, но зато решительный псевдоним:

Kill-the-Sin Palmer, то есть Умерщвляй-Грех Пальмер.

Пожалуй, этими примерами можно ограничиться, рисуя причуды христианского и европейского именованословия. По не думайте, что они были свойственны только Европе.

У нас нет сейчас возможностей совершить путешествие по ономастике других стран мира, и я ограничусь двумя-тремя образчиками восточных имен-чудовищ.

Недавно мне попались на глаза сведения об одном **мальгашском** (мадагаскарском)

владельцем князьке, которого зовут так:

Анриандимитовиаминдиандзаке.

Где-то неподалеку от его княжества лежат владения его достойного соседа: Андриампанаривофоманадзаке. Мне неизвестно, находятся ли сила, власть и богатства этих государей в таком же соотношении, как и длина их великолепных имен. Но, несомненно, поискав по странам Востока, мусульманским и иным, можно было бы найти там счастливых, обладающих несравненно более богатыми именованными коллекциями. Косвенным доказательством этого служит японская забавная сказочка про двух мальчиков, у которой много различных вариантов, но которую можно вкратце изложить следующим образом.

Жили-были в Японии двое мальчуганов — богатый и бедный. Богатому мальчику родители дали очень почтенное количество весьма достославных имен. Его звали:

Онюдо — Конюдо — Мапирапонюдо — Хиранюдо — Сейтакапонюдо — Харимапобето — Хейтако — Хейтако — Хэмэта — Кемэта — Иччиочирика — Чоччорачирика — ЧоониЧоони — Чобикуни — Чоторабуцуни — Нагонабицуни -Апояма — Копояма — Амосу — Комосу — Моосу — Моосу -Моосиго — Ясиклапдони — Темоку — Темоку — Мокуно — Мокуно — Мокудзобо — Таванчоосуна — Хихидзоэшка.

Это было более чем удовлетворительное имя. А бедного мальчика называли просто Чон.

За богатым мальчиком следило множество нянек, бедный же бегал где хотел один. И однажды он упал в глубокий колодец.

Как только это случилось, соседские дети прибежали к его родителям и крикнули: «Ваш Чон упал в колодец!» В мгновение ока Чонов папа был тут как тут и вытащил сына так быстро, что тот даже не успел воды в рот набрать.

На другой день богатый мальчик улучил минутку, когда его няньки зазевались, побежал и, в свою очередь, свалился в колодец.

Соседские дети не очень любили его, но, видя такую беду, помчались к дому его родителей и закричали:

«Упал в колодец!»

«Кто?» — спросили родители.

«Ваш Онюдо — Конюдо — Мапирапонюдо — Хиранюдо — Сейтакапонюдо...» — начали было дети, но кто-то из них вдруг ахнул: «Ой, что вы! Вы же пропустили Харимапобето! Сначала!!»

Они испугались и начали сначала: «Ваш Онюдо — Конюдо — Мапирапонюдо — Сейтакапонюдо — Харимапобето — Хейтако — Хейтако...» Но, пока они добрались до Хихидзоэшки и родители поняли, что случилось, богатый мальчик захлебнулся и утонул. (В интересном сборнике японских сказок (М., Госполитиздат, 1958) эта же сказочка приведена в другом варианте. Там богатый мальчик носит такое имя: «Бонза большой — Бонза меньшей — Бонза над всеми бонзами бонза — Бонза толстяк — Бонза в кармане деньги бряк — Бонза просто так — Бонза не знаю дальше как — Богач-разбогач — Самого не знаю как дальше его — Чашка да чайник — Главный начальник — Все пьют воду — Сам пью чай — Чудо-герой — Серебро горой — Звать по-таковски — Звать по-сяковски — И этак, и так, и перетактак — На горе храм—На храме крыша — Над крышей сосна — Над сосной луна — Эй-эй расти скорей — Эйске». Я не знаю, представляет ли этот новый вариант точный перевод первого, но нам сейчас это и не важно.).

Это сказка, и таких имен в Японии, вероятно нет. Но сказок не бывает без правды, как дыма без огня. И, очевидно, японское именованное тоже не отказывается от нанизывания множества имен одного за другим. Если бы это было не так, в сказке не оказалось бы ничего смешного, и она исчезла бы.

Это повествование о человеческой глупости и тщеславии мне хочется завершить маленьким рассказиком о столь же забавном лукавстве.

Если знатные гранды и сеньоры западных стран не были ограничены в количестве

своих имен, то простолюдинам приходилось удовлетворяться каким-нибудь жалким единственным небесным покровителем: большее было не по карману. Однако не так-то легко было обвести вокруг пальца соотечественников Рабле и Вольтера, даже самых бедных и невежественных. Такие же суеверы, как и их высокородные господа, простые французы обладали и здравым смыслом, и врожденным лукавством. Им тоже хотелось обеспечить себе достодожную заступу свыше, и, подумав, они изобрели великолепное, по сей день распространенное среди французского простонародья, имя — Туссэн.

Чем оно примечательно? Очень просто: «сэн» (saints) значит «святыя», а «ту» (tous) — все. «Туссэн» — это «все святыя». Сразу! Одним ударом на службу новорожденного становится вся небесная рать; и тот, кто получил такое имя, мгновенно обходит всех герцогов, графов и маркизов. Дешево и сердито!

Вам может прийти на ум: а как же с «именинами»? Гоголевский городничий, как известно, бывал именинником дважды в году — и на Антона и на Онуфрия, и то это всех удивляло. А тут человек, очевидно, должен именинничать ежедневно, — ведь каждый день церковь празднует память какого-нибудь из «всех святыя».

Но и это утряслось ко всеобщему удовольствию. У католиков есть день «всех святыя», первого ноября. Вот тут-то Туссэны и ходят именинниками. (Когда эта книга вышла в свет, в журнале «Огонек» было опубликовано взятое из немецкого журнала «Космос» индейское имя, будто бы принадлежавшее скончавшемуся в конце XIX века в штате Висконсин, США, старику вождю. Оно содержит 121 букву и является чемпионом среди длинных имен:

ЛЕПОДОТЕМАЧОСЕЛАЧОГАЛЕООКРАНИОЛЕИПСАНОТРИУМУОТРИММАТОС
ИФИОПАФАОМЕЛИТОКАТАКЕЦЛУММЕНОКИЧЛЕЙПКОССУФОФАТТОПЕРИСТЕРА
ЛЕКТРУОНОП.

Не могу удержаться от того, чтобы не сообщить его вам, хотя, к сожалению, журналисты не приводят ни значения, ни состава этого имени-чудовища. Впрочем, в языках североамериканских индейцев и нарицательные имена достигают почти такой же длины.)

Когда скончался июнь 1793 года?

Мы видели: у нас на Руси мирские имена уступили место календарным, крестным. На Западе имел место обратный процесс: во многих странах там давно уже ребят называют без помощи церкви. Никому нет никакого дела, как я нареку своего сынишку; как говорит русская поговорка: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь!» — Ну, как это — никакого дела? — спросите вы. — Не может же быть, чтобы сейчас, в XX веке, могли бы, как у нас в XV, наречь кого-нибудь Износком или Котом! Да и, кроме того: мы читаем западную литературу; все имена, которые нам попадаются, звучат нормально. Не преувеличение ли это?

Совсем не преувеличение. Во-первых, натываясь на западные имена, мы нередко воспринимаем их именно как «имена, и только», не имея представления, что означают они как слова. Вы встречаете французское женское имя Бланш и даже не подозреваете, что оно значит «белянка». Вы читаете у англичанина Голсуорси про девушку, по имени Флёр, и не думаете о том, что слово Флёр (fleur) означает «цветок», да к тому же не по-английски, а по-французски. Между тем, в романе «Сага о Форсайтах» Голсуорси подробно рассказывает, как именно было дано девочке такое своеобразное имя. Крошечное существо лежит в колыбельке. Отец-англичанин с умилением в первый раз смотрит на него. Умилена и мать-француженка.

— Ma petite fleur! (маленький мой цветочек!) — сказала Аннет.

— Флёр?—повторил Сомс, — Флёр! Ну, мы так и назовем ее.

Разве это не похоже на негритянское Датини — «А я что говорила?» (см. стр. 27.) Очевидно, англичане так же свободно, как и негры, пользуются правом делать именем любое слово, и только от их вкуса зависит, что именно они выберут; выбрали же родители для одного из генералов американской армии времени мировой войны — мистера Брэдли — имя

Омар, не то позаимствовав его из мусульманского именователя, не то вспомнив о большом морском ракообразном. Но, если вы хотите увидеть, к каким странностям это порой может привести, послушайте вот какую историю.

В 1793 году в революционной Франции был основан «Клуб номофилов». Слово «номофил» в вольном переводе с греческого может быть передано как «имялюб». Номофилы считали, что в новом, преобразованном революцией, мире все должно быть новым, в том числе и имена.

Это было довольно естественно. Церковь в новорожденной республике утратила свои права, религия— тоже. Еще 20 сентября предыдущего, 1792 года у духовенства было отнято право записывать состоявшиеся браки, регистрировать рождающихся и умирающих. Вместе с этим было отменено и право церкви навязывать людям удобные ей имена (Было разрешено также менять старые имена на новые.). Стали появляться люди, которых называли какими-то благогласными, и порою очень странными на наш взгляд, именами-словами. Точно так же было разрешено по первому заявлению менять надоевшую или неблагозвучную фамилию на любую другую. Началось бурное сочинительство имен и фамилий. Номофилы изощрялись в нем особенно ревностно.

Я не знаю, правда, принадлежал ли к этой организации кто-нибудь из членов провинциальной семьи, обитавшей в местечке Куломье, но это вполне вероятно: свою, оставшуюся нам неизвестной, дореволюционную фамилию семья эта заменила новой. Она звучала так:

Мильсэсанкатрвэнтрэз. По-французски это означает: тысяча семьсот девяносто три. У нас такая фамилия должна была бы выглядеть примерно так: «Тысячасемьсотдевяностотретские» или «Девяностотретьевы». Странно, конечно, но почему бы и нет? Наша довольно распространенная сейчас фамилия «Октябрьский» тоже показалась бы несколько неожиданной до 1917 года.

Носители фамилии Мильсэсанкатрвэнтрэз могли бы преспокойно жить в провинциальной французской глуши, и никто о них не узнал бы. Однако много лет спустя произошло печальное событие, которое привлекло к ним общее внимание.

Дело в том, что в конце XIX века в семье Тысяча-семьсотдевяностотретских появилась очень принципиальная пара. Этим супругам показалось мало хронологической фамилии, они дали трем своим сыновьям еще и календарные имена. Одного назвали Маем (Мэ), второго Июнем (Жуэн), третьего Июлем (Жюийэ). Все шло очень хорошо, и братья «Месяцы Месячовичи» тихо жили в Куломье. Но все имеет конец; в местной газете появилось объявление в траурной рамке. Оно значило примерно следующее:

Нельзя быть до того уж последовательным в своих вкусах: мало кто плакал, читая это извещение; большинство смеялось. Один американский журналист поместил его в своей занятой книжке, копилке курьезов, озаглавленной «Хочешь — веришь, хочешь — нет». Оттуда я и почерпнул рассказ об этом.

Бисмарк и Трампеданх

Кем был князь Отто Эдуард Леопольд Бисмарк, знают все: крупнейшим государственным деятелем Пруссии XIX века, основателем Германской империи, жестоким врагом революции и рабочего движения, человеком столь крутым, что его прозвали «Железный канцлер».

Он родился в 1815 году, умер в 1898-м, восьмидесяти трех лет от роду.

Кто был господин Трампеданх, когда он появился на свет и когда скончался, не ведомо теперь уже никому. Тем не менее он в свое время жил, владел портняжной мастерской где-то в Бранденбурге и слыл восторженным поклонником князя Бисмарка. Страстное преклонение перед знаменитым человеком заставило его решиться на очень смелый поступок.

В 1895 году, когда Бисмарку исполнилось ровно восемьдесят лет, у господина Трампеданха родился сынишка. Счастливым отец, придя в волнение, послал о том своему кумиру такую телеграмму:

«Ваше сиятельство! Судьба послала мне первенца. Умоляю осчастливить меня, разрешив в Вашу честь наименовать моего сына Бисмарком».

Старый вельможа был человеком суровым, но обладал чувством юмора. Он не рассердился. Наоборот, позвав секретаря, он продиктовал ему вот какой ответ:

«Тронут. Не только разрешаю, но едва лишь у меня родится сын, не премину окрестить его Трампеданхом».

Железный канцлер знал, что делает: в восемьдесят лет прибавление семейства никак не угрожало ему.

Как вам кажется, зачем я рассказал этот анекдот: ведь, прежде всего, неизвестно — не выдумка ли это?

Может быть, и выдумка. Но, во-первых, эта история хорошо показывает, как свободно распоряжаются в некоторых странах выбором имен для людей. А во-вторых, она позволяет мне поговорить об одном довольно занятом и мало известном у нас явлении в области именословия.

Машенька Иван

Князь Бисмарк мог подивиться холуйской телеграмме своего поклонника, но не его замыслу: как это ни странно на наш взгляд, у многих народов слово, которое служит именем одному человеку, может удобно оказаться фамилией другого, и наоборот.

Примеров можно привести множество. В США очень недавно одновременно жили два писателя; одного звали по **имени** Синклер, по **фамилии** Льюис, а другого — по **фамилии** Синклер, по **имени** же Эптон.

То же мы видим и во Франции.

Здесь нам известны два писателя-современника: Ромен (имя), Роллан (фамилия) и Жюль (имя), Ромен (фамилия). История прошлого помнит как Андрэ Шенье, так и Саломона Андрэ. Рядом существуют Клэр д'Ивуа (актриса) и Эжен Клэр (журналист). Можно сказать, что многим советским поклонникам современного французского театра доставляла немало хлопот путаница между Жераром Филипом (известным, ныне покойным, актером) и Филиппом Жераром (автором некоторых песенок Ива Монтана).

Такая же особенность английского именословия позволила известному писателю О. Генри забавно сострить в рассказе «Сила привычки». «Когда мы обращались к классикам, — сетует он, —...нас изобличали в плагиате [литературном воровстве.—Л. У.]. Когда мы пытались изобразить действительность... упрекали нас в подражании Генри Джорджу, Джорджу Вашингтону, Вашингтону Ирвингу и Ирвингу Бачеллеру...» Как видите, на четверых литераторов хватило для их имен и фамилий всего пяти слов; нам для этого понадобилось бы чуть не вдвое больше.

То же самое можно сказать и о Германии; здесь рядом с великим поэтом Фридрихом Шиллером можно указать богослова Иоганна Фридриха; здесь существовал некогда и романист Фридрих Фридрих, так сказать «Фридрих в квадрате».

Нам, русским, нелегко привыкнуть к этому. Мы с трудом можем представить себе двух людей, одного из которых зовут Сергеем по имени, а другого Сергеем по фамилии (не Сергеевым, а именно Сергеем). Еще неестественнее встретить человека, который носит имя Петров или Ванин. Ванин Юрьевич Петров! Колин Никанорович Андрюша! Вы даже скажете, вероятно, что это решительно невозможно. Но, во-первых, почему вы так думаете, и, во-вторых, правильно ли это утверждение?

Наши фамилии обычно (хотя и не всегда) отличаются от личных имен одной особенностью: им свойственны специальные суффиксы (суффиксы принадлежности и некоторые другие). В самом деле, как образуются они?

Слово:	Фамилия:	Суффиксы
Дуб	Дуб-ов	-ов
Камень	Камен-ев	-ев
Шуба	Шуб-ин	-ин
Шуя (город)	Шуй-ский	-ский
Русские	Русск-их	-их
Марья	Марь-ин	-ин
Дурной	Дурн-ово	-ово
		и т. п. ¹

(Подробнее об этом см. главу «Людские и лошадиные» (стр. 131 и след.).)

Таким образом, в большинстве случаев фамилия отличается от того слова, от которого она произошла.

А на Западе? А там это далеко не обязательно. По-немецки дуб — «эйхе», Эйхе будет и фамилией, соответствующей нашему «Дубов». «Утес» по-английски «рок», а поэтому и наш Утесов в Англии был бы «мистер Рок». Английская фамилия Смит (помните Сайреса Смита из «Таинственного острова» Жюль Верна?) ничем не отличается от слова «смит», означающего «кузнец». Смит — это английский Кузнецов. Совершенно так же от слов «ля рош» («скала») или «лэ блан» («белый») ничем не отличимы распространенные французские фамилии Лярош и Леблан (соответствующие нашим Скалину и Белову).

Как видите, никакие особые суффиксы для образования фамилий там не нужны; если же фамилия образуется от собственного имени, то между именем и ею не оказывается никакой видимой разницы. Они совпадают.

Собственно говоря, ничего странного в этом нет. Хотя **большинство** русских фамилии образовано при помощи определенных суффиксов, немало у нас и бессуффиксных, преимущественно в украинском языке. Постарайтесь, и вы вспомните длинный их список.

Петр Петрович Петух	} У Гоголя
Артемий Филиппович Земляника	
Иван Павлович Яичница	
Жр а т в а — городской	} У Чехова
Я т ь — телеграфист	

Еще больше таких причудливых имен у Гоголя там, где действие разворачивается на Украине. Тут выступают:

Свербигуз	Довгочхун
Мотузочка	Кисель
Бульба	Корж
Хлеб	Бородавка
Ремень	Горобец
Халява	Пухивочка
Шпонька	и многие по- добные.

Очень нетрудно понять, что все эти фамилии великолепно могли бы быть и **именами**, если бы до нашего времени дожил обычай пользоваться именами **мирскими**, как в старину. Очевидно, духу славянских языков совпадение мирского имени и фамилии, превращение фамилий в имена явно не противоречат.

Другое дело — переход христианского крестного имени в фамилию. Виданы ли у нас такие фамилии, как Василий, Елена, Петя или Андрюша? «Конечно, нет, — скажете вы. — Это типичные имена, и фамилиями они быть никак не могут». Но верно ли это?

Я обратился к совершенно случайному источнику, к первому попавшемуся под руку большому справочнику, содержащему множество русских имен, отчеств и фамилий; то был «Весь Петроград», огромная адресная книга за 1916 год: в ней содержатся десятки тысяч справок о самых различных гражданах. И вот какие сочетания там обнаружались:

Александр Моисей Захарович
Борис Мария Михайловна
Валентин Кондратий Самойлович
Гаврило Иван Иванович
Данило Мария Петровна

Емельян Юрий Викентьевич
Иван Эдуард Львович
Карп Анна Корнильевна
Лев Александр Кириакович
Мария Александра Семеновна
Нефед Александр Емельянович
Олег Виктор Иванович
Панфил Монос Ицкович
Роман Александр Александрович
Симеон Мария Георгиевна
Тарас-Карпченко Евгений Федорович
Урбан Анна Андреевна
Феликс Ольга Фердинандовна
Филипп Александра Николаевна
Харитон Борис Осипович

Я выписал только по одной такой необыкновенной фамилии на каждую букву алфавита, и то — смотрите: незаполненными остались лишь те рубрики (скажем, буквы Ч, Ш, Щ), на которые нельзя указать имен; на деле же подобных фамилий несравненно больше. Но и то, что тут приведено, поражает неожиданностью. Эдуард, по фамилии Иван! Дама, по имени Мария, а по фамилии Борис, а рядом с ней — другая, у которой имя Александра, но зато фамилия Мария... Мадам Филипп, мадемуазель Харитон... По правде сказать, я сам удивился этому и подумал: «Да, поистине, мы не знаем, какие сюрпризы готовит нам изучение наших имен, личных или фамильных — все равно!» (По любезному сообщению моего читателя И. М. Фельдмана, среди «некрасовцев» (донских казаков-раскольников, выселившихся в Турцию при Петре I под предводительством казака Некраса) имена постоянно служат фамилиями. В дни войны среди пленных ему встретились «некрасовцы», носившие фамилии Константин, Макар, Александр и Иона. По их словам, такие фамилии были самыми обычными в некрасовских селах на территории Румынии.)

На этом, вообще говоря, было бы очень удобно покончить с личными именами и перейти как раз к фамилиям. Но мне хочется коснуться еще одного вопроса, заслуживающего большего, нежели маленькая главка в такой небольшой книжке, как эта. Я говорю о так называемых **советских** именах.

Современные номофилы

В 1939 году одна знакомая обратилась ко мне со странным вопросом. «Вы занимаетесь всевозможными названиями, — сказала она. — Объясните, что значит имя, которое дали моей племяннице ее сумасшедшие родители?» — «А как они назвали девочку?» — спросил я. «Сателлиткой!» — пожав плечами, ответила молодая женщина.

Я не новичок в этих вопросах. Мне хорошо известно, что после Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране в области именословия произошло примерно то же, что в конце XVIII века во Франции: у церкви было отнято право регистрировать так называемые «акты гражданского состояния», то есть отмечать рождения, смерти, браки. Граждане получили полную свободу в выборе имен для своих детей: по смыслу наших законов каждый вправе избрать для своего ребенка любое понравившееся ему слово в качестве имени.

На этой почве возникли разные новинки. Появились и привились многочисленные имена (их стали называть «советскими»). Некоторые из них приобрели популярность: и сегодня на свете живет довольно много уже взрослых Кимов, Спартаков, Тимуров. Стали распространенными такие женские имена, как Нинель, Владлена, Лилия, Светлана. Широко распространились у нас имена, взятые у других народов, иногда почерпнутые из их литературы: Виолетта, Аида, Марта, Мая, те же Спартак и Тимур...

Но случилось и другое: иные родители-оригиналы не задумывались над тем, что им на долю выпало нелегкое и ответственное дело — найти не просто слово, а такое, которое свяжется с их ребенком **на всю его жизнь**, такое слово-имя, которое, как мы с вами уже видели, будет в глазах окружающих накладывать известный отпечаток даже на самого его носителя. Они забывали об этом и сводили дело к довольно легкомысленной игре. Лежит в кроватке бессловесное созданыще, не способное сказать ничего, так почему бы не прикрепить к нему на веки вечные любую кличку, которая нам почему-то понравилась? Какое это имеет значение?

Получались иной раз самые настоящие «ономастические анекдоты». Незадолго до моего разговора со знакомой писатель Л. Кассиль рассказал в печати о бедной девушке, награжденной удивительным именем — Лагшмивара; этим именем причудники-родители задумали создать своеобразный живой памятник славной эпопее челюскинцев, — Лагшмивара, видите ли, расшифровывалось как «лагерь Шмидта в Арктике». Кассиль не сообщал, что позднее произошло с носительницей имени-мемориальной доски, но я лично полагаю, что она скоро превратилась сначала в обыкновенную Вареньку, а потом — и в Варвару.

Встречались и мне такие имена-чуждачества. Я знал девочку (почему-то взрослые особенно старались и мудрили именно над девочками; мальчишкам доставалось как-то меньше), которую назвали и записали в метрике Артиллерийской Академией. Дома, впрочем, ее называли довольно мило — Арточкой. Но почему же это случилось?

В момент ее появления на свет папа служил в этом весьма уважаемом учреждении, — и только.

Другую бедняжку в конце двадцатых годов окрестили еще неожиданнее — Непрерывкой. В те годы был предпринят опыт перехода на так называемую непрерывную пятидневную рабочую неделю. О «непрерывке» много писали в газетах. Этого было достаточно; из модного слова сделали имя. Но слово подвело.

Прошло очень немного лет, и от непрерывной недели по разным причинам отказались. Слово «непрерывка» утратило свое значение, а затем и попросту забылось, — может быть,

вы сегодня услышали его от меня впервые. А бедная жертва новых номофилов сохранила свое нелепое имя. Правда, близкие звали ее Рэрой, но ей то и дело приходилось отвечать на простодушные вопросы:

«Рэрочка? Ах, это очаровательно! А полное имя как?» Поставьте себя в ее положение...

Как видите, мне приходилось встречаться с довольно оригинальными именами. Я столкнулся с одним — не тем он будь помянут—довольно туповатым студентом, которого звали Гением. Видел я и маленького, да к тому же еще хромого, мальчика, которому было дано имя Гигант; точно это выдумали со специальной целью испортить ребенку и без того нелегкую жизнь. Родители вздумали отметить таким своеобразным способом основание зернового совхоза «Гигант» в Сальских степях на юге нашей страны.

Таким образом, у меня уже был опыт. И тем не менее имя Сателлитка поразило меня.

— Сателлитка?—пробормотал я в растерянности. — Как? Очень странно! Гм, гм... Это просто удивительно.

— А что значит «сателлитка»?

— Гм, гм... Да как вам сказать? «Сателлит» означает по-латыни «телохранитель», «приспешник», «последователь», «спутник». Сателлитами иногда в астрономии называют луны, спутники крупных планет... «Сателлитка», очевидно, «приспешница»... Кстати, а кто родители девочки? Кто они — ученые, историки, филологи? Слово-то такое редкое.

— Какие там ученые! — с видимым раздражением махнула рукой Сателлиткина тетья. — Мать — домохозяйка, а отец служит в автобронечасте.

И тут меня осенило.

— А! Так! Ну, тогда все понятно. Он имеет дело с автомобилями? Так, видите ли... В автомобиле, в устройстве, передающем усилие от мотора на задние колеса, среди множества других частей есть маленькие шестеренки, вращающиеся среди других, больших. Их именуют «сателлитные шестерни», а попросту «сателлитки»...

Отсюда ваш родич и взял это слово.

Я сказал: «все понятно», но это неверно. Объяснилось кое-как одно—происхождение имени. Но основное — как пришла отцу в голову идея назвать дочку «Шестеренка», — осталось по-прежнему загадочным. Вполне возможно, по долгу службы он постоянно имел дело с моторами, отлично знал эту шестерню. Но разве это причина? Разве естественно будет, если ботаник назовет сына Чертополохом, энтомолог дочку — Гусеницей, а врач своих ребят — Аппендицитом и Золотухой? Это, может быть, было бы вполне нормальным с точки зрения наших далеких предков: те не видели ничего плохого в том, чтобы иметь дочурку Малинку и сына Щетинку. Но мы-то живем не в XV веке! Мы предъявляем к именам совсем другие требования: мы хотим, чтобы имя было и звучным и осмысленным, чтобы оно было, помимо всего прочего, **именем**, а не случайно прилепленным к человеку **любым словом**. Как же этого добиться?

Мало кто знает теперь, что в свое время, в двадцатых и в начале тридцатых годов нашего века, было сделано несколько отважных попыток создать для населения нашей страны нечто вроде «советских святцев». На протяжении нескольких годов разными издательствами было выпущено немало календарей, содержащих, так сказать, рекомендательные списки новых имен. Списки эти включали большое число предложений; среди них встречались совсем неплохие. И все же, если вы переберете своих знакомых или заглянете в любой список граждан, родившихся уже после Октябрьской революции, вы увидите: подавляющее большинство их носит самые обыкновенные, привычные, стародавние (то есть введенные еще церковью) имена. В чем же тут дело? Почему это так? Почему попытки наших номофилов повисли в воздухе? Ведь как будто бы нет никаких причин нашим людям так упорно держаться за старину. Почему бы в самом деле не принять рядом с хорошо известным и любое число новых, — красивых, и по звуку и по значению, имен?

Чтобы решить, почему этого не произошло до сих пор, посмотрим, как строились те

«красные святцы», о которых я только что вспоминал.

Чего-чего только не предлагали на выбор для превращения в имена наивные люди — их составители! То им казалось, что для этого можно спокойно использовать любое слово, лишь бы оно называло какое-нибудь значительное и новое явление в жизни нашей страны. Советовали девочек называть: Электрификация, Химизация, мальчиков — Днепрогэс, Магнитострой, Донбасс или как-нибудь еще в таком же роде. При этом совершенно упускали из виду, что никто не согласится носить имя-змею, в семь или восемь слогов длиной, «не способное уместиться не только в элегии», но и в самой простой речи. Как выразился когда-то один находчивый маленький мальчик: «Я такого слова и сказать не могу: мне **ртту тяжело** говорить такие слова». А ему надо было выговорить простое имя Людмила!

Конечно, каждый хочет, чтобы его имя было удобным в произношении, коротким и благозвучным. Между тем слово «химизация» не обладает вторым из этих свойств, а «э-лек-три-фи-ка-ци-я» — ни первым, ни вторым. Наш язык имеет склонность по возможности сокращать все длинные слова, даже самые обыденные; мы охотнее говорим «метро», чем «метрополитен», заменили коротким «кино» длинное «кинематограф», никогда не упускаем сказать «фото» вместо «фотография». Язык — умный лентяй; он не любит лишней работы там, где можно обойтись малым усилием. Так неужели же кто-либо согласится прицепить себе навек имя, точно собранное из неуклюжих деталей какого-то словесного конструктора? «Как вас зовут?»—«Меня? Электрификация Магнитостроевна...» Хотели бы вы представляться так знакомым?

Конечно, нет! Каждый предпочтет любоваться своим именем, даже немного гордиться им.

Мне имя дали при крещенье Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха...

Так, и не без гордости, писала о себе поэтесса А. Ахматова.

Что ж, можно понять эту гордость. А попробуйте так же полюбоваться именами вроде Децентрализация или Мингечаурстрой! Конечно, они не выдержали испытания; жизнь сердито отбросила их.

Были другие предложения. «Советские святцы» двадцатых годов полны, например, хорошо нам знакомых древних «княжих» имен: Ратмир, Рюрик, Аскольд, Рогнеда, — все они фигурируют тут, рядом со множеством зарубежных, добытых из мифологии и литературы других стран: Кунигунда, Фрея, Брунгильда, Зигфрид, Ролланд, Эсмеральда.

Казалось бы, против этого нечего возражать. Чем княжеское имя Рюрик хуже, чем такое же княжеское Олег или Игорь; а ведь они живут среди нас. Почему бы нам, спокойно пользуясь именем Людмила, отвергать ее сверстницу Рогнеду? Но вот тут-то и обнаруживается, какая тонкая вещь человеческие имена, каким сложным условиям должно удовлетворять слово, чтобы им мог быть назван человек.

Назвать мальчика Ратмиром можно, а Русланом — нет. В чем дело: оба имени почерпнуты ведь из одного запаса? Да, но слово Руслан уже давно успело стать для нас «собачьим» именем: так часто зовут псов. Дайте его сыну — и в школе начнут дразнить мальчишку. Полканом, если не Барбосом, это уж как пить дать. Не подходит и Рогдай; прислушайтесь, — разве вы не слышите в нем внятного сочетания двух слов: «рог» и «дай»? С Рогнедой тоже не все спокойно: кроме «рога», в этом слове таится и «гнедая масть», если не что-нибудь еще менее приятное. Не потому ли из многих древнерусских женских имен заново привилось у нас только одно — Светлана? Вот уж тут ни к чему не придерешься: светлое, милое, красивое имя!

Посмотрите на дело и с другой стороны: Светлану легко превратить в Светку, Светочку, Свету, Светик. А попытайтесь сделать что-нибудь подобное с Рогнедой... Рогуля? Гнедочка! Гнедка?

Другой изъян у имен западного происхождения: они просто чужды нашему слуху; они

выглядят в большинстве своем вычурными, претенциозными, как какая-нибудь шляпа необыкновенного фасона, которой не носит почти никто. Одно дело — под картинкой, изображающей рыцарский турнир, найти подпись;

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь...

Ф. Шиллер. «Перчатка»

Тут всё на месте.

Но прочитав в газете: «Инвалид труда Кунигунда Горшкова выступила с рационализаторским предложением», — и странно, и немного смешно. «Брунгильда Павлова получила двойку...» «Эсмеральда Ванина купила калоши...» Не кажется ли вам, что человек с таким именем чем-то напоминает даму в пышном кринолине, входящую в трамвайный вагон, или напудренного маркиза с косичкой, ожидающего мяча в воротах команды «Динамо»? Не идут нам такие имена, и это совершенно естественно! (Да вот вам живой пример: «Светлана разыскала Изольду на комбинате, бледную и немощную после морской болезни... Изольда еле взобралась на лошадь и сидела на ней неуклюже, мешковато» («Огонек», 1957, № 11, стр. 20). Стоило называть девочку звучным именем легендарной златокудрой красавицы, чтобы потом ее так срамили).

Предлагали превращать в человеческое имя названия всевозможных цветов и растений. И снова можно сказать: заранее против этого возражать трудно: имя Роза существует у нас и не кажется нелепым; но вот Фиалка или Настурция почему-то смущают. А почему? Что мешает мне назвать дочку Резедой или Анемоной, а сына... Ну, хотя бы Рододендронем?

Поразмыслим над этим. Даже имя Роза не слишком часто употребляется нами: слишком еще живо ощущается, что значит оно «прекрасный цветок», «красавица». Такие имена пугают: они точно налагают на своих носителей тяжелую обязанность — тянуться за собственным именем, быть «не хуже его». Помните одну из пушкинских второстепенных героинь, дурнушку-графиню, лицо которой напоминало репку с воткнутой в нее луковкой-носом? Хорошо бы выглядела она, если бы родители вздумали назвать ее Розой, Орхидеей или Лилией!

Вы можете сделать мне резонное возражение: по свету гуляет очень много щуплых и слабосильных Львов, всем неприятных по характеру или внешности Людмил, Вер, которым нельзя ни в чем довериться, и Святославов, не отличающихся ни святостью, ни славой. Однако это никого не смущает...

Вы правы, но обратите внимание на одно существенное обстоятельство. Имя Людмила стало именем столь давно, что мы уже перестали слышать его **как слово**. Мы преспокойно говорим: «Эту Людмилу все терпеть не могут», — и даже не подозреваем, что слово Людмила значит «милая людям», что наша фраза означает: «эта милая людям особа всем не мила». Мы восклицаем: «Черт бы побрал вашего Федора!» — хотя это можно перевести: «Черт бы побрал ваш божий дар!» Мы **уже привыкли** к этим именам; из них давно выветрилось их прямое значение, а в именах, заимствованных, нам и не добраться до него. Именно поэтому, и только поэтому, нам так легко обращаться с ними как с именами.

Что же до **новых** имен, то к ним мы еще не привыкли, мы их **понимаем**; именно поэтому первоначальное значение так и брызжет на нас из них. К Надежде Владимировне вы обращаетесь совсем спокойно, но попробуйте-ка поговорить с Мудростью Никтокакбоговной! Это невозможно, скажете вы. Ну, как сказать: ведь «мудрость» по-древнегречески «София», а «никто как бог» звучит на древнееврейском языке как «Михаил». Не удивляйтесь этому: так бывает часто; теперь тысячи девушек и женщин ходят стриженными и носят спортивные брюки; это никого не поражает. А лет сто назад за каждой такой женщиной бежала бы удивленная толпа. Почему? Возникла привычка к короткой стрижке женщин. Стриженная голова перестала казаться мужской. Примерно то же бывает и с

именем.

«А! — радуетесь вы, — так, значит, все дело в привычке? Значит, можно приучить людей и к такому имени, как Носорог или Кряква?»

Отчего же, — вероятно, можно. Но стоит ли? И сколько времени пройдет, пока они приучатся? А до того как?

Что же требуется от имени?

От него требуется немало.

Прежде всего оно должно быть не слишком длинным и трудным. Вам не удастся сделать именами такие слова, как «электрификация» или «тригонометрия», даже если они благозвучны и преисполнены высокого значения,—«роту тяжело» часто произносить их.

Во-вторых, имя обязано звучать красиво, быть изящным по своей форме. Есть слова, называющие очень хорошие вещи, но неприятные на слух: они не могут стать людскими именами. Попробуйте окрестить вашу дочурку (когда она у вас появится), скажем, Идиомой или Психикой... Не поблагодарит она вас, — а ведь слово «дрима» по-гречески значит «выражение, свойственное только одному из языков»; «психика» — означает «душевная жизнь». Чего уж, казалось бы, лучше? Но вы и сами, всего вероятнее, не хотели бы называться так: подлинное значение слов от нас скрыто, а звуки связывают их с совершенно другими понятиями.

Очень важно и третье: у каждого есть свое, личное представление о красоте, свои собственные вкусы. Однако, выбирая имена или превращая в имена слова, нельзя считаться только с собственным вкусом: ведь носить имя будете не вы, а судить о нем — не только вы.

Допустим, вы — уроженец Северной Сибири, ваше детство прошло на суровых берегах реки Пясины. Можно поверить, что слово Пясины вам с детства мило, что оно кажется вам звучным, нежным, будит у вас в груди теплые воспоминания. Вправе ли вы назвать вашу дочку Пясиной? Конечно, нет: девочка не поблагодарит вас, — ведь ни в ком другом с таким именем не свяжется никаких приятных ощущений.

Четвертое: если бы у вас, как у чукчей (см. стр. 15), каждый человек назывался только одним словом, дело обстояло бы куда проще. Но у нас имена тройные: само имя, отчество, фамилия. И, выбирая имя, никак нельзя забывать, что ему придется звучать рядом с этими соседями, а может быть, и самому превращаться в отчество. Тут, как с цветом материи, идущей на платье: красный цвет хорош, зеленый — не хуже, а многие сочетания красного и зеленого отвратительны.

Имя Роза красиво. Имя Наркис (то есть Нарцисс) тоже не дурно. Но сочетание Роза Нарциссовна Клевер вызовет общий смех: не женщина, — страничка из гербария!

В дореволюционной гимназии у меня был товарищ, носивший прекрасное, гордое испанское имя Родриго; у него была мать испанка. Но отец-то его был русским. Сочетание Родриго Степанов вовсе не казалось нам ни величественным, ни красивым; мы считали его просто смешным. И справедливо. Нельзя допускать, чтобы женщину звали Мирандолина Перерепенко или юношу — Альберт Кошкин. А ведь допускают! И тогда носитель таких, не согласованных друг с другом, имени и фамилии так же привлекает к себе всеобщее насмешливое внимание, как чудак, который явился бы на улицу в фетровой шляпе и лаптях или в современном пиджаке, но в берете со страусовыми перьями. Его сразу замечают, на него с удивлением пялят глаза.

«За столом — предсудкома, невысокий паренек в патлатой огненно-рыжей шевелюрой...

— Совмещай специальности, Рудольф! — крикнул ему кто-то из мотористов...

Лыков с любопытством смотрел на него... подивился эффектному сочетанию имени Рудольф о фамилией Бабошкин...» (Н. Верховская. Молодая Волга (роман), стр. 64-65, Л., «Советский писатель», 1957.).

Волга, советский дизель-электроход, заседание суд-кома, и вдруг, среди обычной,

знакомой, естественной обстановки, милый парнишка с именем Рудольф — непривычным, чуждым, претенциозным. И все смотрят на него, как на коня с коровьими рогами или на собаку с петушиным хвостом. Зачем же допускать такую нелепицу?

Вот почему до сих пор остались в большинстве своем неудачными старания ввести в обиход новые имена взамен устаревших: их придумывали кое-как, считая, что для этого годится любое слово, лишь бы оно было хорошо как слово. Их изобретали целыми сотнями, не интересуясь законами, которым подчинены личные имена, не советуясь с людьми занимающимися их жизнью — лингвистами. Лингвист нередко мог бы заранее предсказать судьбу, которая постигнет то или другое именованное новшество. Вот имя Ким; у него с самого начала были все шансы выжить, привиться; оно коротко, просто, благозвучно. Кроме того, у него есть еще достоинство: у других народов оно уже давно существует. Есть множество людей, которых зовут Кимами в Корее; правда, там это скорее фамилия. Возможно это имя и в Англии, как сокращение от Кимбэлл: у Киплинга есть герой, которого зовут Ким. И наконец, может подействовать и немаловажное обстоятельство: слово Ким похоже на старое, давно привычное имя Клим. Ну что же, имя Ким и на самом деле более или менее прижилось.

Нетрудно было в свое время сообразить, что надежда сохраниться есть и у таких имен, как Лилия, Нинель, Спартак, Тимур. Почему? Лилия очень напоминает общепринятое Лидия; оно близко и литературному старинному Лиля, и распространенному, давно живущему у нас уменьшительному Лиля (от Елизавета). А кроме того, и само слово означает нечто приятное, красивое, женственное. Такое имя никому не режет слух, очень быстро перестает казаться диковиной.

Имя Нинель (прочитанное справа налево «Ленин») тоже имеет преимущество: сходство с привычным Нина и со столь же естественным и знакомым Нелли. Слово Нинель похоже на имя; к тому же его первые изобретатели поступили разумно, не убоившись закончить его мягким знаком, которого нет в фамилии Ленин (происходящей, как известно, в свою очередь от имени Лена); не поступи они так, новое слово не могло бы легко войти в именованное: «Нинел» казалось бы мужским именем, и люди задумывались бы: «Нинел — очень хорошо, но как же будет сокращенно? Нина? Неля? Так зовут девочек, а тут — мальчик».

Спартак и Тимур — просто заимствования; почему бы им было не привиться у нас? Может быть, первому немного мешало наличие различных названий, данных в честь славного вождя восставших рабов — «спартакиада», клуб «Спартак» и пр. Но это оказалось преодолимым: имя живет.

Что же до множества других, в свое время предложенных, имен, то им не повезло, и вполне естественно. Советовали, например, называть детей изящными терминами из теории литературы: Поэма, Элегия, Легенда. Такие имена не могли привиться и тем более — быстро: ведь даже красивое христианское имя Роман у нас не очень в ходу как раз потому, что его смысл понимают неправильно: думают, что оно означает «литературное произведение», тогда как на самом деле имя Роман значит «римский», «римлянин» (Однако такие имена встречаются. Есть известная поэтесса НОВЕЛЛА Николаевна Матвеева. Еще до революции писатель Евгений Чириков сумел назвать свою дочку Новеллой. А число Романов, и ныне живущих и уже усопших, достаточно велико). Конечно, если бы сейчас, так же, как в дни принятия нашими предками христианства, незнакомые имена давались людям против их воли и желания, принудительно, тогда можно было бы искусственно привить любое из них: привились же в свое время такие, попервоначалу дико звучащие, имена, как Николай или Степан.

Однако они прижились именно потому, что их, без спроса и согласия, по велению церкви получали сразу сотни и тысячи людей; и то понадобились, как мы видели, долгие века, чтобы народ принял их и перестал заменять их своими «мирскими». А теперь положение изменилось: никто не диктует нам свыше новых имен, они не сваливаются в мир пачками. И нужна известная смелость, чтобы щеголять одному среди всех в новом имени, как в новомодном платье. А такая смелость далеко не у всех есть. Да и к чему она?

Я несколько раз повторил сравнение новых имен с модными платьями. Разумно ли это? Представьте себе—да: в именовании, как и в одежде, существует «мода», и иногда вовсе не легко установить, какие силы влияют на ее изменение.

Иной раз это предпочтение меняется с течением времени. С начала тридцатых годов нашего века и до их конца особенно часто встречающимся мужским именем у нас сделалось имя Владимир. Не было класса в любой школе, в котором чуть не половина мальчугов не именовалась бы Вовками. Потом начало все увеличиваться число Игорей, Олегов, Святославов, Вадимов и других носителей древнерусских имен, а Владимиров стало меньше. Любопытно при этом, что дореволюционные Владимиры в огромном большинстве своем в детстве звались Володями, Вовочки были исключениями.

Имя Никита лет двадцать пять назад было очень редким и вдруг вошло в неожиданную моду главным образом среди советских интеллигентов. Можно думать, большую роль здесь сыграла чудесная повесть А. Толстого «Детство Никиты»; после ее выхода в свет маленькие Никиты начали появляться повсюду, как грибы после дождя. Однако, если вы познакомитесь с именами, распространенными в то же время в колхозной деревне или в рабочих семьях, там число Никит окажется несравненно меньшим: мода на имена бывает совершенно разной в разных кругах общества.

Одновременно с Никитами сомкнутыми рядами выступили в жизнь бесчисленные Натальи; надо, впрочем, сказать, что это имя оказалось более стойким: Никит понемногу становится как будто все меньше; что же до Наташ, то их число отнюдь не уменьшается.

Среди горожан возникает и угасает внимание к одним именам, в деревне — к другим. В городах, например, мода на вычурные западноевропейские имена — Генрих, Альфред, Брунгильда, Эльвира, Эдуард — расцвела и быстро прекратилась в двадцатых годах, а, скажем до некоторых сёл Западной Сибири она докатилась только лет десять спустя. Во время Великой Отечественной войны многие ленинградцы и москвичи с удивлением рассказывали о чисто русских селениях Челябинской или Омской областей, где не было ни одной Дуни и ни одного Вани, а бегали по улицам только «иностранцы»: Маргариты, Рудольфы и даже Бернгарды.

Ну, а теперь — какой же вывод вытекает из всего этого? Он довольно прост: с одной стороны, очевидно, что пришло время нам менять наш «именослов» или, во всяком случае, расширять его; это бесспорно. С другой же стороны, — нельзя делать это так небрежно и кое-как, как делалось донныне. Наверное, следует помочь людям: не у каждого хватит фантазии, знаний и вкуса, чтобы самому выдумать хорошее имя для младенца; надо пособить им в этом. Однако составлять наши новые «святцы» должны не веселые добровольцы-любители, а люди, по-настоящему осведомленные в истории именовании, в его законах, да и в законах русского языка вообще. Только они сумеют подобрать такую сокровищницу «сладостных даров» новорожденным, из которой, если не все до одного, то хоть некоторые имена станут действительно популярными и любимыми. Красивых имен в мире очень много, как много красивых одежд или головных уборов у разных народов земли. Но ни я, ни вы не хотели бы всё еще ходить по улицам в пернатом уборе индейского вождя или в древнегреческой хламиде; всеми этими вещами лучше любоваться в музеях да на картинах. Когда вам надо заказать красивое платье, которое вы будете носить год или два, родители ведут вас в ателье, советуются с портными, судят и рядят со знакомыми так и этак насчет материала, цвета, фасона. А когда надо дать человеку имя, которое он не сбросит с плеч до конца жизни, почему-то считается, что лучше папы с мамой да еще двух-трех тетушек в этом никто не разберется. Это совершенно неверно, и, надо надеяться, рано или поздно обновленный список красивых имен, таких, как древнеславянское Лола, русское Лада, таких, как парфянско-согдийское Роксана, как изобретенное А. Толстым Аэлита или широко распространенное некогда и у нас, а теперь живущее только в Болгарии, милое Радость, — этот список будет составлен, предложен народу нашему и утвержден им.

Тяжелый случай

А теперь, так сказать на заедку, позвольте рассказать вам одну чисто ономастологическую историю.

Жил-был профессор математики, человек весьма знаменитый в мире ученых. В отличие от других профессоров, он отнюдь не был рассеянным человеком, а, наоборот, отличался удивительной точностью и аккуратностью во всем своем поведении. Зато необыкновенно рассеянной была его молодая жена, художница. Впрочем, сам он был тоже еще совсем не стар.

Случилось так, что в то время, когда люди эти ожидали рождения первого ребенка, профессор получил очень важную командировку в какие-то далекие места и надолго: на два или три месяца. Выходило, что младенец появится на свет в его отсутствие. Это не смутило бы ни маму, ни папу, если бы не вопрос о его имени. Профессору, которого жена нежно звала Толиком, потому что имя его было Анатолий, давно пришла в голову мысль: если родится сын, назвать его несколько неожиданно, но зато чисто по-математически — Интеграл; дело в том, что самая важная его работа, та, которая его прославила, была посвящена интегральному исчислению, замечательному и сложному отделу высшей математики. Жена не возражала против этого: она знала, что если ее Толику что-либо западет на ум, то отговорить его от этого невозможно: ученый! Но Толик-профессор волновался; он тоже знал свою милую жену: математикой она совершенно не интересовалась, а забывчива и рассеяна была до невозможности. Уезжая, он с трепетом в голосе уговаривал ее:

— Танечка, родная, так не забудь же: Интеграл! Ты меня просто убьешь, если назовешь его Володей или Колей, или — какие там еще бывают имена?.. Это будет ужасно... Я не выдержу...

— Ах, что ты, Толик! — кротко отвечала она. — Я не сумасшедшая! Как ты решил, так и будет.

— Ну, смотри, Танюша... Ведь и в университете все знают уже об этом, и Владимир Иванович меня заранее поздравил...

— Да будь спокоен, милый... Только бы родился мальчишка!

Мальчишка и родился.

Возвратившись, счастливый отец, даже не взглянув на сына, первым делом спросил: «Ну, как? Забыла? Не назвала?»

— Ах, ну что ты, Толик! — пожала плечами молодая мать, протягивая ему метрику мальчика. — Я же не сумасшедшая... Вот, посмотри сам...

Почтенный ученый надел очки, заглянул в документ и со стоном опустил на стул:

«Таня, что ты наделала!»

В метрике равнодушно стояло:

Имя отца — Анатолий Дмитриевич.

Имя матери — Татьяна Николаевна.

Сыну дано имя — Дифференциал.

Мама перепутала математические названия.

Теперь мальчику уже тринадцать лет, и его давно переименовали в Анатолия. Только, в отличие от папы Толика, его зовут несколько иначе — Толястик.

Никогда не выдумывайте детям особенных, неожиданных, странных имен!

Так кончалась глава «Современные номофилы» в моей рукописи. Но пока книжка готовилась к печати, в журнале «Огонек» появилось очень веселое стихотворение Самуила Яковлевича Маршака на ту же тему. С. Маршак обладает даром коротко и выразительно говорить о любом остром вопросе; его стихи не забываются, и я хочу закончить ими этот разговор о неудачных новых именах.

В ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ

Если только ты умен,
Ты не дашь ребятам
Столь затейливых имен,
Как Протон и Атом.

Удружить хотела мать
Дочке белокурой,
Вот и вздумала назвать
Дочку Диктатурой.

Хоть семья ее звала
Сокращенно Дита,
На родителей была
Девушка сердита.

Для другой искал отец
Имя похитрее.
И назвал он, наконец,
Дочь свою Идею.

Звали мама и сестра
Девочку Идею,
А ребята со двора
Стали звать Индейкой.

А один оригинал,
Начинен газетой,
Сына Спутником назвал,
Дочь назвал Ракетой.

Пусть поймут отец и мать,
Что с прозванием этим
Век придется вековать
Злополучным детям...

«Вич» и «Вна»

*Наши ...Вичи
Едят куличи...*
Поговорка

Александр Филиппыч и Наполеон Карлыч

Все помнят превосходный довоенный фильм «Цирк». Там есть трогательная сцена: молодой советский циркач разбился во время смелого, но неудачного упражнения: его подруга, американская артистка, в отчаянии ломает руки над неподвижным телом. «Петрович! Петрович! Что с тобой?» — лепечет она.

Мы, русские зрители, смахнув слезу умиления, не можем все же удержаться и от улыбки: вот ведь чудачка иностранка! Ну можно ли юношу звать «Петровичем»? Юноши

бывают «Пети», «Петечки»; «Петровичи» совсем не так выглядят...

А как?

«Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; *Петровичем* он стал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик...»

Вот это настоящий «Петрович»: у него, по свидетельству Н. В. Гоголя, небритые щеки, один-единственный глаз и какой-то изуродованный ноготь на большом пальце ноги, толстый и крепкий, как у черепахи панцирь.

Он женат, мрачен и лет ему за сорок. Именно такими и бывают Петровичи, Савельичи, Анкудинычи... Как могла не понимать этого милая героиня «Цирка»?

Очень естественно. В одном из самых солидных французских энциклопедических словарей до недавнего времени можно было прочесть: «Ivan IV—tsar de la Russie, nommй „Bazilewitch“ pour sa cruautй...», то есть:

«Иван IV — русский царь, прозванный „Васильевич“ за свою жестокость...»

Возможно ли это? Безусловно да! Дело в том, что французу (как и англичанину) нелегко понять, зачем нам нужны наши «отчества» и что они обозначают: ведь на Западе ничего подобного нет.

И впрямь, отец Людовика XIII звался Генрихом (Четвертым). Но никому никогда и в голову не приходило величать его сына Людовиком Генриховичем; Луи Бурбон — имя и фамилия, — и с короля достаточно этого.

Наполеон Бонапарт удивился бы несказанно, если бы кто-либо почтительно назвал его «Наполеон Карлович». «Что вы? Я же корсиканец, а не русский!» А ведь отец у него действительно был Карл. Скажите: «Александр Македонский», каждый поймет: это — славный полководец древности. Но произнесите: «Александр Филиппыч Македонский», — и у вас спросят: «А где он живет?» Раз у человека есть отчество, раз его зовут с «вичем», значит, это наш, русский...

Выходит, «отчество» — чисто русское изобретение; так думают на Западе, так думаем и мы сами. Но справедливо ли это?

Чтобы разобраться в вопросе, попробуем, прежде чем говорить о фамилиях, заняться отчествами: это пригодится в дальнейшем.

Волька ибн-Алеша

Вы читали книжку писателя Лагина «Старик Хоттабыч»?

Случилось чудо: школьник Костыльков открыл старую бутылку, и оттуда выскочил длиннородый старец в пестром халате, — настоящий восточный джинн. Возникло некоторое замешательство; затем спасенный и спаситель приступили ко взаимному ознакомлению.

Освобожденный дух откомендовался длинно и сложно. «Гассан-Абдуррахман-ибн-Хоттаб», — произнес он, стоя на коленях. Пионер Костыльков буркнул, наоборот, с излишней краткостью: «Волька!»

Удивленному старцу этого показалось мало. «А имя счастливого отца твоего?» — спросил он. И, узнав, что отец у Вольки — Алеша, начал именовать своего новообретенного друга так: «Волька-ибн-Алеша».

Даже глупец (а Волька-ибн-Алеша отнюдь не был глуп) сообразил бы после этого, что «ибн» по-арабски — «сын». И вполне естественно, если он стал звать своего собственного джинна «Хоттабычем»: «ибн-Хоттаб» — это «сын Хоттаба», а «сын Хоттаба» и есть «Хоттабыч». Логика безупречная! Так русский мальчишка и арабский джинн обменялись свойственными их языкам «патронимическими» обозначениями, — отчествами.

Оба они были людьми сообразительными, но не вполне осведомленными, не лингвистами во всяком случае. Гассан Абдуррахман, например, не знал, что «Алеша»

обозначает «Алексей» и что, кроме имени, у человека может быть еще и фамилия. А Волька Костыльков даже не подозревал высокого смысла тех арабских имен, которые он столь небрежно отбросил. Ведь «Гассан» — это нечто вроде «Красавчик», слово «Абдуррахман» пишется в три приема: «Абд-ур-рахман» и означает «раб Аллаха всемилостивого», а «Хоттаб» следует переводить как «ученый мудрец, способный читать священное писание».

Однако дело не в этом; главное они поняли. И арабское «ибн» и русское «вич» имеют один и тот же смысл — значит «сын такого-то». Очевидно, отчества разного типа существуют не только в России; пользуются ими и другие народы. А зачем?

Вообще говоря, это просто. Разве не почетнее иметь отца-летчика, чем сына-первоклассника, даже если этот первоклассник — семи пядей во лбу? Люди в простоте своей склонны думать, что у желудя больше оснований гордиться отцом-дубом, чем у дуба — чваниться сыном-желудем. Жильцы того московского дома, где жила семья Костыльковых, тоже, наверное, полагали, что скорее мальчишка Волька принадлежит своему почтенному отцу Алексею Ивановичу (или Владимировичу; неизвестно ведь, как его звали), чем наоборот. А так как подобные мысли приходили людям в голову везде и всюду, то и возник давным-давно обычай, обращаясь к сыну, дополнять его имя именем его отца, уважения ради: тебя-то, мол, мы еще не знаем, но авансом уважаем в тебе заслуги отца твоего.

Вот почему «отчество» — очень распространенное явление. А если нам кажется порою, что это не так, то лишь потому, что не всегда и не везде его легко обнаружить: наряду с отчествами явными бывают другие, тайные; их не каждый умеет замечать.

Родительский падеж

«Родительский»? Может быть, — «родительный»? Про «родительский» мы что-то не слышали...

А замечали ли вы, кстати, как хитро придуманы вообще названия наших падежей: хитро и неспроста.

«Именительный» падеж действительно служит для «именования» существ и предметов: «ракета», «слон», «тумба».

«Творительный» падеж очень часто используется, когда говорят о том орудии, которым что-то делают, творят: рубят *топором*, болтают *языком*, работают *руками*. Очень подходящее название, — недаром в других языках сходный падеж так и зовут: «инструментальный», «орудийный».

«Дательный». Но ведь он не зря отвечает на вопрос: кому? Кому вручить, кому подарить, кому дать... Тоже название, приданное не без основания.

А теперь подумайте и о **родительном** падеже. Ветка (чего?) сосны **порождена** сосною. Стихи (кого?) Пушкина — порождены Пушкиным. Сын своего отца тоже есть его **порождение**: **родительный** падеж тут как тут!

Вот почему, если мы хотим объяснить, что из двух Костыльковых, Алексея и Владимира, один является сыном, а другой отцом, мы и прибегаем прежде всего к родительному падежу. Мы могли бы, конечно, сказать либо полно и подробно: этот Волька — сын Алексея, этот Гассан — ибн Хоттаба; но можем выразиться и проще: это Волька Алексея Костылькова; в скрытом виде уже и тут присутствует **отчество**, выраженное в подразумеваемом «сын».

Однако есть и другие, более совершенные способы; можно обойтись совсем без слов, обозначающих родство.

Вот я говорю: «Это Алексеев Волька». Занятное слово «Алексеев»: полуприлагательное, полусуществительное какое-то. С одной стороны, оно явно напоминает слово «Алексей», а с другой, — является несомненным прилагательным в краткой форме.

Поразмыслите над этим. Если есть слово «дубов» (ну, скажем, «дубов сук»), это значит, что рядом с ним обязательно имеется его полная форма «дубовый». Можно сказать: «зашумел сыр-темен бор», но ведь можно же выразиться и иначе: «зашумел сырой темный

бор». Да, но таких слов, как «алексеевый», «карповый», «спиридоновый» не существует?.

Верно. И тем не менее их возможность как бы чувствуется за спиной всем известных «кратких форм». Мы ощущаем это так, как если бы две строчки:

Ус кита — китовый ус — китовый ус

Волька Алексея — Алексеевый Волька — Алексеев Волька

были, так сказать, равноправными. Разумеется, никто никогда не говорит «ивановая Маня» или «никифоровый Гриша», но эти воображаемые слова все же как бы ведут где-то, за пределами языка, свое нереальное, призрачное существование (В русском языке — призрачное. А вот в некоторых диалектах белорусского — самое реальное. Читатель Григорьев из Гродно сообщает, что кое-где в Белоруссии школьники надписывают свои работы так: «Контрольная Лиды Панфилаунай», «Диктовка Янка Ивановага».).

Что же до краткой формы, оканчивающейся на «-ов», «-ова» (а также на «-ин», «-ина»), то она играет у нас важнейшую роль при образовании фамилий, притом самых распространенных. Александров, Григорьев, Мартынов. Но ведь это фамилии-отчества: «Александров» значит, по сути дела, «сын Александра» и «Федоров» — «сын Федора». Мы знаем больше: даже «Волков» может обозначать «сын человека, по имени Волк», мы уже сталкивались с такими фамилиями. Да, да, это тоже отчества, только не вполне обычные, «засекреченные»!

И, наконец, — третий способ называния сына именем отца. Вместо того чтобы сложно рассказывать: этот Юра есть сын некоего Андрея, мы можем применить самый обыкновенный «-вич». Мы скажем просто: он Юрий Андреевич, — и дело будет сделано; мы добились своего, не употребив ни слова «сын», ни слова «отец». Вот это-то и есть самое настоящее русское отчество.

Однако если даже в нашем языке мы можем понятие «сын своего отца» выражать столькими различными способами, то что же можно ожидать, когда речь заходит о разных языках? Там таких приемов и способов уйма. Очень часто мы имеем дело с иноязычными отчествами и даже не подозреваем, что это они. Попробую показать вам это на примерах.

Распребешен Невпопадович

У греков было много имен, звучащих по-разному: Перикл, Одиссей, Приам; Гектор и Фемистокл, Сократ и Платон. Но среди этих имен выделяются имена одного типа, кончающиеся на «ид»: Леонид, Аристид, Эврипид, Фукидид.

Встречая ряд имен с одинаковым окончанием, мы, естественно, начинаем подозревать: что-то это окончание да значит; не понапрасну же оно так упорно повторяется. Обычно так и бывает.

Если рядом со Святославом мы видим и Ярослава, и Мечислава, и Вячеслава, и Владислава, можно сказать с уверенностью: это «-слав» имеет определенный смысл. Так оно и есть: «слав» значит «славный», «слава».

Находя во множестве немецких имен слог «-ольф» или «-вольф» (а иногда «-ульф» и «-вульф»: Руд-ольф, Ад-ольф, Вольф-ганг, Арн-ульф, Вульф-ила), мы быстро докапываемся до истины: эти «ольф», «ульф», «вольф» значат «волк», «волчий» (См. стр. 29.). Что же может означать в древнегреческих именах их окончание «-ид»?

Может быть, было бы не так уж легко узнать его значение, если бы оно дошло до нас только в самих личных именах. Но мы постоянно встречаем и его и некоторые другие, похожие на него окончания не в именах, а в словах, означающих ту или иную степень родства, отцов и детей, предков и потомков.

У царя Даная было пятьдесят злополучных дочерей. Каждая из них убила по приказу отца своего мужа тотчас после свадьбы. Несчастные *дан аиды* обречены были за это в царстве Плутона наполнять водою бездонную, страшную «бочку Данаид». Слово «данаиды»

значит «данаевны», — «дочери Даная».

Дочь Тантала Ниоба так гордилась своими детьми, что разгневанные боги уничтожили все её потомство. «Ниобиды» — дети Ниобы — до сих пор вдохновляют художников и поэтов своими страданиями.

Сыновей Геракла греки звали Гераклидами. Царь египетский Птолемей, сын Лага, известен в истории под именем Птолемея Лагида. Потомки Селевка, одного из военачальников великого Македонца, прославили в Азии династию Селевкидов. Теперь вам ясно, что означает греческий суффикс «ид»: он очень точно соответствует нашему «-вич»; «-ид» — значит: «сын», «дитя» такого-то.

Что же получается? Очевидно, в Древней Греции употреблялись и такие имена, которые сами в себе содержали уже признаки отчества: Лео-нидэс было именем спартанского героя, но значило-то оно не Лев, а Львович, сын Льва. Аристид — сын Ариста; Еврипид — сын Еврипа... Вообще говоря, довольно удобно: имя и отчество — в одном слове.

Допустим, такие своеобразные сочетания были. Но существовали ли в Греции также и «отчества» в нашем смысле; был ли там обычай не только звать сына его собственным именем, но и «величать» его ещё именем отца?

Безусловно, был. В гомеровской «Илиаде» хитроумный Одиссей-Улисс, наряжая в караул своих воинов, строго-настрого приказывает им быть с каждым встречным учтивым, именовать любого грека по имени и отчеству.

Греческие историки сохранили нам рассказ о том, как уже не легендарный, а реальный воин, флотоводец Никон, разбитый возле Сиракуз, побуждая своих «капитанов» к сопротивлению, обращался к ним, чтобы пробудить в них гордость, тоже по именам-отчествам.

Больше всех своих героев старец Гомер уважает и любит сурового Ахилла; говоря о нем, он то и дело называет его «Ахиллеус Пелеидэс», «Ахилл Пелеевич»: ведь отцом грозы троянцев был старец Пелей.

Можно сказать даже больше: как мы, русские, делаем порою наше отчество из почетной добавки к имени самостоятельным и дружеским обращением, употребляя его само по себе, без самого имени — «Петрович», «Фомич», «Савельич», — так и эллины применяли свои отчества и в дружеской беседе, в самом простецком и фамильярном роде речи.

Языковед и журналист прошлого века Осип Сенковский, более известный под курьезным псевдонимом «барон Брамбеус», очень сердился на современных ему переводчиков, которые, переводя поэмы Гомера, оставляют без перевода имена и отчества его героев. Сенковский утверждал, что все эти непонятные для нас, «звучные» и торжественные обращения — Зевс Кронид, или Зевс Кронион, Агамемнон Атрид, Гектор Приамид — только сбивают русского читателя с толку. Читатель начинает считать Гомера напыщенным певцом шлемоблещущих воинов, тогда как на самом деле, по мнению Сенковского, он сочинял свои рапсодии в совершенно ином, ничуть не высокопарном духе.

«Греческое „идэс“, — настаивает Сенковский, — в точности равнозначно нашему „-вич“; точно так же их „-ион“ соответствует украинскому „отчеству“ „-енко“. И только искажает правду тот, кто пишет, будто Афина, дочь громовержца Зевса, называла его, в олимпийских беседах, торжественным „Кронид“. Она обращалась к нему совершенно запросто, примерно так:

«Ты посмотри-ка, мой Кронич, на этих неистовых греков.

Что они делают там — обрати-ка вниманье, Кроненко!..»

«Именно так, — утверждает Сенковский, — в этом, далеко не торжественном, стиле должны были воспринимать такие речи слушатели Гомера: для них-то ведь „Кронид“, действительно, звучало, как для нас „Кро-ныч“ — „сын Кроноса, титана“; только и всего...»

Сенковский шел и дальше. Ему хотелось доказать, что Гомер писал вовсе не пышные героические картины; нет, он был-де большим шутником; он весело издевался над историей давних войн. Вы не верите этому? Да ведь стоит перевести на русский язык имена его самых

прославленных героев. В наших ушах они звучат суровым медным звоном старины: Агамемнон Атрид, Клитемнестра Тидареида, Орест Агамемнонид, Гектор Приамид. Но ведь это лишь потому, что мы их не понимаем, не знаем, что **они значили для самих эллинов**. Так, француз или англичанин может счесть очень звучными и красивыми фамилии Скоттина или Простаковой, не зная их значения в нашем языке.

А каково же было это значение?

«Агамемнон Атреидес, — радуется Сенковский, — значит Распребешен Невпопадович; Клитемнестра Тидареида — по-гречески — Славноприданиха Драчуновна; Гектор Приамид — Шестерик Откупщикевич».

«Вам нравятся, — злорадствует он, — такие пышные имена, как Орест, Электра, Ифигения? Но ведь Ифигения в греческом понимании это „Толстоподбородиха“, Орест — „грубиян, дикарь“, а, скажем, Калипсо, богоравная нимфа, просто „тайная кокетка“... Хорошо?»

Оставим «барона Брамбеуса» с его изысканиями; пусть соглашаются или не соглашаются с ним знатоки греческого языка и литературы; одно у него бесспорно: у греков тоже были отчества, как у нас, и пользовались они ими примерно по-нашему: то почтительно, то фамильярно.

На тысячу ладов

Можно почти поручиться, что вы слышали слово «макинтош». Правда, теперь оно вышло из моды, но все-таки большинство помнит: «макинтош» — это непромокаемый плащ. Гораздо меньшее число людей осведомлено, почему плащу дано такое странное имя и откуда оно взялось.

Пожалуй, вы сочтете за насмешку, если я скажу вам, что перед вами не имя, а скорее отчество. Отчество части одежды? Что за странность? Тем не менее это так.

Загляните в любой хороший энциклопедический словарь; вы наверняка найдете в нем такое примерно сообщение: «Мак-Интош, Чарльз, шотландский изобретатель-химик. Прославился изобретением непромокаемой ткани из двух слоев материи, соединенных каучуковым раствором. Плащи, изготовленные из такой прорезиненной ткани, известны под названием **макинтошей**».

Это верно, но при чем же тут «отчество»? А вот при чем.

На соседних страницах энциклопедии вы найдете великое множество фамилий, начинающих, как и фамилия изобретателя плаща, со слога или приставки — «Мак»: Мак-Гахан, Мак-Доуэлл, Мак-Доннэл, Мак-Каллум, Мак-Карти, Мак-Кинлей, Мак-Клеллан, Мак-Клинтон, Мак-Клор, Мак-Коннел, Мак-Кормик, Мак-Кой, Мак-Куллох, Мак-Леннан, и так далее, без конца; история Шотландии полна всевозможными «Мак»-ами. В большинстве своем фамилии эти кажутся нам совершенно непонятными; но вот одна из них — Мак-Дональд — явно заключает в себе мужское имя «Дональд». Можно сказать, что и большинство остальных построено так же: тому или другому имени, обычно старошотландскому, предшествует своеобразная частица «Мак». Что она означает? Не что иное, как «сын»:

Мак-Дональд — сын Дональда, и Мак-Интош — сын Интоша. Иначе говоря, мы видим перед собою типичные наши «вичи», только, так сказать, перемещенные: наш «-вич» следует за именем отца, а шотландский «Мак» ему предшествует. Кроме того, наше отчество **добавляется** к имени, а шотландское, как мы видим теперь, **заменяет** собою фамилию.

Впрочем, ведь это бывает и у нас: мы часто говорим, особенно про известных людей, про музыкантов, художников, писателей: Александр Иванов, Аполлон Григорьев, Сергей Прокофьев... Встречаются и такие сочетания: Феофан Прокопович, Дмитрий Григорович. Стоит переставить: Вичпрокоп, Вичгригор, и главная разница между шотландским и русским отчествами сотрется (Забавно, что Н. В. Гоголь, резонно не учитывая значения этого

шотландского «Мак», ввел в свои «Мертвые души» гротескный образ человека с «двумя отчествами», некоего Макдональда Карловича (гл. IX). «Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда», — пишет он, рассказывая о шуме, который вызвало в «энской губернии» разоблачение Чичикова. Но ведь «Макдональд» — это «Дональдович», так что этот, по выражению Гоголя, «тюрюк и байбак» был, так сказать, «Дональдовичем Карловичем».)

Шотландия лежит на севере Англии; к юго-западу от Англии расположена Ирландия, «Зеленый Эрин», населенная народом, близкородственным шотландцам. Языки тех и других сходны. Но в Ирландии место северного «Мак» занимает своя патронимическая (Слово «патроним» означает «имя отца, отчество».) приставка «О».

Тамошнему Мак-Коннеллу соответствует здешний О'Коннел. О'Коннел, О'Брайен, О'Лири, О'Доннавэн — вот характерные ирландские фамилии, и каждая из них в свою очередь является фамилией—отчеством: О'Коннел — это «Коннелов», то есть опять-таки «сын Коннела».

Труднее всего указать на что-нибудь подобное у народов, пользующихся романскими языками, возникшими из латинского языка. Но и тут можно обнаружить какие-то остатки древней патронимии,—наименования по отцу. Во Франции попадаются фамилии, в которых перед личным именем стоит частица «дю»: Дюклерк, Дюбеф, Дюруа. Эти фамилии следует понимать как «сын Писаря» (Писарев), «сын Быка» (Быков), «сын Короля» (Королев). У итальянцев такую же роль играет притяжательное словечко «дель». Называя, например, художника Андреа дель Сарто, мы хоть и не произносим слова «отец» или «сын», но обиняком указываем на возможную родственную связь: «дель Сарто» значит «сын портного».

Совершенно понятно, что иностранец, слыша и произнося подобные фамилии, чаще всего даже не подозревает, что он имеет тут дело с «потаенными отчествами». Только языковед расскажет вам, что испанские фамилии, оканчивающиеся на «-с», вроде «Родригес» или «Диас», весьма возможно, произошли от древнего вестготского родительного падежа, когда-то связанного с именами: «Родриге-с» значит «Родригин», сын Родриго. С «Диасом» дело обстоит сложнее: фамилия эта обозначает: «сын Дизго»; имя «Дизго» произошло от «Диаго», а само «Диаго» родилось из сокращенного и сжавшегося «Сант-Яго», означающего «святой Яков». Диас значит Яковлев.

Приехав в нынешнюю Грецию, вы, пожалуй, уже не встретите там Атридов и Пелеидов. Зато вас окружают бесчисленные Базилиопулосы и Георгиади; эти фамилии ничем не отличаются от наших «Васильевых», «Юрьевых», «Егоровых»; по существу, они означают каждая «сын такого-то».

Дальше к Востоку все становится более явным. У турок постоянно встречаются полуимена, полуфамилии, в которых за самым настоящим именем отца следует соединенное с ним слово «оглу» (у татар «оглы»): «Ахмат-оглу», «Айваз-оглу»; это словечко—особая форма принадлежности от слова «огул», означающего «парень», «сын». Наименование «Керим Ахмат-оглу» можно перевести на русский язык так: «Керим, сын Ахмета». Сами греки позаимствовали у соседей — турок — это словцо: у них встречаются граждане, носящие фамилии Папаник-огло, Костандж-огло. У иранцев тюркское «оглу» уступает место слову «заде», имеющему тот же смысл и значение. Недаром, поселяясь в России, многочисленные Айваз-оглу и Гассан-заде легко превращались в Айвазовых и Гасановых. И неудивительно, — ведь это было одно и то же.

Когда грузин хочет отметить, что такой-то является сыном своего отца, он прибегает к частице «-швили»: «Зеделашвили»—«сын Зеделая», «Каландаришвили»— сын Каландара. В таких же случаях армянин пользуется частицей «-ян», «-яни». «Мкртичан» значит «сын Мкртича» — «Никиты», иначе говоря, Никитич или Никитин. «Иоаннисиан» — то же, что Иоаннович или Иванов. Очень любопытно, заинтересовавшись фамилиями этих народов Советского Союза, наблюдать на них два прямо противоположных явления. Бывает так, что

армянские или грузинские (а также осетинские, азербайджанские и другие) фамилии-отчества превращаются в русские на «-ов», «-ев»:

Сараджоглу становится Сараджевым, Ованесьян начинает звать себя Ованесовым и даже Аванесовым. Но сплошь и рядом происходит и обратный процесс: русские слова втягиваются в армянские или тюркские фамилии и начинают жить уже в сопровождении совсем нерусских суффиксов. Так возникли, несомненно, такие фамилии-гибриды, как Лисициани, Медникян и т. п.

Само собой разумеется, это может происходить по одной-единственной причине: языки у разных народов разные, а способ мышления один. Отчество везде остается отчеством, хотя понятие «сын своего отца» выражается в разных частях мира самыми различными и непохожими друг на друга словами.

Однако, как они ни отличаются одно от другого, выражают-то они одно и то же. Именно поэтому их так легко бывает и заменить одно другим.

100 крон за фамилию

Если бы вы были состоятельным датчанином и жили сегодня в Копенгагене, вы бы могли хоть каждый день покупать себе новую фамилию. В этом городе существуют специальные конторы по продаже новеньких, свеженьких, только что изготовленных фамилий: стоит сдать заказ, и вам подберут (а если угодно, то и сочинят) какое угодно звучное прозвище опытные ученые, обладающие изысканным вкусом специалисты.

Не верите? Напрасно. Очень серьезное сообщение о таком удивительном торговом предприятии было напечатано в газете «Берлинер Цейтунг» 31 июля 1957 года. Указывалась даже рыночная цена: при перемене фамилии вы должны будете уплатить сорок крон датскому государству и 60 господину ректору Олуфу Эгероду, владеющему замечательной конторой.

Что за чепуха! Как такое странное явление могло возникнуть?

Не торопитесь делать выводы: это далеко не чепуха, и торговля фамилиями имеет свои глубокие корни. Они уходят в тот же самый вопрос, в вопрос об «отчествах».

Загляните в телефонный справочник по любому нашему крупному городу, ну, скажем, по Ленинграду или Москве. Вы заметите: разные фамилии, в зависимости от своей распространенности, занимают там неодинаковую «жилплощадь». В телефонной книжке Ленинграда за 1951 год, например, есть всего один Южик, три Щевелевых, одна Мавлеткина. А вот граждан с фамилией «Иванов» или «Иванова» набралось на пять столбцов. Три столбца понадобилось на «Петровых», два с небольшим на «Павловых». Видимо, самыми распространенными являются у нас все же фамилии «патронимического», «отчественного» происхождения. Это логично, но не всегда удобно: отыскать среди четырехсот Ивановых нужного вам Иванова А. П. не так-то просто. Да хорошо еще, если таких А. П. — всего четверо среди мужчин и ни одной в числе женщин. А попробуйте узнайте, где живет ваш дядюшка, Иванов Иван Иванович, если в справочнике таких И. И. целых десять — правда, в том числе одна явная тетушка. (В Москве, по сведениям газет, в 1964 году проживали 15 Александров Сергеевичей Пушкиных. Там числились прописанными 18 Николаев Васильевичей Гоголей, 10 Евгениев Онегиных. Ивановых в Москве в том году было 90 тысяч, из них — тысяча Ивановых Иванов Ивановичей... Недурно, а? А вот гражданин Нюнькин в Москве 1964 года был один..

Так дело обстоит у нас, и это неудивительно: русский народ за много веков полюбил имя Иван. А что в этом смысле делается в Дании, в Копенгагене? Если вам как-либо удастся взять в руки копенгагенскую телефонную книгу за 1956 год, вы ужаснетесь.

В этой книге 208 столбцов (столбцов, а не строк) заполнено абонентами, носящими ту же самую фамилию «Иванов», только в ее датском виде: Хансен. 204 столбца отведены там на Нильсенов, 190 — на Йенсенов. Андерсены расположились на 120 колонках, Ларсены захватили их 107, Педерсены (иначе говоря, Петровы или Петровичи) — 80. С ними почти

наравне идут Кристенсены, Йоргенсены, Ольсены, Расмуссены и Серенсены; за каждым из этих кланов от 50 до 100 столбцов. И только бедные Якобсоны (Яковлевы) и Мадсены довольствуются не более чем 30 столбцами на фамилию...

Позвольте, но ведь это же кошмар! Имя Ханс распространено в Дании столь же широко, как и фамилия Хансен; если вам нужно доискаться до какого-нибудь Ханса Хансена, не зная его места обитания, вам придется обзвонить по меньшей мере несколько десятков столбцов, несколько сотен сердитых, недовольных, занятых, не расположенных с вами любезничать абонентов...

Удивительное ли дело, что чрезвычайное изобилие в Дании одинаковых, как две капли воды похожих друг на друга, фамилий стало в последнее время чуть ли не национальным бедствием. Пока все эти Ларсы Ларсены и Нильсы Нильсены (отчеств в нашем смысле в Дании нет) жили каждый на своем хуторке или в своей деревушке, этот — над Зундом, а тот — у залива Яммер-Бугт, все шло хорошо. Телефонов не было, зато были у каждого свои приметы: один был рыбак, второй поселился под большим дубом, у третьего имелась всей округе известная рыжая борода. А теперь в крупном городе как отличишь нужного вам человека, роясь в справочнике, висящем в будке телефона-автомата?

Все это выглядит шуткой, но, по-видимому, затруднения создались далеко не шуточные, раз правительство Дании не только разрешило, но и всячески поощряет замену подобных «стандартных» фамилий новыми, пусть вычурными и даже некрасивыми, но только бы непохожими на другие. Это не пустяк, если жажда менять фамилии оказалась такой большой, что предприимчивые «ректоры Эгероды» стали открывать специальные «фабрики фамилий» и назначать солидную цену за свои услуги, а доведенные до крайности граждане—выворачивать карманы и выкладывать на столы Эгеродов сотни крон, в надежде вырваться из толпы обезличенных, как зерна в ворохе пшеницы похожих друг на друга, Кристенсенов и Йоргенсенов.

Пусть так. Но как же и почему же создалось такое нелепое бедствие? Его создала всечеловеческая тяга к отчествам, к «патронимическим» именам.

Дело в том, что почти у всех германских народов с очень давних времен повелось, говоря о сыне, связывать его собственное личное имя с именем его отца посредством окончания, которое у разных племен и в различные времена звучало не совсем одинаково, но сходно и обозначало просто-напросто «сын». Чаще и лучше всех из германских языков мы изучаем немецкий; мы знаем и то, что по-немецки сын—«зон» (Sohn), и то, что в современной Германии очень обычны фамилии, оканчивающиеся на это самое «зон» — «сон»: Симонсон, Юргенсон, Иогансон; примеров можно привести немало.

Пожалуй, еще чаще встречаются фамилии этого типа среди тех евреев, предки которых жили в Германии и усвоили там новоеврейский язык, — идиш, корни которого уходят в немецкую речь; Мендельсон, Кальмансон, Лейбзон, Мовшензон принадлежат к характерным фамилиям северных евреев. И там и тут — это фамилии патронимические; все они имеют одно значение: сын Симона (Семенов); сын Юргена, Иоганна, Менделя, Лейбы, и так далее.

Надо сказать, что в самой Германии такие фамилии, хотя и продолжая существовать, потеснились и уступили часть места другим, близким. Там, пожалуй, чаще встречаются Сименсы и Йоргенсы, нежели Симонсоны и Юргенсоны. Это мало что меняет, — фамилии, оканчивающиеся на «-с», имеют тот же характер отчеств: Симен-с значит Симонов, Даниэль-с—Данилин. А про человека говорят, что он «Григорьев» или «Матвеев», обычно подразумевая «сын».

Но в других странах германских языков—в частности, в Скандинавии, включая сюда и Данию — старинное окончание патронимических имен на слово «сын» сохранилось полностью. Правда, если еще в именах древних конунгов это «сын» повсеместно звучало как «сон» — Олаф Трюгвессон, Гаральд Сигурдсон, Хокон Магнуссон, теперь, особенно в Норвегии и Дании, оно приобрело другую форму — «сен». Но зато такое «сен» стало в этих странах едва ли не самым частым, самым распространенным окончанием в тамошних

фамилиях. Почему? Вероятно, по той причине, что в этих маленьких странах тон всему издавна задавало крестьянство и мелкое бюргерство. Ведь это дворяне, прежде чем кто-либо, склонны отказываться от фамилий, напоминающих отчества, заменять их другими, которые указывали бы на владетельные права, на земельную собственность. Дворяне старались из своих фамилий делать настоящие «гербы», втискивая в них то названия родовых замков и вотчин, то имена геральдических зверей. А крестьянство долго соблюдало старую традицию: сыну называться по отцу и не оглядываться на более далекое прошлое.

Как у нас на Руси еще полвека назад любой пскович или калужанин Николай именовался Николаем Петровым (тогда как его отец звался Петром Федоровым, а сын принимал фамилию Леонтия Николаева), так и в скандинавских странах отец Нильса Хольгерсона мог быть Хольгером Нильсоном, дед — Нильсом Торвардсоном или Свенсоном, а сын, наоборот, оказаться, скажем, Генриком или Эриком Нильсоном. «Соны» — в Швеции, «сены» в Норвегии и Дании множились с каждым днем, пока дело не дошло до такого курьезного положения, с каким мы столкнулись в начале этой главы.

Шведам — легче. У них за несколько веков чреватой войнами истории образовалось довольно крепкое дворянство; оно создало множество изысканно-сложных, хитроумных, благозвучных или причудливых фамилий. В Норвегии же, и особенно в Дании, бесчисленные Педерсены, Ларсены, Ольсены, Матсены, завладели всем. Вы видели, как теперь с этой гегемонией фамилий-отчеств приходится бороться.

Заговорив о фамилиях германских и англосаксовских народов, стоит, может быть, упомянуть о некоторых любопытных образованиях такого патронимического (я думаю, вы уже освоились с этим научным термином) типа.

Одним из крупнейших художников слова Норвегии был и остался великий скандинав Бьёрнстjerne Бьёрнсон (сконч. в 1910 г.). Возможно, вы и не читали его произведений; но сейчас я хочу спросить у вас не об этом. Знаете ли вы, что означают по-русски эти звучные имя и фамилия? Их можно перевести на наш язык так: «Медвежья Звезда Медведич». Нам представляется это совершенно невероятной странностью: что за народ с такими именами! Но вспомните, что гениальнейший из наших писателей именовался Лев Толстой; попробуйте перевести эти слова на норвежский язык, и вы увидите, что странность тут кажущаяся.

Бьёрнсона вы можете не знать, но вы наверняка знаете, кто такой Чарльз Диккенс. А что означает его фамилия?

Новая неожиданность: Диккенс, собственно говоря, означает Ричардсон. Как так? А очень просто: Дик, Дикки — это уменьшительное имя, которым англичане наделяют своих Ричардов. Диккенс следует расшифровать, как «Диков сын»; сын Дика — это сын Ричарда, а «сын Ричарда» по-английски будет «Ричардсон».

Очень хорошо, если вы запомните это; зато очень плохо будет, если, прочитав в «Евгении Онегине» про старушку Ларину, что «она любила Ричардсона не по тому, чтобы прочла, вы вообразите, что мать Татьяны читала Диккенса. Тот Ричардсон был тоже известным английским романистом, но родился он за сто семьдесят лет до Диккенса и фамилии Диккенс никогда не носил.

Здравствуй Месяц Месяцovich!

Откуда взят этот заголовок? Конечно, из «Конька-Горбунка»:

Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я — Иванушка Петрович... —

представляется герой славной сказки, подскакав к небесному страннику на своем удивительном коне. Но надо заметить: если бы Иванушка знал хоть немного польский язык, он не обратился бы так к своему высокому покровителю; он смутился бы и не наименовал его Месяцovichем. С точки зрения польского языка — это **сказочная** бестактность.

В самом деле, знаете ли вы, как будет по-польски слово «князь»? Пишется оно «ksią», читается так: «ксёнже».

По-русски рядом со словом «князь» существовало всегда слово «княжич»; оно означало «книжонка», «княжьего сына»; и это вполне понятно; перед нами — хотя на этот раз речь идет уже не о собственном имени — тот же самый наш русский (живой и в других славянских языках) суффикс отчества, известный нам «-вич» или «-ич»; он обычно приносит с собой одно и то же значение: «сын такого-то».

Слово «księżyc» имеется и в польском языке; произносить его надо, как «ксенжиц», а понимать, как «месяц» (тот месяц, который ходит по небу). Что за странная неожиданность! Или у поляков суффикс «-ич» имеет какое-либо совсем другое, неизвестное нам значение?

Нет, неправда. Это «ксенжиц», возможно, тоже значило когда-то «сын князя». Но у древних поляков было несколько иное представление о родословной небесных светил, нежели у нашего Иванушки Петровича. Они считали Месяц отнюдь не сыном какого-то другого Месяца-отца; они числили его сыном Солнца-князя. Именно поэтому он и стал для них не только в сказках, но и в живом языке «княжичем» и даже остался им до наших дней (хотя, вероятно, сами люди, говорящие по-польски, уже не очень ясно представляют себе, как это получилось).

Кто же из двух несогласных сторон «ошибался» — восточные славяне или западные? Думается, между ними настоящего спора не было. Неправильное отчество для Месяца сочинил не русский народ, а поэт Ершов, автор «Конька-Горбунка». По мнению многих исследователей, наши древние предки, как и их братья-поляки именовали Князем неба именно Солнце, а «княжичем» величали того, кто по ночам отражает солнечный свет. И ведь это довольно последовательно.

Если вдуматься в то, что я только что рассказал, станет ясно: суффикс «-ич» или «-вич» не всегда служил только для образования чистых отчеств. Это происходило лишь тогда, когда он соединялся с именем отца. Но столь же часто и, пожалуй, чем дальше, тем чаще, он связывается не с личными именами, а также и со званиями, профессиями, должностями отцов. Ведь не только сын Ивана — Иванович, но и сын царя — царевич.

В русском языке эта способность «-вича» давать производные слова используется сравнительно редко. Мы не говорим ни «солдатович», ни «генералович», ни «судьич», ни «воеводович». А вот поляки пошли в этом отношении по другому пути.

Отчества в нашем смысле, то есть сочетания «-вич» с именем отца и этого имени с именем сына, которое бы прилагалось к человеку, помимо его фамилии, у них не образовалось. Имена с «-вичами» сравнительно скоро приобрели в Польше значение фамилий: ведь такие их известные фамилии, как Мицкевич, Ходкевич, Сенкевич, по-настоящему не что иное, как наши «отчества»: «сын Мицка — Коли, Миколки», «сын Ходька или Хведька — Феди», и т. п. А вслед за тем стало вполне возможным присоединить это «-вич» (и «-вна» в женском роде) совсем не к имени отца, а к тому слову, которое обозначало общественное положение, род занятий и пр. «Отчество», так сказать, превратилось в «званчество».

Осип Сенковский, сам поляк по происхождению, рассказывает, к каким любопытным последствиям в польском фамильном именовании это иной раз приводило. Представьте себе, что некий «пан Казимеж-президент» (то есть «председатель, господин Казимир») имел сына Францишка. Этот сын имел все основания именоваться по фамилии «паном Францишком Президентовичем». Но сам он мог не заслужить никакого другого, собственного, столь же почетного звания. Тогда его сын обретал право получить титул «Президентовичевича», внук — «Президентовичевичевича» и так далее, до бесконечности (Сенковский свидетельствует, что такие имена «иногда вытягивались на всю длину смешного»). Следует заметить, что сестра Францишка Президентовича, вероятно, называлась бы «пани Анелей или Зосей Президентовной», а не «Президентович»; это показывает, что в таких случаях настоящих фамилий еще не создалось.

Вот каким образом не только у поляков, но и в других славянских языках суффикс «-ич» стал не суффиксом отчества, как у нас, а очень распространенным суффиксом имен фамильных. Загляните в учебник польской литературы или истории. Ни одного «отчества» вы не встретите, но такие фамилии, как Нарушевич, Мицкевич, Сенкевич, Ивашкевич, Руевич, будут попадаться вам то и дело. Обратитесь к югославской культуре,—вы встретитесь с фамилиями Караджич, Миклошич, Ягич, Обренович и множеством других. То же самое в Белоруссии: Богушевич, Богданович, Хадкевич, Последович — так зовутся деятели литературы и искусства братского белорусского народа. Разница только в том, казалось бы, что в Польше суффикс «-вич» образует одни лишь фамильные имена, а в соседней с ней Белоруссии — и имена и отчества. Но это различие очень существенно: Адама Мицкевича, величайшего поэта Польши, никто и никогда не именует Адамом Николаевичем. Он просто Адам. А вот другой Мицкевич, один из самых крупных белорусских поэтов, известный каждому из нас под псевдонимом Якуб Колас, в любой статье о нем называется Мицкевичем Константином Михайловичем. Иваном Доминиковичем Луцевичем звали и второго прославленного поэта Белоруссии, Янко Купалу. Как видите, различие достаточно серьезное.

Очень часто возникали и другие именные образования с тем же «-вич»: в западных районах нашей Родины, на границе двух языков, великорусского и белорусского, сплошь и рядом встречаются названия населенных мест, оканчивающиеся на это «-вич» — Калининичи, Барановичи, Славковичи, Дедовичи, Пуховичи, Ляховичи. Вполне понятно, откуда они взялись и что означают. Вот местечко Яковлевичи, недалеко от Орши; очевидно, когда-то оно было заселено потомками одного родоначальника, какого-нибудь «старчища Якова». Вот Литвиновичи — недалеко от тех же мест; вполне вероятно, что первым тут поселился некий Литвин (литвин по национальности или по имени-прозвищу); его потомство — все Литвиновичи — дало имя и месту своего обитания. Точно так же в противоположной части Руси, где-нибудь на Урале, вы встретите множество названий, имеющих тот же смысл, но образованных с помощью другого суффикса — «-ата», «-ята»: деревня Оверята, населенная потомками неведомого Оверкия; деревня Кривоносоро, основателем которой, первым поселенцем, был давно уже забытый дед Кривонос... Все это имена, на другой лад говорящие о том же.

Таким образом, мы отлично знаем, что суффикс «-вич» способен был всегда выполнять много различных функций. Единственно, на что он, казалось, никак и нигде не мог претендовать,—это на участие не в фамилиях и отчествах, а в самих личных собственных именах. Но в последние годы и это изменилось.

В одном из наших журналов я прочел заметку о жизни и творчестве датского поэта, которого зовут Ильич Юхансен. Довелось мне и на другом конце нашего материка, в жаркой Армении, встретить комсомольца, по имени Ильич Петросян. Как это могло случиться?

Очень просто как. Вполне понятно, что многим родителям, и на Западе и на Востоке, хочется назвать своего сына дорогим для них именем Ленина. У нас, русских, это осложнено тем, что мы остро различаем на слух наши собственные имя, отчество, фамилию. Поэтому мы идем особым, более сложным путем: изобретаем различные производные слова, связанные с именем Ленина: Владлен, Нинель, Ленина; нам нужно, чтобы они **звучали** для нас как **имена**, как наши русские имена, чтобы они не походили ни на фамилии, ни уж тем более на отчества.

Но для людей иноязычных это препятствие несущественно; для них отчество «Ильич» звучит так же, как и любое другое иностранное слово. И они спокойно делают его именем, хотя, вероятно, очень затруднились бы назвать своего ребенка «Элиассеном»: ведь по-датски «Элиассен» будет не «Илья», а «сын Ильи». Это для датчанина никак не имя, это — фамилия. (В журнале «Неделя» в 1968 году было сообщено, что в голландском городке Вормере некий господин Майер, любитель спорта, в честь советской конькобежки Сидоровой назвал новорожденного сына СИДОРОВ «Мне нравится, как это слово звучит!» — заявил он журналистам. Попробуйте поспорьте!).

О том же, но с другой стороны

Сейчас для нас с вами наш «-вич»—суффикс, представитель определенной грамматической категории, группы любопытных явлений, но и только. А ведь было время, когда он вызывал у людей самые бурные эмоции, исторгал то самодовольный смех, то гнев, то слезы. Как и почему? Вот какую показательную сценку нарисовал нам один автор XIX века, интересовавшийся русскими «родовыми прозвищами и титулами».

Первые годы после отмены крепостного права.

На поле работает артель крестьян, «временнообязанных». Подъехавший по дороге барин окликает одного из своих недавних рабов, обращаясь, к нему, как было до сих пор привычно, без «-вича»: «Эй, Иван Семенов!»

Иван Семенов — поодаль, он не слышит. Но те крестьяне, что поближе, охотно «помогают» помещику:

«Эй, Иван **Семенович** !—уважительно передают они так сказать, «по цепи».—Иди сюда: тебя Николай **Петров** кличет!»

Можно представить себе, как поморщился разжалованный в «Петровы» дворянин, как широко ухмыльнулся произведенный в «Семеновичи» вчерашний раб: ведь на протяжении веков эта незаметная частица делила весь народ на господ и слуг, на высокородных и «подлых». Нам сейчас трудно даже представить себе, какое значение придавалось когда-то ее наличию и отсутствию.

Вот в замечательном романе «Петр I» Алексея Толстого молодой еще царь разговаривает с неторопливым и опасливым купцом — архангелогородцем Иваном Жигулиным. Царю нужно, чтобы купечество взялось за вывоз русских товаров за границу; купчина не спешит хвататься за новое дело, старается получить от предложения как можно больше выгоды. Чем его пленить, чем поощрить? Барышом? Путешествием в дальние страны? Еще чем? Так поощрить, чтобы другим завидно стало. Но Петр хорошо знает своих русаков:

«Петр блестел на него глазами...

— А сам поедешь с товаром?.. Молодец!.. Андрей Андреевич, пиши указ... Первому неготианту-навигатору... Как тебя, — Жигулин Иван, а по батюшке?..

Жигулин раскрыл рот, поднялся, глаза вылезли, борода задралась.

— Так с *отчеством* будешь писать нас?.. Да за это — что хошь!

И, как перед спасом, коему молился об удаче дел, повалился к царским ножкам...» (Алексей Толстой, Собр. соч., том седьмой, стр. 252.)

Романист ничего не прибавил от себя, ничего не преувеличил. Мы знаем, что еще в 1582 году Иван Грозный пожаловал «-вичем» купца Строганова за очень серьезную заслугу: Строганов вылечил от смертельной болезни царского любимца, Бориса Годунова. Это первая запись о таком пожаловании, но наверняка они случались и раньше.

Двадцать восемь лет спустя, уже Василий Шуйский, награждая других Строгановых, повелел и их «в своих государевых грамотах писать с „вичем“». В 1680 году такая же честь была предоставлена всем думным дьякам, крупнейшим по тому времени чиновникам, но с существенным ограничением: их было приказано «в государевых грамотах писать с „вичем“, а в боярских списках — по-прежнему. Вот как дорог, как почетен тогда был этот удивительный суффикс, на который мы в наши дни не обращаем никакого внимания.

Прошло еще около ста лет, и Екатерина II считает нужным внести в обращение с «-вичами» строгую точность. Постановляется: первые пять классов чинов, то есть самых важных сановников, генералитет (тайных и статских советников), писать с «-вичем», чинов шестого, седьмого, восьмого классов — с отчеством на «-ов» (но без желанного «-вича»), всех же остальных — без отчеств. И только XIX век мало-помалу лишил пресловутый «-вич» его былой славы и значения. Во всяком случае Осип Сенковский, интересный ученый, но ярый мракобес и консерватор, в своей статье «Вич и вна» с явным огорчением писал:

«Нынче все без разбора чествуют друг друга *вичами*... в старину почесть эта принадлежала только... царям, боярам и думным людям, кроме дьяков... Одни только рабы *вичали* своих господ». (Да и совсем недавно именование «по имени-отчеству» считалось большой честью. У Н. А. Некрасова есть стихотворение «Эй, Иван!», герой которого, забитый лакей, плачется:

Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!

В рассказе Л. Андреева «Баргамот и Гараська» пьяница, попавший на квартиру городского в праздничную ночь, плачет от умиления, когда жена городского именует его по отчеству. А ведь это уже двадцатый век, не восемнадцатый!).

И в самом деле, теперь именование с отчеством превратилось в пустую формальность; никому не придет в голову ни наградить человека «правом» на «-вич», ни оскорбиться, ежели тебя самого назовут без «‑вича». А ведь было не так; недаром в полном «Собрании законов царской России» было записано и такое постановление, выбранное из указа первых лет царствования Петра Первого: «Буде кто напишет думного дворянина жену без „вича“ [то есть, в данном случае, без окончания „-вичевна“ или „-вна“] и им на тех людях великие государи указали за то *править за бесчестие*», то есть преследовать по суду, как страшных оскорбителей.

А теперь? А теперь вы сами знаете: можно человека назвать с «‑вичем» так, что он не обрадуется, а наоборот, удивится и огорчится или засмеется. Ну, скажем, так, как это сделала уже упомянутая плохо владеющая русским языком американка, акробатка в фильме «Цирк». (Самая маленькая особенность языка может привести к серьезным следствиям.)

Однажды меня попросили написать очерк о русских именах, фамилиях и особенно отчествах для вьетнамского журнала. Оказалось: студентам из индокитайских стран, учащимся в СССР, очень трудно усвоить употребление наших отчеств. Они видят, что «отчество» — почтительный элемент нашей «именной тройчатки», что, скажем, В. И. Ленина в народе уважительно и с теплой любовью именуют «Ильичем», и после этого, из самых лучших побуждений; начинают знакомых юных девушек называть «Петровнами» и «Николаевнами». Очерк был написан и, видимо, принес какую-то пользу.)

Вот какую сложную и противоречивую историю прожил наш «‑вич», суффикс русского отчества.

Что мне осталось еще сказать? Очень немногое. Во-первых, в восточнославянских языках «-вич» был не одинок; рядом с ним жили и другие суффиксы, пригодные для выражения понятия «отчество». Все знают украинский суффикс «-енко»: Шевченко — сын шевца, сапожника; Пилипенко — сын Филиппа (Пилипа), Филиппович. Он распространен на юге СССР сейчас уже не в качестве составной части отчеств; он образует фамилии. Но, разумеется, началось с выражения отношения между отцом и сыном: ведь это «-енко» почти равно нашему суффиксу «-ёнок», «-ята», который служит нам для называния детенышей, маленьких живых существ, сыновей своих отцов.

Не все хорошо помнят, что почти такой же суффикс отчества фигурирует и во множестве великорусских фамилий, таких, как Павленковы, Давыденковы, Роденковы, Бураченковы, Мосенковы; тут его близость с обычным «-ёнок» еще яснее. Сейчас он уже перестал образовывать наши отчества; он действует только в фамильных именах. Но еще совсем недавно во многих местностях России, среди крестьян, у которых отчество и фамилия не различались, было очень даже принято одного Павлова сына именовать «Иван Павлюков», а другого (да, случалось, и того же самого), «Иван Павлюченок». Может быть, первое отчество казалось более строгим, официальным, второе — панибратским, непочтительным, — только и всего.

Вот, пожалуй, и всё об отчествах. Добавлю только одно: известно ли вам, что наряду с «отчествами» вполне возможны и существуют в различных языках такие образования,

которые даже трудно назвать одним словом: «антиотчества», что ли, потому что неудобно же вводить термин «сынчество» или «мамчество».

Арабы, как мы видели на примере «старика Хоттабыча», резонно именуют сыновей по их отцам, полагая, что каждый хороший сын должен гордиться своим почтенным родителем. Ибн-Фадлан, Ибн-Халликан, Ибн-Баттута — таких сочетаний, означающих «сын такого-то», можно привести из истории арабского народа тысячи. Пользовались ими и неарабы-мусульмане, находившиеся под влиянием арабской культуры. Мы, например, отлично знаем имя великого таджикского философа, поэта и ученого Ибн-Сины, прозванного на Западе искаженным именем Авиценна. Но вот что любопытно:

Ибн-Сину полностью звали: Абу-Али-ибн-Сина, а если слово «ибн» значит «сын», то слово «абу», наоборот, означает «отец».

Изучая историю Востока, легко заметить: людей, именуемых «абу», там не меньше, чем тех, в имя которых входит «ибн». Философ Ибн-Туфейль звался по-настоящему Абу-Бекр Мухаммед ибн-Абд-аль-Малик. Полное имя иранского историка и лексикографа Ибн-Халликана было Абу-ль-Аббас Ахмед-ибн-Халликан. Будучи сыновьями весьма достойных сынов аллаха, они имели счастье стать и отцами детей, которыми могли гордиться. (Не всегда в странах магометанской культуры это «абу» означает реальное отцовство. Р. Клейнпауль, несколько высокомерно — как, то нередко свойственно немцам — относясь к иноплеменным обычаям, замечает, что в арабском именовании кишат «отцы и дети, как в романе Тургенева», но что у этих отцов далеко не всегда потомством являются обычные Гамиды или Али. «О, тут мы встречаем куда более удивительных отцов, а именно отцов мира, отцов радости, отцов победы, отцов золота, отцов бороды, отцов мух, даже отцов собак и отцов блох...» (Р. Клейнпауль. Имена людей и народов. Лейпциг, 1885, стр. 33.).

Совершенно ясно, что обыкновение, имевшее своим началом реальную патронимию, превратилось здесь в своеобразную именовальную игру. Впрочем, примеры таких же «нелепостей» можно найти в любых языках, в немецком не меньше, чем в арабском..)

Как дерево, уходя корнями в землю, славит в то же время бытие цветами молодых ветвей, так и люди Востока, помня о предках, радовались потомкам, соединяя седобородых и розовощеких в один букет своего имени. Что же? Наверное, ими руководила мудрость.

Но почему речь может идти только об отцах и сыновьях? Восток знал женщин величавых и прекрасных, достойных равняться с лучшими из мужей. Они были дочерьми счастливых отцов и матерями незабвенных дочерей. И вот появляются имена, означающие «отец», но не «такого-то», а «такой-то»; пример этому дал первый халиф арабов, принявший имя Абу-бекра, «отца девушки», после того как его любимая дочь была взята в жены «пророком» Магометом. Были, — правда, в сравнительно редких случаях, — и другие, самостоятельные, во всем равные мужчинам женщины. Они, так же как их мужья, считали себя вправе принимать новые имена, в которых изливалась их гордость произведенным на свет потомством. Такие полные воли и достоинства матроны известны у всех народов, в том числе и у арабов. И если вам когда-нибудь доведется в старинных текстах прочесть имя аравитянки, которую звали Зубейда-умм-Махаммад или Гюзидэ-умм-Маджид, склоните голову перед памятью и их и их первенцев: наверное, они заслужили почтение: вставка «-умм» означает «мать», — «мать Маджида», «мать Мухаммеда».

Пора кончить главу об отчествах. От них можно спокойно перейти к фамилиям.

Людские и лошадиные

...А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Черт... Как же его фамилия?.. Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылий? Нет, не Кобылий... Жеребцов, нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

А. П. Чехов. «Лошадиная фамилия»

Гражданин Попсуйшапка

Тот же Антон Павлович Чехов записал в своей знаменитой записной книжке смешные слова:

«Я бы пошла за него (замуж. — Л. У.), да боюсь фамилии «Прохладительная!».

А вы как, читатель или читательница? Вам бы хотелось именоваться так же освежающе? Хотя, собственно, в чем дело? Не все ли равно, в конце концов, как зовут человека? Не в кличке главное: ведь у Чехова можно найти и совсем другую запись:

«У меня есть знакомый: Кривомордый. И — ничего! Не то чтоб Кривоногий или Криворукий — Кривомордый. И женат был, и жена любила».

Вот видите, как хорошо: значит, суть не в фамилии! К фамилии и сам привыкнешь, и другие с нею стерпятся. Разве не так?

Так, да не совсем.

Лет тридцать — тридцать пять назад всем гражданам СССР было предоставлено право свободно менять фамилии, если почему-либо они этими фамилиями недовольны. Как вы думаете, много ли нашлось желающих? Десятки? Сотни? Нет, тысячи и даже десятки тысяч. Целые месяцы, целые годы центральная газета «Известия» изо дня в день печатала, столбец за столбцом, перечень людей, готовых на все, лишь бы избавиться от ненавистного прозвища. Заявления шли из Москвы и с далекой Камчатки, сыпались с севера и с юга; и тот, кто внимательно за этим следил, удивлялся многому.

Первое удивление: откуда могли появиться и как получили законную силу все эти, то причудливые, то бессмысленные, иногда обидные, а чаще удивительно неблагозвучные, уродливые клички?

Евгения Павловна **Вырвикишко**
Порфирий Иванович **Полторабатько**
Николай Викторович **Около-Кулак**
Сергей Родионович **Убей-Кобыла**
Михаил Давыдович **Балда**
Игорь Георгиевич **Психа**
Георгий Густавович **Труп**
Павел Никифорович **Пудель ...**

Хвостик и Мухомор, Лысый и Босый, Плаксивый и Мозоль, Кособрюхов, Застенкер, Песик, Продан и, наконец, даже Попсуйшапка — этот список я мог бы продолжать на десятки и сотни страниц, не выдумывая ни единого слова, беря экспонаты для удивительного музея только из официального перечня фамилий. Странно? Разумеется, очень странно! Как могли живые люди до последних дней мириться с таким издевательством — называть себя так вслух, расписываться на документах, отвечать на переключках:

— Деримедведь?
— Есть!
— Лисоиван?
— Тут!
— Засучирукав?
— Вот я...
— Вензель-Крензель?
— Вензель-Крензель болен..-

Станным, однако, казалось и другое: на что меняли свои фамилии эти граждане? Чаще всего они выбирали для себя нестерпимо жеманные, сладкозвонкие звукосочетания, стараясь

блеснуть приторной и пошловатой красотой. Еще хорошо, если они (а таких были сотни!) непременно хотели зваться теперь Ленскими, Онегинскими, Гиацинтовскими или Ароматовскими. А то их не устраивало ничто, кроме сочетаний вроде Ромуальд Корнер или Кирилл Робинзон.

Были и совсем неожиданные чудачки: они требовали, чтобы их хорошее обыкновенное старое имя — Иван или Павел — как можно скорее сменили на Арнольд либо Эдуард; вот против «звучной» фамилии Вырвихвост или Плешка они ничего не имели. Так, некий Леонид Могильный стал из Леонида Львом, а фамилию оставил старую. Так, Мордалев Антон превратился в Мордалева Михаила. Зачем это ему понадобилось, — догадывайтесь, как хотите.

Словом, у человека наблюдательного возникало множество вопросов и среди них один главный: что же такое наши «фамилии»? Откуда они пошли, по каким законам живут, как вызывают к себе такое разноречивое и не всегда понятное отношение? Как должны теперь мы, советские люди, относиться к ним?

Позвольте, а может быть, это всё пустяки, не достойные внимания? Или, наоборот, есть и в этом разряде человеческих имен собственных нечто, заслуживающее пристального изучения; что-то такое, что позволяет им—где прямо, где косвенно—влиять на судьбы и мысли людей, и тех, что их носят, и других, которые с этими носителями общаются? Как же на самом-то деле?

О тех кого никогда не было

Скажите, как по-вашему: мог ли бы Пушкин, приступая к самой знаменитой из своих поэм, дать ее героине, Татьяне, скажем, фамилию Скотининой, а герою— Скалозуба или Молчалина?

О, конечно, нет! Такого романа в стихах — «Евгений Скалозуб» — не могло появиться на свет; а если бы он и был написан, то содержание его должно было бы стать совершенно не тем, какое мы видим у Пушкина. Светского льва Евгения Попсуйшапки так же не могло быть, как не мыслимы ни юный помещик поэт Владимир Пудель, ни «Клеопатра Москвы» — блестящая Нина Кособрюхова, ни шумные захолустные помещики Майский и Струйский на месте Панфила Харликова и Буянова.

Этого мало; даже внутри самой поэмы нельзя безнаказанно перебрасывать фамилии от героя к герою. Пушкин, с таким вниманием, так терпеливо и тщательно объяснявший читателям, почему именно он выбрал — должен был выбрать, не мог не выбрать! — для старшей сестры Лариной имя Татьяна, отлично понимал это. Он сам создал всех своих героев; казалось бы, — его герои; как кого хочет, так того назовет!

Но нет, эта свобода кажущаяся. Нельзя было ни Онегина назвать Буяновым, ни из Ленского сделать Петушкова. Немыслимо дать Тане фамилию Воровской, а великолепную светскую львицу, чудо петербургских гостиных, окрестить Ниной Лариной. Такая перестройка все изменила бы в облике действующих лиц, и, может быть, она повлияла бы на роман ничуть не меньше, чем попытка автора внезапно сделать Татьяну пухленькой блондинкой, а Ольге дать задумчивый взор и темные волосы.

Не поразительно ли это? В чем тут секрет? Почему нечто столь случайно приписанное к человеку, столь внешнее по отношению к нему, как его фамилия, может играть в литературном произведении такую большую роль? Почему все строгое здание «Войны и мира» зашаталось бы, приди в голову Л. Толстому изменить фамилию своих героев Ростовых хотя бы на Перерепенко? И почему Гоголь точно так же не имел ни права, ни возможности уверить нас, будто его старосветские помещики могли быть не Товстогубами, а, скажем, Болконскими или Иртеневыми? Нет, тут скрыта какая-то тайна. Чтобы разгадать ее, любопыствуем для начала: а как дело с этим обстоит не в литературе, а в жизни? Такой ли вес, такое ли значение имеет человеческая фамилия и там?

Умерший не так давно писатель Н. Телешов вспоминал о забавном огорчении, которое вызывала у его современника, другого русского писателя начала XX века, Л. Андреева (пока он был молод и еще не успел

прославиться), его собственная фамилия. «Оттого и книгу мою издатель не печатает, — всерьез сетовал Андреев—что имя мое *решительно ничего не выражает*. Андреев! Что такое «Андреев»? Даже запомнить нельзя... «Л. Андреев» — вот так автор...»

Можно, хоть и не без труда понять, что огорчало будущую знаменитость. Ничего неблагозвучного или обидного в фамилии Андреев, конечно, нет. Но мы теперь уже знаем, что она собою представляет. Это фамилия-отчество, из числа самых обыкновенных, самых распространенных. На Руси всегда были тысячи и тысячи Андреевых, и еще большее число Ивановых, Петровых, Васильевых и т. п. Вот это-то и смущало молодого писателя. Он боялся затеряться среди множества тезок и полутезок: поди отличи Андреева от Андрянова, Андрянова от Андрейчука, Андрейчука от Андрюшина! Между тем ему казалось, что писатель по всему — и по облику, и по образу жизни, и по речи, и, между прочим, по фамилии! — должен выделяться из ряда вон; быть во всем непохожим на простых смертных, быть во всем особенным... Смешные претензии, но тогда они были свойственны многим.

По-иному негодовал живший в те же времена ретроградный литератор Василий Розанов, человек самолюбивый и вечно уязвленный в своем мелком самолюбии. «Удивительно противна мне моя фамилия, — как всегда, желчно и раздражительно писал он.—Иду раз по улице, поднял голову и прочитал: „Немецкая булочная Розанова“. Ну, так и есть: все булочки — Розановы, следовательно, все Розановы — булочки! Хуже моей фамилии только Каблуков. Я думаю, Брюсов (речь идет об известном поэте В. Брюсове.—Л. У.) постоянно радуется своей фамилии...»

Читаешь это и диву даешься. Понятно, конечно, что задевало далеко не высокородного спесивца: сама фамилия как бы приравнивала его к «разным там булочникам, токарям и пекарям»... Как же было не позавидовать Брюсову; ближайшим его «тезкой» был знаменитый генерал и вельможа прошлого, тот самый Яков Брюс, который даже в пушкинской «Полтаве» упомянут... Но...

Вспомнишь эти смешные терзания, и волей-неволей придет на ум жалкий и противный персонаж из «Села Степанчикова» Ф. М. Достоевского, Григорий Видоплясов, лакей и поэт, дуралей и виршеплет.

Лакей Видоплясов писал стихи. Он собирался даже печатать их за счет доброго барина. Все было прекрасно, кроме той фамилии, которою его наградила судьба.

« —...Он — ко мне, — рассказывает его барин, — жалуется, просит, нельзя ли как-нибудь переменить его фамилию, и что он давно уж страдал от неблагозвучия...»

— *Необлагороженная фамилия-с,* — ввернул Видоплясов.

— Ну, да уж ты молчи, Григорий! — сердито обрывает лакея барин, но тут же замечает, что коли и впрямь придется Видоплясову издать стихи, «то такая фамилия, пожалуй, и повредит».

«— Представь себе, если на заглавном-то листе будет написано: „Сочинения Видоплясова“... Ну что за фамилия Видоплясов?.. А все эти критики... Просмеют за одну только фамилию...»

Очень похоже на огорчения Андреева и Розанова: у тех ведь тоже фамилии были «необлагороженные». Но вот что удивительно: критики-то, оказывается, и на самом деле имели обыкновение «просмеивать» людей по таким неожиданным поводам.

Когда мы слышим слово «Гоголь», перед нами возникают тома замечательных книг, шум театральных представлений, бронза памятников... «Гоголь» — какая прекрасная, звучная фамилия! Каждый хотел бы ее носить.

А ведь было время, когда журналы пренебрежительно печатали: «Кто бы ни был автор, *гоголь* или *кулик* — все равно...» Тогда слово «гоголь» сохраняло еще свое исконное значение — «дикая утка», нырок, и даже хороший друг писателя Павел Нащокин сделал ему

довольно оригинальный комплимент:

«Если вы и *птица*, Николай Васильевич, то — небесная!..»

Трудно себе представить, сколько пошленьких шуточек приходилось в свое время выслушивать самым прославленным нашим людям по поводу их фамилий. «Какие, однако, странные у теперешних писателей фамилии — ехидничал известный пошляк, лебезивший перед властями критик Буренин в начале 900-х годов,—то *водку* напоминают, то *чихание*...»

Он имел при этом в виду Максима Горького и А. П. Чехова (Сам Чехов относился к этому «вопросу» иронически. В. Тихонов пожаловался ему на свою, недостойную писателя, фамилию. Антон Павлович насмешливо посоветовал заменить ее более красивой и звучной, скажем — Беневоленский, типично поповской).

Известно, правда, и прямопротивоположное отношение к собственным фамилиям. «Я, — пишет в своей биографии Ч. Чаплин, — выучился в школе писать свою фамилию: „Чаплин“. Это слово меня пленяло; мне казалось — оно и впрямь похоже на меня...»).

Глупо? Конечно, глупо. Но даже и этот пример лишний раз подтверждает: человеческие фамилии — вещь хитрая и тонкая. Видимо, их наличие играет в жизни людей куда большую роль, чем кажется, если они могут так огорчать и радовать, нравиться и внушать отвращение, быть предметом досады или гордости. Случается, фамилия становится источником бесконечных неприятностей для своего носителя; бывает — недоброжелатели превращают ее в оружие, способное чувствительно ранить. Очень часто выходит, что мы встречаем новое лицо по его фамилии, как «по одежке» в известной поговорке; должно пройти известное время, чтобы человек это впечатление изменил или опроверг. Видимо, не даром они, фамилии, всегда привлекали к себе такое повышенное внимание писателей, мастеров художественного слова; не даром авторы вечно «играли» ими в своих произведениях, радовались, измыслив для героя «удачную», «подходящую» фамилию, печалились, если это не получалось, зорко приглядывались и прислушивались к семейным именам современников, записывали звучные, курьезные, характерные имена в своих тетрадях...

Тот же А. П. Чехов тщательно регистрирует в своих записях всевозможные причудливые и странные фамилии: Зикзаковский, Ослицын, Свинчутка, Дербалыгин... Он вслушивается, прикидывает — к какому из его будущих героев могла бы **подойти** та или другая из них.

«**Провизор** (Провизор — работник аптеки, фармацевт, в дореволюционном русском языке.) Проптер», — записывает он латинское слово «проптер», означающее по-русски «для», «вследствие». «Действующее лицо: „Соленый“». Тут еще не определилось, кем может быть такое лицо, но кем-то, безусловно, может...

Зато некий «Киш» сразу рисуется писателю как «вечный студент»;

зато «мадам Аромат» для него тоже ясна: пухлую, толстую, ее должны звать «Розалия Осиповна». И комическое сочетание «Розалии» с «ароматом», а обоих этих «душистых элементов» с обыкновеннейшим отчеством «Осиповна», до конца определяет облик женщины, которую так зовут...

Много лет спустя другой известный писатель, уже советский автор, Илья Ильф подбирает уморительные пары к чеховским находкам, занося в свою записную книжку и Бориса Абрамовича Годунова, председателя жилтоварищества (может быть, это внук Розалии Аромат?), и доктора Страусяна, и дантистку Медузу Горгонер, а то и просто неизвестных граждан — Шарикова и Подшипникова...

Николай Васильевич Гоголь также, как известно, заботливо записывал, выискивал в памяти, выпрашивал у друзей и знакомых нужные ему характерные фамилии. Помните: «Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцек не Голопуцек...» (Н. В. Гоголь. Пропавшая грамота..) Он тоже не зря, не по случайному капризу называл одного из своих героев Собакевичем, другого Плюшкиным, третьего Петром Петровичем Петухом или госпожой Коробочкой. Фамилии помогали ему дорисовывать образы людей.

Лев Толстой прибегал к особому приему: заимствуя фамилии действующих лиц из

самой жизни, он только слегка изменял их звучание,—осторожно, немного, чтобы не нарушить связь между словом и типом человека. Так, фамилия Толстой превращалась у него в Ростов, Волконский — в Болконский, Куракин — в Курагин, Безбородко — в Безухов.

Ф. М. Достоевский, наоборот, смело изобретал прозвища, стараясь самым их звучанием выразить сущность персонажа, его душевные свойства. Иногда он шел по совсем неожиданному пути. Фамилия «Свидригайлов» звучит у него так, что внушает брезгливость, неприязнь, почти жуткое чувство к герою, и на самом деле зловещему и отвратительному. А ведь создана она из имени «Свидригайла» (Svitrigaila), великого князя литовского... Жалкий и несчастный маленький человечек носит фамилию «Голядкин»... Кажется, сами звуки этого дрябленького слова выражают ничтожность, нищету, бесконечную слабость... Между тем слово «Голядь» не имеет никакого отношения к нищете: это название одного из балтийских племен, живших в древности на территории нынешней Смоленской области и Белорусской Республики.

Так или иначе, фамилии героев всегда составляли для писателей одну из существенных забот. Они были им нужны; от них зависело и зависит многое в самих произведениях. А почему?

Я думаю, чтобы разобраться во всем этом, надо внимательно рассмотреть, что представляют собою наши фамилии, откуда они пошли, какими бывают, какую историю прожили. Ономатологи занимаются этим; у нас с вами не хватит возможностей по-настоящему углубиться в этот вопрос. Ну что ж, взглянем на него хоть с краешку.

У ног Чомолунгмы

Можно ли жить без фамилии? Отсутствие имени — большое неудобство, ну а как с фамилией?

Я долго колебался: на каком бы материале было удобнее всего побеседовать на эту тему? Начать ли со времен Греции, заняться ли Римом или же обратиться к возникновению фамилий у нас на Руси? И внезапно мне в руки попала одна недавно родившаяся на свет книга. Совершенно не намереваясь задевать в ней интересующий нас вопрос, автор помимо воли сказал столько и так ясно, что мне ничего не оставалось, как передать его соображения вам: лучше рассказать о самом начале жизни фамилий невозможно. Почему же это так удалось писателю? Потому, что нам необыкновенно повезло: этот автор сам большую половину жизни прожил без всякой фамилии; только теперь он вроде как получил ее, и то не совсем. А могло такое случиться только потому, что он в некотором отношении — «первобытный человек». Поистине — интригующее предисловие!

На границе Непала и Тибета, в северо-восточной Индии на южном склоне Гималаев, много веков обитает маленький смелый народ — шерпы (точнее — шерпа). Их поселения лежат на страшных высотах: от трех до шести тысяч метров над уровнем моря, «чуть ли не в стратосфере». Они — прирожденные горцы, альпинисты и великолепные проводники по горам с малых лет. И один из них, шерпа Тенцинг Норгэй, недаром оказался в 1953 году первым из двух победителей Чомолунгмы-Эвереста, величайшей вершины мира.

«Ага! — торжествуете вы.—Так вот ведь есть же у него и имя и фамилия! Значит, и шерпы не обходятся без них! Этого человека зовут все же Тенцинг Норгэй, как какому-нибудь англичанина могут звать, допустим, Фильдинг Сидней. Какая же разница? И имя и фамилия налицо...»

Ничего подобного! Героический шерпа так намучился с неверным пониманием этого вопроса европейцами, что затратил в своей книге немало усилий, стремясь внушить им правильный взгляд на вещи.

«...С моим именем, — не без досады пишет он в своей автобиографии,—было невесть сколько путаницы. Когда я родился, меня назвали вовсе не Тенцингом... В разное время мое теперешнее имя Тенцинг люди Запада писали кто как хотел—то через „Z“, то через „C“, то без „G“ на конце. Второе мое имя (Норгэй) тоже менялось. Сначала я был Кхумжунь, по

имени одной шерпской деревнюшки, потом Ботиа, то есть „тибетец“, и лишь наконец стал Норкэй или Норгэй, а также Норгия или Норгай... По-настоящему же постоянное имя моего рода Ганг-Ла; это означает „Снежный перевал“, но мы-то обычно никогда не пользуемся такими родовыми именами в качестве фамилий».

Первый альпинист мира рассказывает затем, что при рождении он получил имя Намгьял Вангди (слово «нам-гьял» значит по-шерпски—«покоритель»). Однако вскоре «один важный лама» вычитал в священных книгах тревожную весть. Имя следовало без промедлений заменить другим, потому что душа, обитавшая в теле мальчишки, оказывается, переселилась в него из тела только что умершего соседа-богача. Как бы чего не вышло!

Подумав, мудрый старец предложил дать юноше два имени: одно, Тенцинг, носил он и сам; значение его было: «ревнитель веры». Второе, Норгэй, означало «богатый, счастливый, удачливый». Как не без юмора пишет талантливый, хотя и безграмотный (он диктовал свою биографию) шерпа, «...родители решили, что „богатый — удачливый — ревнитель веры» — сочетание имен, которое подойдет в любом случае жизни», — и оставили его за сыном.

Совершенно ясно, никакой «фамилией» юный гималаец не обладал, потому что ни одно из его имен не совпадало с именами его родственников. Да его это ничуть и не заботило: зачем была ему фамилия тогда, сорок лет назад? Крошечный народец жил еще в полном отрыве от всего мира. Отец и мать Тенцинга никогда не спускались даже в ближний Дарджилинг. В деревушке Тао-Чу, на дне высокогорной долины Соло-Кхумбу, каждый знал всех и все — каждого. Знали в лицо, по походке, по тысяче примет. Имя — вещь существенная, оно необходимо человеку: имя — талисман, оберегающий от злых демонов; а фамилия... К чему она? (Это хорошо подтверждается интересным сообщением М. Стеблина-Каменского («Новый мир», 1961, № 4, стр. 213) :

«...в силу своей малочисленности исландцы до сих пор обходятся без фамилий и даже в самом официальном обращении называют друг друга по имени, иногда с прибавлением имени отца».)

Правда, было ведь у маленького «Покорителя-Тибетца» еще и третье имя, родовое. Но оно ничем не походило на фамилию. Это было самое простое указание на место, откуда вышли его предки: Ганг-Ла, «Снежный перевал»,—так называется расположенный неподалеку, заброшенный в горную глушь буддийский монастырь.

В результате все обстояло как нельзя лучше. Мать мальчика звали Кинзом, отца — Ганг-Ла-Мингма, самого его — Намгьял Вангди, а сестру—Лама Кипу. Никакого общего, единого, «фамильного» имени у них не было, но ни малейших неудобств от этого никто не испытывал: ведь так все обстояло здесь и всегда.

Но жизнь не стоит на месте; новое пришло и к подножию Эвереста. Двадцатый век явился сюда, на купол мира, в горных ботинках, с ледорубом альпиниста в руках; район Чомолунгмы внезапно стал местом паломничества спортсменов всего земного шара. Все переменялось вокруг, и если старый Ганг-Ла так за всю жизнь и не добрался никуда дальше Ронгбукского монастыря на соседних горных высях, то его сыну к сорока годам пришлось побывать и в Дели, и в Бомбее, и даже в Бэкингемском дворце Лондона. Отец разговаривал все с теми же ламами, в шерстяных плащах и широкополых шляпах, да с жителями соседних деревень. Простые, понятные имена были у них — Анг (Любовь), Ламу (Богиня), Ньима (Солнце), Норбу (Самоцвет). А сыну довелось беседовать с ее величеством королевой Британии, называть своим другом принца Петра Греческого и Датского, пользоваться личным самолетом непальского короля, отвечать на вопросы министров и профессоров всего мира. И почти у каждого из этих людей, кроме сложного чуждого имени, была еще и фамилия. Без нее они чувствовали себя так же неудобно, как без платья. Почему?

«Ом-мани-падмэ-ом! Таинственно великое Колесо Жизни, катящееся по миру прекрасному и страшному, и не простому человеку судить о причине причин», — не так ли говорят буддийские ламы?

«Некоторые из наших старых обычаев уже отмерли, — с легкой грустью и с некоторым недоумением размышляет в своей книге Тенцинг Норгэй, удивительный человек, как бы

чудом перенесшийся из одной эпохи в другую, миновав ряд длинных веков, — другие быстро исчезают. Мы не цепляемся за прошлое, как народы великих культур; мы легко перенимаем и новые мысли и новые формы быта. Правда, кое-что из старого еще остается: младший по-прежнему всегда наследует у нас больше имущества, чем старший (в том числе ему достается и родовое имя); это относится и к девочкам. Новорожденного нарекают все так же на третий день по появлении на свет; его не возбраняется затем и переименовать, если на то окажутся существенные основания. Так ведь было и со мной. Но сколько нового...

...Иностранцы вечно путают наши имена... Думается... их затрудняет простая вещь: у нас нет фамилий, общих для всех членов семьи. Нет у нас и письменности; поэтому каждый записывает наши имена по-своему.

Чего не знаешь, в том не нуждаешься. Имя! В Соло-Кхумбу имя — это просто сочетание звуков, не более. Однако в нынешнем нашем мире дела осложнились».

И знаменитый горец — умный, даже, если хотите, мудрый, но в то же время еще такой чудесно наивный человек — повествует об уморительных, а вместе с тем любопытнейших трудностях, которые на него обрушились.

Его жену зовут, как уже сказано, очень просто — Анг Ламу, то есть «Милая сердцу богиня». Неплохое имя? Выписывая в Даржилингском банке чеки на нее, он, Тен-Цинг, так и пишет:

«Выплатить милой сердцу богине моей». К этому он уже приучил клерков.

Но вот иностранные джентльмены знакомятся с супругой мировой знаменитости, и... Нет, они не в состоянии именовать ее так странно: «Милая сердцу богиня»... «Конечно нет, шокинг!» (Неприлично (англ.)).

И каждый из них делает нелепейшую, с точки зрения шерпы, вещь: начинает звать жену именем мужа. Анг Ламу он называет «миссис Тенцинг»!

Какая чепуха! Это так же дико, как если бы кто-то, узнав вашу жену, которую зовут, допустим, Екатериной, вздумал бы называть ее «гражданка Федор» на том основании, что ваше имя — Федор.

Мало того. Две дочери победителя Эвереста носят прелестные шерпские имена: одну зовут Нима, другую — Пем-Пем. Казалось бы, чего лучше? Но вот девочки поступают в школу, в английскую школу. И приходят оттуда в совершенном недоумении: их, двух совершенно различных девочек, окрестили там одним общим именем! Да еще каким! «Папа, они нас называют — *обеих!* — мисс Норгэй!.. Ха-ха-ха!»

Опять-таки, примерьте это на наши обычаи. Что сказали бы вы, если бы двух детей — ну, скажем, Людочку и Юру, близнецов — педагоги в школе начали величать «товарищами Владимирами» по той единственной причине, что так, Владимиром, зовут их отца? Ни один шерпа понять этого не может: ведь налицо три различных человека! Как же, зачем тогда придавать им одно и то же имя?

Конечно, учителя охотно объясняют этой милой маленькой дикарке Пем-Пем: «Мы вас зовем по фамилии!», Но именно этого — что такое «фамилия» — Пем-Пем и не знает. И, подобно ей, подобно остальным шерпам, не знали, несомненно, что такое фамилия, все народы мира, пока жизнь не дошла в своем развитии до строго определенной черты.

От Ромула до наших дней

...приехали ко мне гости: Захар Кириллович Чухопупенко, Степан Иванович Курочка, Тарас Иванович Смачьенький, заседатель Харлампий Кириллович Хлоста; приехал еще... вот позабыл, право, имя и фамилию... Осип... Осип... Боже мой, его знает весь Миргород! он еще, когда говорит, то всегда щелкнет наперед пальцем и подопрется в боки...

Н. В. Гоголь. Вечера на хутора близ Диканьки

Начало римской истории творили люди, известные нам только по имени. Основатели Рима — это Ромул и Рем. А какова их фамилия? Дед этих прославленных близнецов назывался Прока — и только. Отец был Нумитор; воспитателем младенцев, после того как злые люди их покинули, а добрая волчиха выкормила, стал некий Фаустул. Но напрасно мы с вами стали бы рыться в источниках, в надежде найти где-либо их имена с отчествами и фамилиями: ни того, ни другого древний Рим не знал.

Не везде было так. В соседней Греции фамилии тоже отсутствовали, зато «патронимические образования», напоминающие наши отчества, пользовались, как мы видели в предыдущей главе, широким распространением. Более того, к концу греческой истории из них начало выкристаллизовываться даже и нечто, отдаленно напоминающее наши фамилии.

И впрямь, родоначальником греко-египетских царей, правивших с третьего до первого веков до нашей эры, был некто Лаг (Лагос). Понятно, что первый из этих царей, сын Лага Птолемей I, именовался Птолемеем Лагидом, то есть «Лаговичем». Известно также, что у него было личное прозвище — Сотер (Спаситель); он оказал большую помощь жителям Родоса во время одной из войн.

Потомки Сотера царствовали в Египте более двух веков. По установившейся традиции, все они назывались одинаково: Птолемей (Воитель); это имя они наследовали от пращура. Но прозвище каждый из них получал свое, связанное с его личными свойствами и особенностями: Птолемея II, например, звали Филадельфом, что означает Братолюбивый или Сестролюбивый; Птолемея IV — Филопатром (Отцелюбцем); шестого, наоборот, — Филометром (Матерелюбивым). Третий и седьмой Птолемей заслужили прозвания Евергетов, то есть Благодетелей. Прозвища, какими бы почетными они ни были, оставались в этом роду личными кличками, а ведь «фамилия» тем и отличается от клички, что переходит от поколения к поколению по **наследству**.

И вот, как это ни неожиданно на первый взгляд, наследственным для всех Птолемеев оказалось **отчество** их родоначальника: всех их мы знаем как **Лагидов**, то есть как «Лаговичей».

Странность эта — чисто кажущаяся: в нашей русской истории известны такие же или очень похожие явления. Никому не ведомо, были ли дети у полулегендарного варяга Рюрика, первого великого князя Руси. Однако до самой Октябрьской революции множество родовитых семей горделиво причисляло себя к Рюриковичам. Что это — фамилия?

Ничего подобного: «Рюриковичами» были и Бярятинские, и Горчаковы, и Долгорукие, и Оболенские, и Шуйские, и Мусоргские. Слово же «Рюрикович» (по своей форме — отчество) стало означать куда более общее понятие: «принадлежащий к самым родовитым семьям».

Примерно то же случилось и со словом «Лагид» в древнем мире. Оно, еще не сделавшись в нашем смысле слова «фамилией», перестало иметь что-либо общее с обычным греческим «отчеством»: «сын Лага». Оно стало означать — «потомок».

Прошли века, и нынешние греки, так сказать эллиниды, потомки древних эллинов, приобрели себе фамилии уже другого, западноевропейского, понятного нам покроя. Многие из них тоже выросли из отчеств; но это уже не те отчества, которые знал античный мир. В современной Греции есть чисто греческие патронимические фамилии: они оканчиваются на «-пуло-с», а это «Ñпулос», по свидетельству лингвистов, соответствует нашему «ёнок» (жеребенок, осленок), обозначающему любое маленькое существо, детеныша; есть и вошедшие в употребление под влиянием турок: эти кончаются на «-огло», от турецкого «огул» — «парень, сын». Но в древнейшее время никаких «фамилий» не было, да они были и не нужны. Почему не нужны? Очень понятно: мир для каждого человека был еще так мал и прост, что одно единственное имя в сочетании с именем отца уже достаточно давало понять, о ком именно идет речь. Каждый изобретал своему дитяти любое имя; имен было много разных, совпадали они сравнительно редко, и, сказав; «Перикл, сын Ксантиппа» или «Софокл, сын Софилла» — вы не рисковали услышать вопрос: «А который это из Софоклов

Софиллидов?» Если же такой вопрос и возникал, — как легко было его разрешить. «Тот, который сочиняет славные трагедии». «Та, которую именуют прекраснейшей в Афинах»... Словом, тот, который, «когда говорит, всегда наперед щелкнет пальцем и подопрется в боки». «А! Ну как же, знаем, знаем!»

(В главе X «Мертвых душ» Гоголь упоминает какого-то Семена Ивановича, никогда не называвшегося по фамилии. Зато он сообщает сейчас же о нем, что тот носил «на указательном пальце перстень, который давал рассматривать дамам». Эта интересная примета должна была, в представлении жителей «губернского города Эн Эн», заменить такой важный признак, как фамилия человека, и, видимо, заменяла удовлетворительно: никто не путал этого Семена Ивановича с другими.)

В Древнем Риме обогащение личных имен пошло по пути, резко отличному от греческого. Каждый, кто учил в школе римскую историю, помнит: все знаменитые римляне носили не менее как по три имени каждый. Кай Юлий Цезарь; Марк Туллий Цицерон; даже злополучный Лепид, которого старые учебники именовали не иначе, как «незначительным Лепидом», и тот именовался не хуже других: «Маркус Эмилиус Лепидус». (Слово «lepidus» означало по-латыни «хороший, приятный»). Как это прикажете понимать? Что перед нами — имя, отчество и фамилия или нечто совсем иное? А вот слушайте!

Родословная семьи посохов

Около 235 года до нашей эры, как раз в те дни, когда в Египте царствовал Птолемей III Еввергет, в Риме, в одной очень знатной семье, родился мальчик. Как повелевал обычай, на девятый день после появления на свет родители нарекли ему имя — Публий, очень распространенное римское имя, не вполне ясное значение которого как-то было связано со словами «публикус» (народный), «публикола» (друг, защитник народа), «публицитас» (всенародная слава) и др. Всё хорошо. Спрашивается, — каковы же были отчество и фамилия этого малыша? Ни того ни другого у него не было: в Риме той поры не знали ни отчеств, ни фамилий. Правда, отец маленького Публия тоже именовался Публием. В их семье были в ходу только три имени: Публий, Гней и Люций; за несколько столетий ее существования как-то случайно затесался среди них один-единственный Марк. Тем не менее никому из соотечественников никогда не пришло бы в голову именовать новорожденного Публием Публиевичем. Даже когда он подрастет: это было не принято.

Что же, значит, так он и остался при одном-единственном имени, наподобие Ромула, жившего за несколько столетий до него? Не совсем так.

Еще до того, как стать Публием, мальчуган, имел уже другое имя: он был Корнелием. Почему? Потому что Корнелием был и его отец: они оба принадлежали к славному римскому **роду Корнелиев**; каждый, удостоенный по рождению этого счастья, получал имя Корнелия в самый момент рождения. Может быть, оно-то и соответствовало нашей фамилии? Опять-таки не совсем так.

Когда-то Корнелии были одним крепким небольшим родом — Корнелиями, и только. Но по мере того, как этот род разросся, он распался на несколько отдельных ветвей. Появились Корнелии Руфины, потомки «Руфуса» (рыжего, красноволосого); были Корнелии Суллы, Корнелии Долабеллы — их родоначальник имел прозвище «Долабелла» (маленький скребок—инструмент, которым столяры снимают стружку). К одной из таких ветвей принадлежала и семья новорожденного; в честь того из предков, который в молодости был верным поводырем слепого отца, служил ему как бы костылем, посохом (по-латыни посох — «сципио», — сравните с нашим словом «скипетр»), их называли Корнелиями Сципионами, то есть «Посошковыми».

Таким образом, еще не имея своего личного имени, мальчик уже имел их целых два: он был Корнелий Сципион, а на девятый день жизни стал Публием Корнелием Сципионом. Казалось бы, довольно, чтобы отличить его от любого другого римлянина. Но как бы не так; не забудем, что и отец его тоже был Публием, тоже принадлежал к роду Корнелиев, тоже

родился в семье Сципионов; значит, и он именовался Публий Корнелий Сципион. С различием получалось не вполне удобно.

Тому юнцу, о котором мы говорим, повезло: он стал прославленным полководцем, великим гражданином Рима. Примерно в 202 году он разбил армии Карфагена в битве при Заме в Северной Африке и заключил победоносный мир. Дома его ожидал пышный триумф и почетное звание «Африканский» («Африканус»). Таким образом, родившийся тридцать три года назад безымянный мальчик влачил теперь за собой по жизни целую связку имен: Публий Корнелий Сципион Африканский. Теперь его уже легко отличали от Публия Корнелия Сципиона-отца, погибшего на несколько лет раньше в Испании. И всё-таки судьба даровала Сципиону-сыну еще один довесок к этой тяжелой цепи имен.

Через пятнадцать лет после битвы при Заме родился у некоего Люция Эмилия Павла сын, который, в силу каких-то соображений, был усыновлен членами семьи Корнелиев под славным именем Публия Корнелия Сципиона. Больше того, приняв участие во вновь вспыхнувшей войне с Карфагеном, он тоже заслужил звание «Африканский». И теперь пришлось, для различия, придать одному из двух Сципионов Африканских дополнительное прозвище Старшего, а другому — Младшего, да еще Эмилиана — сына Эмилия. Вот почему победитель при Заме и известен нам сейчас как Публий Корнелий Сципион Африкан Старший.

Пример этот очень ярок, но он — исключение: немногие римляне удостоивались такого сложного именованья. Обычным правилом было три имени у человека. Первое из них — в данном случае Публий — соответствовало нашему «имени», но называлось оно у римлян «предыменем», «прэномен». Второе, родовое имя — Корнелий — носило название собственного «имени», — «номен». Третье имя, или «когномен», — Сципио — было «дополнительным», «со-именем» и представляло собой не родовое, а «семейное» прозвище. За ним могли, как мы и видели, следовать еще «личные» прозвища — «agnomina», например Африкан, причем уже в неограниченном числе. Надо сказать, что установить точные границы между «когноменами» и «агноменами» не всегда бывает легко: ведь и малые ветви старых родов начинают расти, расширяться и в свою очередь разветвляются дальше и дальше. Семья Сципионов не избежала этой участи: из их среды выделилась самостоятельная ветвь Сципионов-Носатых (Назики). Былое «когномен» (Сципионы) превратилось теперь уже как бы во второе «номен», а место «когномена» заняло новое наименование. И скоро к нему пришлось добавлять, уже «на третьем этаже», все новые и новые прозвища. Из истории мы знаем Публия Корнелия Сципиона Назику Коркулюса и его сына Публия Корнелия Сципиона Назику Серапиона.

Если после всего, что тут было сказано, вы сумеете установить, какая из разновидностей римских имен больше всего заслуживает уподобления нашей «фамилии», — вы покажете себя очень тонким филологом. Я этого сделать не берусь.

Пожалуй, это всё наиболее любопытное, что стоило сказать о римском именовании. Два только замечания под конец.

Во-первых, занятно, что наше слово «фамилия» взято именно из языка тех самых римлян, которые никаких «фамилий» не знали: по-латыни «familia» — просто-напросто «семья». А во-вторых, интересно вот что: всё, что я только что рассказал, относится исключительно к мужским римским именам; у женщин-римлянок, даже самых почтенных и знатных, никаких «прэномен» — личных имен — не было совершенно. Они на них не имели права, потому что женщина в Риме не была полноправной **личностью**; она заслуживала внимания главным образом как часть **семьи**, — ее дочь или ее мать.

Каждая родившаяся девочка с первого часа своей жизни наследовала «когномен» своих родителей, их родовое имя. Если они принадлежали к роду Юлиев, она становилась Юлией; если Корнелиев — Корнелией. Но и только! Даже славнейшая в глазах древних римлянок, дочь Сципиона Старшего, жена Семпрония Гракха, мать великих демократов Гая и Тиберия Гракхов, не избежала этой участи. Она была знаменита и своей образованностью и величием

души. К ней сватался один из Птолемеев, царь Египта, — она отвергла это царственное сватовство. И всё же всю жизнь она оставалась только Корнелией. Поэтому многозначительным кажется ответ, данный ею кому-то из современников, когда он назвал ее «дочерью Сципиона».

«Не зовите меня ни чьей дочерью, — сказала гордая матрона, — я хочу, чтобы меня звали *матерью* Гракхов». Однако в Риме и это было невозможно.

Всюду одно

Итак, всюду одно и то же, — может быть, только с небольшими изменениями. Везде люди ощупью, пробуя и ошибаясь, ищут самых удобных способов именовать друг друга. Сначала они находят самую простую вещь — имя. Оно неплохо отвечает на вопрос: «Кто?» Оно плотно пристаёт к человеку и позволяет, особенно в примитивные эпохи жизни, когда люди живут еще в малых коллективах, недурно отличать одного от другого.

Но вот их становится всё больше и больше, этих людей; отношения между ними осложняются. Теперь уже мало ответить на вопрос: «Кто это?»; встает и другой вопрос: «Чей он, этот „некто“?» На него позволяет дать ответ отчество; в течение известного времени, сочетаясь с именем, оно верно несет свою службу. Однако рано или поздно и оно начинает не удовлетворять. Ведь про человека полезно знать не только, кто он и из какой семьи; иногда следует определить еще и «какой» он. На заре истории люди мало чем отличались друг от друга, кроме своих личных признаков: один мог быть хромым, другой — рыжеволосым, третий славился огромным ростом или большой силой; но внутри рода, внутри племени все были рыбаками или охотниками, все занимались примерно одним и тем же. А теперь человеческое общество стало куда более пестрым и сложным. Теперь рядом поселяются и живут люди, совершенно непохожие друг на друга по своим занятиям, **по профессии**; я умелый кузнец, ты опытный мельник, а он искусный сапожник. И то, что он сапожник, поважнее того, что он — горбун или человек, рано облысевший. Этот признак, профессиональный, деловой, становится, пожалуй, самым бросающимся в глаза отличием. И теперь, кроме имени, которое, собственно, ничего не говорит нам о человеке, потому что оно дано ему тогда, когда он еще и не был настоящим человеком (что существенного можно сказать про шерпу, когда ему только три дня от роду, или про девятидневного римлянина?), кроме отчества, указывающего лишь на имя отца, теперь возникает надобность связать с человеком какой-то более постоянный и значительный признак. И человека очень часто начинают называть либо по месту рождения, если он человек пришлый, либо же по тому делу, которым он постоянно занят.

«Кто он?» — «Это миннезингер Ганс Сакс!» (то есть саксонец).

«С кем ты говорил вчера?» — «Я беседовал с Иваном Кузнецовым, сыном Егора-кузнеца».

«Чей это мальчишка?» — «Это? Это Жанно дю Мёнье, Мельников: он сын нашего мельника, потому что на нашем языке „мельник" и есть „мёнье"».

Таким образом и получается, что рядом с «патронимическими именами» в основание образующихся фамилий, кроме отчеств, ложатся слова, обозначающие разное. То это профессии — Шапошников, Шевченко, Ковальчук, Шмидт, дель Сарто (сын портного), Дюклерк (сын клерка, писмоводителя), Китченер (монастырский повар), — то место рождения или национальная принадлежность — Татаринова, Сибиряк у русских, Фрэнч (француз), Скотт (шотландец) — у англичан, Лальман (немец), Ль-онгруа (венгр) — у французов, — иной раз еще какой-нибудь характерный признак человека.

Но тут происходит довольно любопытное явление. Живет где-то некто, имеющий, скажем, мельницу. Вполне понятно, если на Руси его начинают звать Мельником, а его детей Мельниковыми, в Германии — Мюлером (и детей Мюлерами), в Англии — Миллером, во Франции — Мёнье (а потомство — Дюмёнье), — каждому ясно, откуда взялась такая фамилия.

Однако ведь основным свойством фамилии является то, что она передается по

наследству. Праправнуки того мельника стали: один агрономом, другой генералом артиллерии, третий сапожником; но все они продолжают быть Мельниковыми. И поди теперь установи, почему и как возникла эта фамилия, если никто уже не помнит профессии их далекого пращура.

Это еще не так страшно, если речь идет о фамилии, которой доныне соответствует существующая в обществе специальность; легко допустить, что кто-то в моем роду — может быть, очень давно — был кучером, если я сам, композитор, ношу фамилию Кучеров. А вот что вы скажете, допустим, о фамилии Хамовников, если уже добрых два, а то и три столетия, как слово «хамовник», означавшее когда-то «ткач», исчезло из нашего языка, и никто из нас не знает, что фамилия эта просто значит Ткачев. Ведь не рискнете же вы, не зная этого, предположить, что один из предков вашего знакомого был каким-то «хамовником», собирателем хамов, что ли?

То же можно сказать про фамилии Рындины, Сбитенщиков, Бурмистров. Кто помнит теперь, что были некогда такие должности или специальности, как «сбитенщик» (Сбитенщик — продавец сбитня — особого напитка из медовой воды с пряностями. Рында — телохранитель.), «рында» или «бурмистр» (нечто вроде управляющего в имениях при крепостном праве)?

Вы слышите фамилию Свинын и недоумеваете, как это нашелся дворянин, да еще из достаточно знатного рода, который согласился увековечить так своеобразно память о каком-то своем предке — свинье. А документы позволяют предположить, что речь здесь шла вовсе не о домашнем животном: Свиныны получили родовое имя в честь того из них, кто первый построил подчиненных ему воинов «свиньею», боевым клином (Впрочем, кто знает? Может быть, это фантазия позднейших геральдистов, а одного из предков этого рода так-таки и прозвали «Свинья»?). Или вот еще: вы встречаете человека, которого зовут Жильцов. Как могла возникнуть такая фамилия? Что значит «жильцов»? Принадлежащий «жильцу»? Да, но кто такой «жилец»? Всякий где-либо живущий... Так каким же образом пришло в голову окружающим назвать человека словом, которое в равной степени могло бы подойти к любому из них?

Нужно хорошо знать старинный русский язык, нужно знать быт Московской Руси XIV — XVI веков, чтобы вспомнить: **жильцами** в те дни назывались люди особого служебного положения и звания. Московские служилые люди разделялись на **стольников**, **стряпчих**, **дворян московских** и **жильцов**. Таких жильцов на всей Руси числилось не более двух тысяч. Слово «жилец» обозначало определенный разряд служилых людей. Чему же удивляться, если ближайшие потомки такого «жильца» охотно именовали себя Жильцовыми?

Как видите, ясно одно: чтобы разбираться в наших современных фамилиях, надо подходить к ним со вниманием и с запасом довольно разносторонних знаний. И если эти условия соблюдены, они, наши фамилии, могут поведать нам немало поучительного из области давно уже исчезнувших отношений между людьми, из богатого и всегда глубоко интересного для нас исторического прошлого человечества». (Очень многие, пожалуй, большинство наших фамилий возникли в глубокой древности, во всяком случае — до XVIII века. Подумайте о том, какие слова и понятия лежат в их основе? **РЫНДИНЫ** или **ЖИЛЬЦОВЫ** есть, а вот **КАМЕРГЕРОВЫХ** или **ТИГУЛЯРНОВЫХ** вы не встретите. И сейчас в Ленинграде живет несколько **СБИТНЕВЫХ**, а ведь **ЧАЕВЫХ** или **ЛИМОНАДОВЫХ** что-то не попадается. **БОРЩЕВЫХ** — сколько угодно, **БУЛЬОНОВЫХ** или **СУПОВЫХ** — нет. **КАШИНЫХ** — уйма, **КОТЛЕТНЫХ** или **БИФСТЕКСОВЫХ** не встречается. Происхождение подавляющего большинства фамилий наших — чисто народное и достаточно давнее. Слова нового времени среди материалов для их образования, в общем-то, отсутствуют. Они старина-матушка...).

Откуда такие?

*...Я не Живаго, я не Живаго,
Я не Мертваго, я не Мертваго,
Я не Мертваго, я не Дурнаго,
Я не Петраго, я не Петраго,
Я не Петраго, не Соловаго,
Я — Ванька Каин, я — Ванька Каин!*

А. К. Толстой. Юмористическая пьеска в письмах к неизвестному.

У А. К. Толстого есть безымянная пьеса. Там, в интермедии, встречаются презабавные ремарки—авторские пояснения к действию.

«Невский проспект. Вечер. Конфетные магазины ярко освещены... Прохожие разных классов, как-то: чиновники, офицеры, писаря, купцы и французы... Живаго, Мертваго, Дурнаго и Петраго-Соловаго идут, взявшись за руки, и занимают всю ширину тротуара...»

Действие разворачивается, а удивительная четверка так и выступает единым фронтом, как единое целое. Но происходит недоразумение. Живаго оказывается не самим собой, а Ванькой Каином, разбойником. Возникает паника:

**«Мертваго, Дурнаго
и Петраго-Соловаго**

Кто ж из нас Живаго? кто ж из нас Живаго?

(к Мертваго)

Ты — Живаго?

Мертваго

Нет, Мертваго! Кто ж Живаго?

Дурнаго.

Я — Дурнаго.

Петраго-Соловаго

Я Петраго-Соловаго.

Где же Живаго, где ж Живаго?...

(Происходит смешение языков)»,

И верно: понять ничего нельзя, и прежде всего: откуда выкопал автор такие фамилии? А оказывается, очень просто откуда, — из жизни.

Передо мной толстый справочник: «Весь Петроград» за 1916 год. Вот они, тут как тут, толстовские герои:

Живаго, Николай Андреевич, титулярный советник.

Мертваго, Борис Константинович, инженер.

Дурнаго — целых двадцать человек, во главе с Петром Павловичем, генерал-адъютантом.

Петраго-Соловаго — две сестры, Мария и София Михайловны фрейлины императорского двора.

Правда, я чуть-чуть погрешил против истины: Живаго и Мертваго так и значатся там, а вот у двух других несколько иное правописание. Дурново и Петрово-Соловово. Впрочем, беда не велика: ведь писали же в старое время в официальных бумагах: «награжден орденом Святого Георгия...», произнося: «святова».

Хорошо, но откуда в самой жизни взялись эти причудливые прозвища? Легче примириться с мыслью, что их придумала фантазия писателя. Как связались они со своими

неожиданными окончаниями?

А вы очень хорошо разбираетесь в окончаниях русских фамилий? Давайте попробуем распределить их по группам; много их наберется разных или не так уж много? И все ли они нам одинаково известны?

Больше всего — никто не будет спорить! — у нас фамилий на «-ов» и «-ин», особенно первых. Они так обыкновенны, что когда какой-нибудь иностранец желает нарисовать литературный портрет русского, он обязательно придает ему фамилию, оканчивающуюся на «-ов» (или «-ев»).

Князь Кравал-ов
Капитан Лев-ов
Полковник Раген-ов
Илька Никол-ева

В хорошо известных произведениях Жюль Верна вы найдете немало таких, более или менее похожих на русские (чаще — на славянские вообще), фамилий.

Граф Тимаш-ев в «Гекторе Сервадаке», Михаил Строг-ов в одноименном романе, полковник Борис Карк-ов в «Вверх дном», адвокат Владимир Ян-ов в «Драме в Лифляндии» — можно насчитать, пожалуй, не один десяток; неудивительно, что некоторые французы полагают, будто все наши фамилии обязательно оканчиваются на «-ов». (Почему-то особенно повезло выдуманым фамилиям на букву З. Героиней одного из романов Стендаля является АРМАНС ЗОИЛОВА, дочка русского подполковника, человека весьма знатного. У Анатоля Франса в очерке «Лесли Вуд» герой его дружит с русской княгиней ЗЕВОРИНОЙ... Чего же удивляться, если в одном из американских детективных романов конца 50-х годов фигурирует русский министр, он же резидент советской разведки в США, именуемый господином ЗАСПУРОВЫМ. Удивляешься, неужели писателям Запада трудно взять из любого справочника подлинную русскую фамилию, которая звучала бы «как настоящая»? Так не берут!..).

Да что иностранцы? По свидетельству знатоков, в языке коми-зырян, одного из народов СССР, наше окончание «-ов» превратилось в самостоятельное слово, — в существительное, обозначающее: «фамилия». По коми-зырянски «фамилия» так и будет: «ОВ».

И понятно, — таких фамилий, на «-ов», и на самом деле у нас много больше, чем других.

Однако из этого никак не следует, что фамилии подобного строения, хотя бы и иного звучания, существуют только у нас. Занимаясь отчествами, мы уже видели: «-овы» распространены по всему земному шару. Ведь английское Джонс (Иванов), немецкое Юнкерс (Дворянинов), французское Дюруа (Королев), итальянское Дельфорнайо (Пекарев) — все это разные «-овы» западного мира. Знакомы нам «-овы» и «-евы» и восточного происхождения: «Сараджоглу» (Сарад-жев, то есть Шорников) — у тюрков Кавказа, Симо-нишвили (Семенов) — у грузин, Карапетян (Карпов) — у армян, Граматикопуло (Грамотеев) — у греков.

Да и многочисленные более далекие народы не чуждаются таких фамилий-отчеств, в которые, в том или ином, скрытом или открытом, виде входит понятие «сын такого-то». Конечно, тут много различных ступеней; одно дело — Жюльвернов Мак-Наббс (сын Наббса), другое — маленький Нильс Хольгерсон из замечательной сказки Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» или уже знакомый нам старик Гассан-ибн-Хоттаб.

Ведь отец бравого шотландского майора тоже звался Мак-Наббсом; так же величали его деда и прадеда. А вот крестьянина из Скотии, сыном которого был Нильс Хольгерсон, именовали вовсе не Хольгерсоном, как раз наоборот — Хольгер Нильсон. А деда, — может быть, Нильс Свенсон, а может быть, снова Нильс Хольгерсон, в зависимости от имени его отца. Точно так же и с Хоттабычем: родись у старого джинна сынишка, его бы стали кликать

уже не «Ибн-Хоттабом», а «Ибн-Хасаном». В первом случае перед нами самая настоящая фамилия: возникнув из отчества, она давно перестала быть им, передаваясь, вне зависимости от имен, из поколения в поколение. Во втором случае мы видим нечто среднее — отчество уже не отчество, фамилию — еще не фамилию.

Впрочем, этим нас, русских, как раз не удивишь: «-овы» приобрели свое «фамильное» значение также сравнительно недавно, почти на наших глазах. Лет сорок пять — пятьдесят назад большая часть народа понятия не имела о каких-то там фамилиях. Если человека звали Иваном Николаевым, это значило только, что его батьке имя было Николай. Но наверняка — не Николай Николаев, а Николай Иванов или Николай Архипов. Рождался у Ивана Николаева сын, и он становился отнюдь не Николаевым, а Ивановым: отец-то Иван... У мужика — какая уж там фамилия!

Только «выходя в люди», богатея, он получал в глазах властей право «писаться с „вичем“, с отчеством; вместе с этим приходила и фамилия. И приходила по-разному.

Бывало, имя отца сразу создавало и то и другое; появлялся Иван Николаевич Николаев. Иногда отец давал отчество, а фамилию дед: сын Николая Архипова становился Иваном Николаевичем Архиповым. А иногда в фамилию превращалось прозвище, кличка, порою добровольно принятая, а то и просто «припечатанная» односельчанами. Обладал дед Архип обыкновенным русским, совсем не классическим носом, и звали его Архип Курнос. Сын у соседей ходил в Курносенках или Курносовых, а внук это же прозвище получал уже в паспорт! Иван Васильевич Курносов.

Тут могло получиться множество вариантов: если главной приметой были не черты лица, не какое-нибудь убожество или издали видимый признак, а, скажем, особенное занятие, невиданная профессия, сходство с человеком другой нации, — они тоже могли дать материал для прозвища и фамилии.

Будь Иван Николаев сыном пряничника, выпекавшего грубые коврижки из гороховой муки, он становился Прянишниковым; при отце — сельском художнике, вроде гоголевского Вакулы, — мог стать Богомазовым. Неправильная речь, косноязычие родителя могли наделить его прозвищем «заика» и «гугня», и сын выходил в Заикины и Гугнины; черные волосы и смуглый цвет лица родителя обеспечивали потомкам фамилию Чернышевых, Черновых, Жуковых, а иногда даже и Цыгановых или Евреиновых. Ведь в народе понятие «брюнетка» часто передавалось как «цыганка», «еврейка»:

Разлюбил ты, мой шурунок,
 Меня, канареечку;
 Полюбил, серые глазки,
 Черную явреечку!
 (Пск. обл.)

Так или иначе, тут дело обстоит просто: на что они ни оканчивайся, — на «-ов», «-ев» или на «-ин», — все эти фамилии говорят о родстве; это именно «родительские» фамилии. Чаще они исходят от имени, занятия, национальности отца, реже — матери (такие, как «Бабины», «Феклушины», «Татаркины», «Ведьмины»). С ними не надо путать другие фамилии на «-ин», вроде «Воеводины», «Старостины», «Растяпины»; эти происходят от слов, хотя и имеющих форму существительных женского рода, но тем не менее означающих мужчин. К тому же мы уже видели, что многие существительные женского рода в свое время превосходно становились мирскими именами мужчин: Дорога, Шуба, Суббота. Вот почему и происшедшие от них фамилии означают «сын такого-то», а не «сын такой-то».

Это всё очень просто, так просто, что об этом почти что не стоило и говорить. Но исчерпывается ли перечень наших «родительских» фамилий одним-двумя типами? В том-то и дело, что далеко нет; только все другие типы куда менее привычны нам и встречаются несравненно реже.

Проще всего, пожалуй, фамилии западно— и южнославянского типа на «-ич», «-вич»,

вроде «Львович», «Митрич», «Калуджерович» (От слова «калугер» — кудесник, отшельник, волшебник (*сербск.*)), «Михайлович» и тому подобных. Это те же самые отчества, переставшие выполнять свое основное дело и без всякой маскировки, без каких бы то ни было изменений, превратившиеся в фамилии. Мы уже столкнулись с ними только что, когда в связи с Лагидами упомянули о Рюриковичах.

Людей с фамилиями на «-ич» можно теперь встретить во всех концах нашей страны; но интересно всё же: если вы станете интересоваться их прошлым, устанавливать жизненный путь семьи, — больше шансов, что он приведет вас куда-нибудь поближе к Белоруссии, к границам Литвы и Польши: «-ичи» распространены преимущественно в западной части СССР; почти исключена возможность встретить природного, кондового уральца или сибиряка, который именовался бы по фамилии Савич или Маркович. Зато там вы найдете сколько угодно людей, которые носят совершенно невозможные на западе страны фамилии: «Савиных», «Петровых» или «Марковых». «Как тебя звать?» — «Дмитрий». — «А по фамилии?» — «Савиных». «Александр Александрович Родных», — звали известного историка воздушного флота; безусловно, он был сибиряком по происхождению. Известны чисто сибирские фамилии Лихих, Белых, Черных, Грязных, Щербатых, Новых.

Я раскрываю ленинградскую телефонную книжку и нахожу там под литерой «Ч» четыре фамилии, идущие почти подряд: Черненко Р. И., Чернов А. С., Чернулич Н. У. и Черных В. Н. Можно сказать, что все они имеют одно и то же значение: «сын (или дочь) черного, черноволосого, смуглого человека». Но, несомненно, гражданин Черненко происходит с Украины, Чернов, судя по фамилии, — настоящий русак, Чернулич — выходец из Белоруссии (или из Югославии, с Балкан), а Черных должен считать родиной своих предков северо-восток Европейской части Советского Союза или, еще вероятнее, Зауралье, Сибирь.

Смотрите, как любопытно: оказывается, такая, казалось бы, случайная, такая не связанная с личностью своего носителя вещь, как фамилия, может определять в какой-то степени его принадлежность к обитателям той или другой части нашей огромной страны! А ведь ни для кого не секрет, что от этой принадлежности легко может зависеть кое-что и в характере человека, и в его внешности. Сибиряка Василия Черных легче представить себе высоким, несколько хмурым блондином, с могучими мускулами, со слегка скуластым лицом; полтавец Роман Черненко рисуется «гарным хлопцем» в вышитой рубашке, с черными южными глазами; Андрей Чернов — настоящий туляк или рязанец, всем известный русский человек... Не кажется ли вам, что писатели правы, когда долго размышляют над именами и фамилиями героев; поселите вашего Черных среди вишневых садов Миргородского района, расскажите про потомственного помора или уральского штейгера Чернулича, — и вам не поверят: нет и не может быть таких!

Да, но откуда могли взяться областные варианты таких близких между собою имен? В частности, почему именно в самой России русские люди называли себя по именам отцов просто и прямо — Петров, Белов, а переселясь на восток, переходили на совсем другую манеру — Петровых, Беловых...

Я не хочу выдавать свои домыслы за бесспорную истину, но мне кажется, что это зависело от очень глубоких и существенных — и хозяйственных и бытовых — условий. На самой Руси люди к тому времени, когда стали тут складываться патронимические фамилии, жили уже очень тесно, густо — двор ко двору, прижавшись друг к другу, но жили сравнительно небольшими семьями. В такой семье бесспорным главой был отец, реже — дед. По имени отцов знали и называли их детей.

В Сибири же — широкой, просторной, таежной — те же русские люди расселились вольно и свободно. В трудном подсечном хозяйстве, среди дремучих лесов, далеко одна от другой разрастались огромные семьи. Родством приходилось считаться только до детей — до внуков и правнуков. Часто целые деревни получали название по одному родоначальнику; скажем, стояла деревня Кривошеево, и все ее жители принадлежали к одному крепкому

роду: Кривошеевых. И если туляк или калужанин на вопрос «ты чей?», естественно, отвечал «Власов» или «Афонин», то где-нибудь на Северном Урале или за полноводной Обью на такой же вопрос следовал не менее естественный ответ: «Петровых» или «Савиных».

Тут живее ощущались семейные связи, семья дольше казалась нерушимым целым. Так и выросли там, на востоке, своеобразные фамилии на «-ых, -их».

Прекрасно, а как же с нашими «Живаго» и «Мертвого»?

Заглянем в старые справочники; вот что там говорится о происхождении фамильного имени Дурново.

Жил во время оно в Москве боярин по прозванию Толстой. Толстых было много, но этого в глаза звали Василием Юрьевичем, а за глаза Дурным. Кто теперь скажет, что было тому причиной: может быть, он и впрямь был не крепок умом или чрезмерно причудлив нравом... А возможно, и просто родители с первых дней наградили его таким безжалостным «мирским именем» (мы-то знаем, как это бывало).

У Федора Васильева, сына Дурного, был, в свою очередь, сын Викула. Когда сторонние люди, видя Викулу, спрашивали у соседей: «Чей есть сей честной выюнош?»—соседи отвечали не просто: «Федоров», а «Федора Дурного, батюшка...»

Прозванье звучало «не больно по-честному», однако оно не помешало Викуле спокойно прожить жизнь и оставить в мире шесть сынов, от которых пошел затем на Москве многовековой род бояр Дурнаго — Дурново. А рядом с ним, такими же или другими, похожими, путями завелись там «и Живаго, и Мертваго, и Петраго-Соловаго».

В самом деле, если жили в каком-нибудь тысяча пятисотом году, при Иване Третьем, бок о бок смерд Олексашка Сухой и боярин Александр Сухой да было у каждого из них по сыну Ивану, то спустя несколько десятков лет мужицкий сын так и оставался Иваном Алексашкиным или Сашкиным, а боярский — превращался в Ивана Александровича Суховт. Это не моя выдумка: и на самом деле был в 1500 году некий Иван Суховт, вторым именем—Кобыла; именно его потомок, Александр Васильевич Суховт-Кобылин написал, спустя триста пятьдесят лет, знаменитые пьесы «Свадьба Кречинского» и «Дело», которые и сегодня идут в наших театрах.

Очень любопытна эта разница: мужики бывали Хитровы или Дурневы, Бологаевы или Мертвяковы, а вот, скажем, Лизавета Михайловна Кутузова, дочка светлейшего князя Смоленского, вышла замуж не за какого-нибудь Хитрова, а за Хитрово, помещика, дворянина и вельможу. Велико было число простолюдинов Петровых, разбросанных по всему пространству России, но дворян Петрово-Соловово было считанное количество; еще не так давно в Москве на Большой Грузинской над воротами дома у Георгиевского переулкa можно было прочесть полустертую надпись: «Дом Петрово-Соловово». И в роду Дурново, из которого едва ли не в каждом поколении выходили в мир сенаторы и крисккомиссары, министры и генерал-адъютанты, уж, конечно, ни единого «мужичка», бондаря, сбитенщика или скотницы не было.

И если А. П. Чехов в повести «Моя жизнь» назвал одну из действующих там девушек Анютой Благово, то он имел все основания для этого: Анюта ведь была дочерью товарища председателя суда и, несомненно, дворянкой по рождению. А вот другая чеховская Анна, героиня рассказа «Бабье царство», хотя и стала ко времени своего девичества богачкой, владелицей огромной фабрики, но родилась-то она в бедной рабочей семье; долго, почти всё детство, звалась просто Анюткой, и Чехову никак не вздумалось наградить ее какой-нибудь фамилией на «-во» или «-аго»; нет, она осталась Анной Глаголевой.

По-видимому, и впрямь человеческая фамилия в руках искусного писателя может характеризовать своего владельца не только по месту его рождения: сибиряк он или украинец; нет, в ней заложено и другое указание — богат он или беден, дворянин или мещанин по происхождению, или вышел в большие люди из поповичей...

Словом, «...как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё свое воронье горло и скажет ясно, откуда

вылетела птица». (Гоголь. Мертвые души, гл. V.)

Однако не следует думать, что только о фамилиях, оканчивающихся на редкостное «-ово», можно сказать всё это. Другие не отстают от них.

Фон-Бароны

*Ишь, как храбрится немецкий фон,
Как горячится наш герр-барон*
Д. Давыдов

У Мопассана в романе «Милый друг» есть такая поучительная сцена.

Два газетных работника, мужчина и женщина, люди отнюдь не знатные, решили пожениться. Его зовут Дю-руа, то есть «Королёв», ее — Форестье, что соответствует нашему «Лесникова». Невеста давно мечтала стать аристократкой. «Я хотела бы,—признаётся она, — носить дворянскую фамилию. Не можете ли вы, раз уж мы женимся, сделаться... ну, сделаться дворянином?»

Простодушный жених, выходец из крестьянской семьи, несколько удивлен. Но, оказываясь, всё обстоит проще, чем он думает. Он должен только разбить свою настоящую фамилию надвое, писать ее не «Дюруа», а «дю Руа». Жалкая деревушка, откуда он родом, зовется довольно некрасиво: Кантлэ. Но если это имя чуть-чуть изменить, превратив его в «Кантель», да прибавить к новой фамилии, получится «дю Руа де Кантель». Это уже лучше!

« — Смотрите, смотрите, готово! — неожиданно воскликнула Мадлен и протянула ему лист бумаги, на котором стояло: „Госпожа дю Руа де Кантель“.

« — Да, это очень удачно,—подумав несколько секунд, заметил он с важностью...»

Что это, автор рисует каких-то расслабленных идиотов? Ничего подобного: не только в те времена так относились к подобным вещам; сегодня точно такая же сцена может повториться на Западе. В чем же тут дело?

Какая разница между «Дюруа» и «дю Руа»? А вот какая.

Дюруа, — если переводить всё это на наш язык и наши понятия, — означает, как я уже сказал, просто «Королёв». А «дю Руа», пожалуй, будет правильнее перевести как «Королевский»; замечаете разницу в оттенке? «Королёвым» может быть каждый фермер, каждый мужлан; «Королевский» — фамилия с более изысканным оттенком, хотя значит она то же самое. А сочетание «дю Руа де Кантель» можно передать уже вот как: «Господин Королевский, владелец поместья Кантель». Так сказать,—земля и небо!

Для французского языка частица «де» является признаком дворянства, хотя для грамматиков она нечто иное, как предлог, имеющий множество разных значений, и среди них такие: «из», «от».

Дворяне и рыцари Западной Европы довольно рано сообразили, что особенно чваниться именами предков нет большого смысла: что из того, что моего отца звали, скажем, Альфред, деда — Людовик, а прадеда — Карл? Гораздо существеннее, если все эти мои родичи владели землями, замками, были «сеньорами», помещиками. Куда умнее включить в фамилию наименования этих постоянных ценностей, а не личные имена предков, уже давно забытых. Тогда, пожалуй, серьезно прозвучит даже самая чванная речь, вроде девиза одного из таких очень знатных родов Франции: «Je ne suis pas roi, prince aussi, je suis sir de Coussy», то есть: «Я не король и не принц, зато я владетель поместья Куси».

Так и начали себя именовать сперва крупнейшие феодалы, повелевавшие целыми областями, богатыми и могучими княжествами и графствами, а за ними — «петушком, петушком» — и мелкопоместные дворянчики, с тощим кошельком, но с непомерным честолюбием.

Чтобы короче всего выразить, что такому-то крупному вассалу принадлежат замки, угодья и населенные земли, употреблялась частица «де».

В 1128 году, например, некий бретонский помещичий род получил в свое владение целую область с городком Роган в центре. Вместе с этой вотчиной глава рода принял титул «виконта де Роган», то есть «владельца из Рогана», «владельца Роганского». Это было понятно и естественно,—род Роганов не менее знатен и могуч, нежели род де Куси; его девизом была другая дерзкая фраза: «Королем быть не могу, герцогом — не соблаговолю; я — Роган!»

Но прошли века, и королевская власть утратила возможность награждать своих вассалов княжествами и графствами. А вот предоставлять им в вечное пользование пресловутую частицу «де», которая когда-то прежде действительно удостоверяла владение землями и людьми, это она всё еще могла по-прежнему, и широко пользовалась своим правом. Поэтому понятие о дворянстве тесно слилось с представлением о фамилии, которой предшествует частица «де». И хотя в поздние годы монархи и короли (а затем и императоры) французские пекли новых дворян, как блины, отнюдь не даруя им никаких поместий, за вожденное «де» эти дворяне-новички ухватывались с жадностью, стараясь прицепить к нему название любого клочка земли, к которому они имели хоть косвенное отношение. Словом, картина получилась совершенно такая же, как с нашими новобрачными дю Руа де Кантель.

(Говоря о частице «де», не следует забывать, что она является в разных формах: в виде «де ла», если название поместья женского рода; как «дю», когда род — мужской, но подразумевается определенный артикль; как «д» — в случаях, где «имя владения» начинается с гласного звука, и т. п. Совершенно ту же роль в итальянском языке играют частицы «делла», «дель», «ди» и пр. Там они чаще указывают на происхождение человека из той или иной местности, иногда на его ремесло: Лука делла Роббиа — сын красильщика; Андреа дель Сарто — сын портного; Кола ди Риенци — Николай из Риенци.).

Дело доходило до совершенных курьезов. Смелый негр, взбунтовавший рабов на сахарных плантациях одной из французских колоний, объявив себя их королем, пожелал иметь двор, состоящий из дворян. Однако у его новых подданных не было никаких поместий: ни замков, ни земель, — ничего, кроме данных им вчерашними хозяевами обычных католических имен. Это не смутило решительного монарха, и он повелел всем им принять фамилии, тут же созданные из этих личных имен, только снабженных вожденной приставкой «де». Так появились многочисленные «де Жаны», «де Поли» и «де Мишели» (То есть по-русски: «Господин из Ивана», «Господин из Павла или Михаила»), причем, как свидетельствуют специалисты, потомки некоторых из них и по сей день носят эти «дворянские» фамилии.

Впрочем, незачем идти так далеко: и в самой Франции малограмотные, но честолюбивые люди прибегали (а возможно, прибегают и сейчас) к такому же способу самовозвеличения. Так что и там совсем не каждый, носящий фамилию с «де», на самом деле является дворянином.

Итак, во Франции дворянство обозначалось при помощи этого самого «де». В соседней Германии всё шло так же; только немецкий язык вместо французского «де» воспользовался равнозначным ему своим предлогом «фон».

Я беру в руки всё тот же старый справочник «Весь Петроград» за 1916 год. До революции в нашем городе жило неисчислимое множество немцев: справочник кишит немецкими фамилиями. И внимательный читатель легко заметит среди них прелюбопытные пары.

Вот, например, некий подпоручик Фок, Александр Яковлевич. Рядом с ним в том же столбце значится и фон Фок, Александр Александрович, но это уже действительный статский советник, так сказать, «его превосходительство», штатский генерал. Это вполне естественно: Фок мог быть и дворянином и не дворянином; дворянство же Александра Александровича подтверждала частица «фон», означавшая, что именно так — «Фок» — называлось или могло бы называться его родовое имя.

Рейнгардт, А. И. — почетный гражданин, и фон Рейнгардт, Екатерина Николаевна —

жена полковника; Клуге, Генрих Иванович — ремесленник, и фон Клуге, Франц Адальбертович — настоятель лютеранской церкви — всё это были люди совершенно различных общественных слоев, разных состояний. Можно поручиться, что коллежский регистратор Константин Николаевич Кнорринг навряд ли бывал в доме у господина барона Людвиг Карловича фон Кнорринга, шталмейстера высочайшего двора; точно так же и другой шталмейстер (был такой придворный чин, означавший просто «конюший»), господин барон Павел Александрович Рауш фон Траубенберг, хотя и был скульптором-любителем, мог даже не подозревать о существовании скромного василеостровского немца, художника, но «просто Траубенберга».

Нет смысла особенно долго задерживаться на этих «фонах», из которых многие действительно были баронами, носили баронский титул. Но нельзя не отметить некоторых курьезов, порожденных этой немецко-дворянской фанаберией и в Германии, и у нас в России.

Первоначальный тип баронской фамилии в ее чистом виде должен был выглядеть так: Рауш фон Траубенберг, то есть в точном переводе: «Хмелев с Виноградной горы». Подразумевалось, что дворянин носит фамилию «Рауш» (Хмелев), а его замок именуется «Траубенберг». Цеге фон Мантейфель, Пилар фон Пильхау, Клуки фон Клугенау — их можно насчитать сотни.

Всегда в этих фамилиях существительное в именительном падеже (собственно фамилия) соединено предлогом «фон» с существительным в косвенном падеже, которое и является обычно названием поместья.

Но очень скоро, так же как и во Франции, поместья перестали играть туг основную роль: рядом с земельным дворянством народилось другое, служилое. На место Пиларов Пильхауских, Цеге Мантейфельских, Клуки Клугенауских (рядом с которыми могли процветать другие ветви: Клуки Ратенауские или Шенауские) стали появляться более просто устроенные фамилии: фон Кнорринг, фон Эдельштейн. Тут всё укладывалось в одно слово; оно же могло считаться и самой фамилией и одновременно названием поместья, существующего или воображаемого. Происхождение таких фамилий могло быть различным: в одних случаях подлинная фамилия выпадала и забывалась; в других — тот или иной немец, действуя по способу француза дю Руа, просто присоединял пустопорожнее «фон» к своему исконному родовому, отнюдь не дворянскому имени.

А рядом с этим появились фамилии и совсем уж удивительные по причудливости образования, в происхождении которых мы даже и разбираться не будем.

Что скажете вы про старинный дворянский род, представители которого на протяжении долгих лет именовались так: Фон-дер-Деккен-фом-Химмельсрайх-цум-Ку-шталь?

В самом скромном переводе эта фамилия может означать не менее, нежели:

«С самой крыши из царствия небесного да прямо в коровье стойло».

Вот это уж были, действительно, настоящие фон-бароны!

Почти несомненно: ни «Декке» (покрышка, крышка), ни «Химмельсрайх» (царствие небесное), ни «Ку-шталь» (коровник) не были никогда наименованиями рыцарских замков; по крайней мере это весьма маловероятно. Надо думать, что такая фамилия создавалась какими-то иными, сейчас уже трудно установимыми путями. Она была далеко не единственным образцом дворянского чудачества.

«Дворянские частицы», став с течением времени чем-то вроде дополнительного титула, понемногу начали даже «интернационализироваться», переходить от одного народа к другому, их не имевшему. У нас, русских, таких «де» и «фон» не существовало никогда: наша грамматика делала их ненужными, но в XIX веке некоторые представители дворянства стали пренелепым образом прикреплять их к часто русским фамилиям; за ними потянулись уже и совсем не дворяне.

В одной из эстонских старых церквей имеемся усыпальница, увенчанная гербом и надписью, гласящей, что здесь погребен «господин граф фон Баранов». На Руси существовал старинный дворянский род Барановых, происходивший, по геральдическим преданиям, от

татарского выходца мурзы Ждана, по прозванию Баран; это вещь вполне возможная. Известно, что часть дворян Барановых переселилась в свое время в Эстляндию: там жили некогда люди с такими «гибридными» именами, как Карл-Густав Баранов, Трофим-Иоанн Баранов и т. п. Но частица «фон» у этой фамилии при всех обстоятельствах не должна была бы появиться: ведь «фон Баранов» означает «происходящий из Баранова», «владелец Баранова», а такого рыцарского замка нигде не было.

Перед самой Октябрьской революцией мне пришлось случайно встретить человека, с гордостью носившего фамилию «фон дер Белино-Белинович», а в тогдашнем Петрограде на улице Глинки существовало граверное заведение, принадлежавшее владельцу с фамилией Де-Ноткин, и рядом не то ателье шляпок, не то беложивая госпожи Де-Ноткиной, — видимо, супруги предыдущего.

Крайне сомнительно, чтобы оба этих достойных мастера владели когда-либо замком во Франции, носившем звучное имя «Ноткин». (Существует рассказ, согласно которому некто Ноткин указал Наполеону, во время его бегства из России в 1812 году, удобное место для переправы через Березину. Изменник родины был захвачен французами с собой; позднее он получил от их императора, вместе с дворянством, частицу «де» для присоединения к фамилии. Так это или нет, его потомкам не приходилось гордиться таким прибавлением; хотя в этом случае оно было, так сказать, «законным» и «правомерным», но оплачено было ценой предательства. Версия эта объясняет возникновение столь странной для России фамилии; однако у меня нет никаких оснований утверждать, что скромные ремесленники с улицы Глинки состояли в родстве с этим негодяем.).

От князя Шуйского до мужика камаринского

Возникает вопрос: а как же в России? Что же, русские дворяне, в отличие от иноземных, не имели никаких, связанных с фамилиями, формальных отличек, которые позволяли бы им указывать на свои земельные владения, на их значение и роль как феодалов? Вспомним еще раз одно прославленное литературное произведение.

Двое вельмож беседуют во дворце, в кремлевских палатах, двадцатого февраля 1598 года. Они обсуждают сложное политическое положение: длится междуцарствие; претендент на царский престол Борис Годунов ведет лукавую игру и отказывается занять трон. Кто же он таков, этот Борис? «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты...» А люди, обсуждающие и осуждающие его положение?

«Так, родом он незнатен; мы знатнее», — говорит один из них.

«Да, кажется», — высокомерно отвечает другой.

«Ведь Шуйский, Воротынский...»

Легко сказать, *природные князья*».

«Природные, и Рюриковой крови».

«А слушай, князь, ведь мы б имели право наследовать Феодору», — замечает Воротынский.

«Да, более, чем Годунов», — соглашается его собеседник (А. С. Пушкин. Борис Годунов, сцена первая.).

Шуй-ский и Воротын-ский... Любопытные фамилии Одна из них происходит от имени существующего в наши дни небольшого городка Шуи; в другую входит название населенного пункта Воротыnsk. Про первое из этих поселений в Большой Советской Энциклопедии сказано: «Город областного подчинения»; о втором вы даже не найдете в ней указаний. Основным источников существования жителей Воротынска уже в конце XIX века были, по свидетельству тогдашних справочников, «1500 десятин земли, обращенной ко хлебопашеству». В нем числились две церкви, а «училищ не было». Иначе говоря, это была уже обычная деревня.

В свое же время и Шуя, и Воротыnsk являлись феодальными центрами древней Руси. И там, и тут сидел владетельный князь «рюриковой крови», готовый в любой миг предъявить

свои права на великокняжеский престол. То были, так сказать, «Рюрикович шуйский» «Рюрикович воротынский», и первоначально слова эти несомненно, отнюдь не являлись фамилиями; они просто указывали на то место, где данный князь княжил. Совершенно так же мы с вами сейчас, имея двух знакомых Ивановых, говорим, чтобы отличить их друг от друга: «Иванов московский» и «Иванов калужский»; «дядя Петя Запольский» и «дядя Петя Комаринский». Наши окончания «-ский», «-ской» издавна несут в себе; это значение — «обитающий там-то», «происходящий из такого-то места». Это, так сказать, «поместные признаки», во всем подобные по смыслу французскому «де» и немецкому «фон».

Фамилию Шуйский было бы очень разумно передать на французском языке как «прэнс» или «дюк де Шуя», на немецком — как «фюрст фон Шуя». Напротив того, точные русские переводы французского титула «прэнс д'Энгьенн», немецкого «герцог фон Дармштадт» или английского «принс оф Уэллс» всегда звучат, как «принц Энгьеннский», «герцог Дармштадтский» или «принц Уэльский»: между этими словами есть точнейшее соответствие.

Переберите другие княжеские и боярские фамилии старой России, — вы найдете среди них немало число оканчивающихся на это самое «-кий», «-ский», которое иной раз звучит еще «аристократичнее» — «ской» (Трубецкой, Друцкой, Воронской); Оболенские, по заглохшему к нашим дням городку Оболенску (потом — село Оболенское под Таруссой, на реке Протве); Вяземские, по городу Вязьме, Холмские, Белосельские-Белозерские, Друцкие-Соколинские и прочие, имена же их, — как говорилось встарь, — ты, господи, веши...

Совершенно так же, как с «поместными предлогами» Запада, с известными нам «фон», «де», «оф», «ди» и прочими, положение с нашими «поместными суффиксами» не оставалось одним и тем же на протяжении веков. Некогда и они были действительным признаком феодальных привилегий владения землей и подданными; позднее превратились в ничего реального не обозначающее звонкое украшение. Александр Васильевич Суворов получил, как известно, за свои боевые заслуги титул графа Рымникского и даже князя Итальянского. Однако ему никогда и в голову не приходило предъявлять права собственника не только на Италию, находившуюся во владении Габсбургского королевского дома, но даже и на ничем не примечательную речонку Рымник в Валахии, только тем и знаменитую, что на ней произошел бой между русскими и турками. Совершенно так же титул князя Смоленского получил немного спустя фельдмаршал М. И. Кутузов; однако произошел бы целый переполох, если бы ему вздумалось начать по-своему управлять реальным Смоленском, — скажем, собирать там подати или поднимать смолян войной на соседний Могилев. То же самое мы видим и на современном Западе: граф Парижский, ныне живущий претендент на престол Франции, на власть над Парижем имеет не более прав, чем любой тамошний гамэн, «ростом с три яблока, положенных друг на друга». «Принц Уэльский», «герцог Йоркский», «герцог Эдинбургский» — это лишь условные титулы, означающие в Англии «наследник престола» и «братя наследника», ничего более.

К нашим дням окончание «-ский» так же утратило свое первоначальное значение, как и суффикс «-вич», обладание которым некогда представлялось великой честью и громадным преимуществом. Я открываю одну, из страниц телефонной абонентной книжки по Ленинграду и нахожу там среди двухсот пятнадцати фамилий на букву «В», между гражданами Вайнером и Василенко, сорок три фамилии, оканчивающиеся на «-ский», — то есть ровно столько же, сколько на «-ов» и «-ин», вместе взятые. Сомнительно, конечно, чтобы всё это были бывшие владельцы князья и дворяне, и вряд ли двенадцать граждан Варшавских могут больше претендовать на столицу Польши, чем два скромных Варшавчика, идущие вслед за ними. Сомнительно также, чтобы эти Варшавчики завидовали своим более звучным соседям или соседи заносились перед ними. А ведь когда-то было именно так.

В свое время «тишайший» царь Алексей Михайлович, очень зорко следивший за малейшими проявлениями боярского чванства (ведь лишь совсем недавний род Романовых стал царским родом), запретил боярам Ромодановским именоваться Ромодановскими-

Стародубскими, ревниво указав, что такая фамилия «непристойна им», как особам невладетельным. Трудно описать, какое огорчение и глубокую скорбь вызвало это распоряжение у членов обиженной семьи: «Умилосердись! — слезно вопиал к царю Григорий Иванович Ромодановский. — Не веди у меня старой нашей *честишки* отнимать». Горькая слезница не была уважена, и «честишки» своей Ромодановские лишились. Между тем основания для нее имелись: некогда они и впрямь были князьями Ромодановскими-Стародубскими и княжили над городом Стародубом; может быть, именно поэтому так строго и посмотрел на дело царский двор: возможные соперники.

Однако не следует думать, как делают некоторые, что окончание «-ский» само по себе говорит обязательно и только о родovitости, о происхождении от дворянских и поместных предков. Значение его много шире: ведь «-ский» значит или может значить не только «владеющий таким-то именем», но и «родившийся там-то», «проживающий в таком-то месте», а то и просто «имеющий отношение к чему-либо», как в словах: «светский», «гражданский».

Заглянем в «Граматику русского языка», изданную Академией наук. Там черным по белому сказано: суффикс «-ск», вместе с окончаниями «-ий», «-ая», «-ое», служит для того, чтобы от различных существительных образовывать прилагательные, имеющие значение: «свойственный тому-то и тому-то». Значит, он может входить не только в фамилии, да притом в поместные. Он может быть составной частью самых различных прилагательных, то есть уже не «собственных имен», а «нарицательных», самых простых «слов». Когда я говорю «князь Петр Андреевич Вяземский», я употребляю фамилию на «-ский». Когда говорят «вяземский пряник», — пользуются обыкновенным прилагательным на то же «-ский»: никто не подумает, что этот пряник-Рюрикович знатнее других своих собратьев, что он когда-то княжил на Вязме.

Точно так же, называя человека «князь Комаровский», наши предки имели дело с фамилией, которая сама по себе являлась уже полутитулом, означала лицо владетельное. А вот распевая песню про «мужика камаринского», они никак не имели в виду почтить этого озорного крестьянина какой-либо феодальной «честишкой». Фамилия «Комаровский» имела значение, равносильное заграничным «фон» и «де»; у прилагательного «камаринский» такого значения отнюдь не было.

Таковыми были два полюса, две крайние точки при употреблении слов с окончанием «-ский». Но между ними — так сказать, «от князя Шуйского до мужика камаринского» — в разное время появилось множество других фамилий на «-ский»; они были явными именами собственными, но никогда не имели никакого «поместного», «тителатурного» значения. Откуда они взялись?

Колокольное дворянство

Странная вещь: если вы начнете кропотливо изучать древнерусские грамоты, примерно до середины XVIII века, вы лишь изредка натолкнетесь на это самое «-ский», если не считать сравнительно небольшого числа бесспорно знатных фамилий.

А потом вдруг они хлынут, что называется, как из ведра. Я уже говорил: в наши дни они по своей численности вполне могут поспорить со всеми остальными. Что же случилось? Где источник этого изобилия?

Существует простодушное, но весьма распространенное мнение: «Ах, он „-ский“? Ну, значит, — из поляков...» Мол, все поляки — «-ские», следовательно, все «-ские» — «поляки». Решительно, но неверно.

Прежде всего, в польском языке такого окончания, «-ский», вовсе нет. Есть очень близкое к нему (удивляться не приходится: языки-то братья!) и по форме и по значению окончание «-ски». Оно тоже означает «свойственный тому-то»: «мей-ски» — городской, «вей-ски» — деревенский, «поль-ски» — польский. Суффикс «-ск» участвует во многих (хотя отнюдь не во всех) чисто польских фамилиях: Войцеховски и Вонлярлярки, Корвин-

Круковски и Довнар-Запольски, — такие имена пестрят и в жизни современной Польши и в ее истории.

Но, передавая польскую фамилию, скажем «Пиотров-ски», на русском языке, мы ведь не просто переписываем ее нашими буквами, как делаем это с фамилиями немецкими: Roentgen—Рентген; Schiller—Шиллер. Мы как бы **русифицируем** ее по частям:

«Пиотр» — это «Пётр», «-ов-» — это «-ов-», а «ски-» — это «-ский». Это возможно только потому, что у нас есть свое, близкое к польскому, но всё же отличное от него окончание: «не их „-ски“, а наше „-ский“.

А кроме того, неправда, будто все носители русских фамилий на «-ский» — выходцы из Польши или имели предков-поляков. Их у нас сколько угодно своих, и львиная доля в создании и распространении их на Руси принадлежит «колокольному дворянству» — служителям православной церкви.

Скажем прямо: дело с фамилиями духовенства обстояло у нас всегда так своеобразно, что об этом можно было бы написать целую любопытнейшую книгу. У нас на это нет ни времени, ни места, и мы ограничимся одной маленькой главкой. А стоит ли делать и это? Да, и даже очень: история сложилась так, что именно «поповские» духовные фамилии потом перешли по наследству к большей части нашей разночинной интеллигенции и необыкновенно широко распространились по всей стране. Как же ими не поинтересоваться?

Русское сельское духовенство по своему быту, образу жизни, обычаям и привычкам всегда стояло ближе к простому народу нежели к дворянской верхушке страны. В XVI—XVII веках, когда вельможи давно уже чванились своими родовыми «честишками», бесчисленные сельские попики, наравне с «подлыми людишками», преспокойно удовлетворялись хорошо известными нам полуфамилиями-полуотчествами.

«Да Спасской церкви поп Данило Петрищев, да монастырский поп Иван Анфимьев, да той же обители монастырский детеныш Василько Величкин руку приложили...»

Фамилии в чистом виде встречались, но как редкое исключение. Да и то на поверку многие из них оказываются такими же «полуотчествами». Известен, например, раскольничий вожак XVII века, «Казанского собора протопоп» Иван Неронов.

Казалось бы: Неронов! Ишь куда хватил! Ведь это по имени римского императора Нерона. Странно, впрочем: с чего бы русскому священнику именоваться в честь такого злобного гонителя христианства? А справки показывают: Неронов—это искаженное «Миронов»: просто отцом протопопа был некий Мирон. Такие же «лжефамилии» были у некоего священника Ивана Курбатова или у курского попа Григория Истомина: Курбат и Истома — самые обычные по тому времени «мирские имена», и мы с ними (см. стр. 52) отлично знакомы.

Правда, известны нам отцы духовные, у которых за плечами, кроме имени и отчества, было и еще кое-что; но по большей части это **прозвища, клички**, далеко не всегда соответствовавшие священническому званию, а иногда так и просто не безобидные. В документах встречаются в то же примерно время и ростовский поп Григорий Скрипица, и кремлевского Успенского собора ключарь Иван Васильевич Наседка, и углицкий вдовый поп Федот Огурец. Там же в Кремле, в его Козьмодемьянской церкви, служил тогда пастырь с совсем уж разудалой сказочной кличкой — Бова. Естественно, что носители этих прозваний не только не кичились ими, но старались от них при первом же случае избавиться. «А оными прозвищами те попы не пишутся», — ехидно сообщили нам дотошные дьяки-современники; и ведь можно понять, почему.

К концу XVII века московское духовенство пришло, в своем большинстве, с самыми обыкновенными, вполне простонародными патронимическими фамилиями, чаще всего на «-ов» и «-ин». Аввакум Петров, Стефан Вонифантьев, Никита Добрынин — вот как звали тогдашних отцов церкви. В те времена в Новгородской духовной школе все двести восемьдесят два зачисленных в списки ученика назывались именно так, только по отчествам. Но перемены были уже не за горами,—ведь всё ломалось и трещало тогда на Руси.

Спустя короткое время дело пошло уже иначе: в Москве, в Духовной академии из

семисот её слушателей у пятисот, кроме имени и отчества, появляются официально признанные «прозвания особые». И с этого времени начинается долгая и упорная борьба духовенства за право иметь фамилии, «как у людей», то есть такие, которые приближали бы их к привилегированным, к дворянам. Борьба эта полна неожиданностей и занятых курьезов. Кроме того, она достаточно поучительна.

Надо заметить, что, в силу разных причин, в церковном мире на Москве большую силу взяли выходцы с Украины, ученики воспетой Гоголем киевской «бурсы». Люди, надо отдать им справедливость, куда более просвещенные и передовые, нежели московские архипастыри, они давно уже пользовались украинского (точнее — юго-западного) образца фамилиями; среди них были фамилии на «-ич» и «-вич», были и другие, но больше всего на «-ский»: Славинецкий, Сатановский, Яворский, Птицкий и т. п. По сравнению с московскими прозваниями, они выглядели куда наряднее, достойнее, достопочтеннее. И постепенно им начали подражать. Делать это было не так-то уж сложно.

Разумеется, никаких родовых имений, от названий которых могли бы возникать такого рода фамилии, у русских священников не было, да и быть не могло. Но ведь каждый из них был связан с той или другой церковью, а у любой, даже самой малой, церкви было свое название, был свой «престольный праздник». Одни из храмов именовались в честь святых, которым были посвящены, другие — в память о тех или иных событиях, чтимых верующими. Были церкви Николы, Петра Апостола, Иоанна Предтечи. Были храмы в честь успения (кончины богородицы), в честь рождества Христова, в память о «воскресении», во имя троицы (трехликого христианского бога). От этих названий и оказалось весьма удобно производить фамилии священнослужителей.

А в самом деле, и до тех пор в просторечии постоянно говорилось: «Это успенский поп» или: «Да он предтеченский дьякон», — то есть они служат в церквях Успения и Предтечи. Чего же проще эти прилагательные на «-ский» и сделать звучными фамилиями духовных лиц? По форме своей они напоминают о княжеских титулах; по смыслу — прекрасно связаны с самыми, в глазах религиозных людей, радостными или печальными, но многозначительными понятиями. И вот по всей тогдашней Руси началось творчество фамилий этого рода. Настоятель успенской церкви становился Успенским; тот, кто служил у Иоакима и Анны, делался сначала Иоакиманским, а потом и просто Якиманским (Сравните старое название «Якиманки», улицы в Замоскворечье, где стоит церковь Иоакима и Анны.). Вместо былых Петровых и Николаевых появились полчища Петровских (от «петровского поста»), Никольских, Воскресенских, Богоявленских, Козьмодемьянских и Предтеченских...

Нельзя думать, что всё это происходило просто и быстро, само по себе. В дело вмешалось церковное начальство: те, кто ведал выбором личных имен для всего населения, конечно, не захотели выпустить из рук переименование самих церковников. А так как жизненный путь каждого будущего служителя культа начинался всегда с обучения в «бурсе», в духовном училище, куда он являлся «яко наг, яко благ», не только без всяких познаний, но обыкновенно и без всякой фамилии, то именно тут-то и вставал вопрос о её изобретении.

Понять духовных руководителей довольно легко. Вспомните трех друзей бурсаков из гоголевского страшного «Вия»; как их звали? Богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець. (В духовных школах того времени классы не нумеровались по порядку, а делились, от младших к старшим, на «грамматику», «синтаксис», «риторику», «философию» и «богословие», по главным проходимым предметам.) — вот их громкие титулы. А что они значили?

«Халява» — по-украински — голенище, слово «горобець» означает воробья, а «брут(ус)» по-латыни так и вовсе — тупоумный, неповоротливый. Естественно, что семинарское начальство добивалось, чтобы будущие «пастыри» носили более «благозвучные и добромысленные» имена, нежели эти типичные «клички». А так как во многих духовных училищах дело вершили в те времена начальники-украинцы, то им фамилии, оканчивающиеся на «-ский», и казались наиболее подходящими: ведь, не говоря уже о

названиях праздников и церквей, их можно было удобно образовывать почти от каждого мало-мальски подходящего по значению слова. Так рядом со Сретенскими, Введенскими, Скорбященскими стали повсеместно нарождаться Добровольские, Боголюбские, Мирницкие и другие.

Украинцы действовали во многих местах, но не везде и не всюду. Фамилии этого рода нравились не всем. Пошли в ход и разные другие их формы и виды, а вскоре был открыт неиссякаемый источник, откуда можно было полной горстью черпать нужные для их построения слова. В духовных училищах искони изучались языки латинский и греческий, знание их всегда отличало духовенство от остального населения; недаром же старый Бульба первым делом экзаменует сынов-бурсаков, как будет по-латыни «горилка», и тут же показывает им, что и сам не забыл школьной премудрости. Так не естественно ли было именно в этих, непонятных профанам, языках искать материал для нового именованословия? Только далеко не всегда руководить сочинительством поповских фамилий удавалось просвещенным «князьям церкви». Гораздо чаще дело происходило вот как.

«Советы нечестивых»

«Простодушному отцу Петру Никитскому, — повествует один, давно забытый журналист XIX века, сам бывший попович, — не нравилась его фамилия, и с учителем Коломенского духовного училища попом Захаром он занялся, за рюмочкой, изобретением фамилии для своего поступавшего в училище старшего сына.

Обратились к латинской грамматике Лебедева, стали перелистывать... «Целер» — скорый, «юкундус» — приятный... Не то! «Хонор, хонестус...» (Honor — честь, honestus — почтенный (лат.).)

— А постой-ка, что он у тебя — веселый мальчик?

— Да ничего...

— Хочешь, «гилярис» — веселый? Гиляров... Как тебе кажется?

Петр Матвеевич одобрил, и сын его, ушедший из дома Никитским и просто поповичем, возвратился Александром Гиляровым, учеником низшего, «грамматического» класса...

Надо думать, что картинка эта верна натуре, так как фамилия того, кто ее зарисовал, Н. П. Гиляров-Платонов.

Однако дело не всегда решалось так просто и спокойно: бывало и куда затейливее.

«Привозит какой-нибудь отец своего мальчика в училище, — рассказывал в конце XIX века некто, подписавшийся „Сельский священник“, на страницах журнала „Русская старина“, — и ставит на квартиру непременно в артель. В артели квартирка непременно под главенством какого-нибудь великана-синтаксиста. Иногда таких господ набиралось и по-нескольку...

Отец обращается к одному и спрашивает: «Какую бы, милостивый государь, дать фамилию моему парнишке»? Тот в это время долбит греческие вокабулы: (Вокабулы — заучиваемые наизусть слова, «Тiрto» — «бью, поражаю» (греч.), «тiпто, тiптис, тiпти...»). «Какую фамилию дать? Тип-тов!»

Другой такой же атлет сидит верхом на коньке сеновала и учит латынь: «Дилигентер» — прилежно, «мале» — худо, — и орет: «Нет, нет, дай своему сыну прозвище Дилигентеров!»

Третий занят географией, советует: «Амстердамов». Делается совет, то есть крик, ругань и иногда с зуботрещиной. И чья возьмет, такого фамилия и останется. Дикий малец не может и выговорить-то, как его окрестили эти «урванцы». Ему пишут на бумажке, и он ходит и зубрит, иногда чуть не с месяц...

Может быть, всё это фантазия, выдумки? По-видимому, нет. Именно из таких нелепых «советов нечестивых», с криками и зуботрещинами, только и могли появиться на свет хорошо нам известные и довольно распространенные «латино-греческие» поповские фамилии:

Грацианские, Хризолитские, Касторские, Робустовские, Урбанские, Дилакторские, Велькотные и т. д. Лишь озорные «урванцы» могли предлагать такие клички растерявшимся отцам «диких мальцов»: ведь в переводе они означают «Золотокаменский», «Непорочненский», «Силачѣвский» и пр. Но «урванцам» помогало и начальство: «протяженно-сложенные» прозвища утверждались, шли в документы и в жизнь, и мало-помалу становились чем-то совершенно привычным. Недаром и у наших писателей священники сплошь и рядом то «Змиежаловы», то «Ризоположенские» (от выражения «напиться до положения риз»), то «Посолоньходященские», — одна вымышленная фамилия сложнее и курьезнее другой.

А затем окончание «-ский» перестало быть обязательным, узаконились другие, разнообразные. Помимо древних языков, пришла мода и на современные, живые. На захолустных попках во всех концах Руси стали появляться «отцы» Бланшевы, не подозревавшие, что «бланш» по-французски — «белая», или, наоборот, сменившие на такое заморское созвучие отечественного «Беляева» или «Белякова»; отцы Глуарские, от французского же «глуар» (слава), и даже «Дрольские», хотя во Франции «дроль» значит либо «забавник», либо же просто «шалопай».

А так как даже самые истовые духовные семьи в XIX веке не могли избежать ухода детей в различные мирские профессии, так как всё больше и больше поповичей становилось чиновниками, врачами, стряпчими — кем угодно, только не попами, — то и духовные фамилии пошли в широкий мир. Именно поэтому многие из них давно уже стали у нас отнюдь не священническими, а чисто интеллигентскими фамилиями; их можно встретить среди людей литературы, искусства, науки, техники. Загляните в любую энциклопедию:

Вознесенский И. Н. — крупный советский ученый;

Вознесенский Н. Н. — советский химик-технолог, специалист по тканям

Воскресенский А. А. — «дедушка русской химии», учитель Бекетова, Меншуткина и многих других крупнейших русских химиков

Воскресенский М. И. — писатель середины прошлого века;

Никольский А. С. — советский архитектор;

Никольский Б. П. — советский физико-химик;

Никольский Г. В. — советский ихтиолог;

Никольский Д. П. — русский известный врач;

Никольский М. В. — крупный русский востоковед...

Трое Преображенских, шесть Успенских, четверо Введенских упомянуты в БСЭ. А кроме них, есть ведь еще и Сперанские (от латинского «сперарэ» — надеяться), и Гумилевские («хумилис» значит по-латыни смиренный), и Туберовские («тубер» — клубень), и Кастальские, и Коринфские, и Промптовы («промпус» — быстрый), и Формозовы («формозус» — прекрасный), и бесчисленное множество других.

Все эти фамильные имена созданы некогда именно в той самой бурсацко-семинарской среде, о которой только что было рассказано, но давно уже превратились в широко распространенные типы фамилий вполне светских. Именно поэтому я и отвел им столько места в этой книге.

Я не могу тут перебирать одну за другой всевозможные необычности и странности этого священнического именованья: их было слишком много, и мы о них знаем больше, чем о происхождении фамилий в других слоях общества: эти-то создавались сравнительно недавно, и в образованном, «письменном» кругу. Вряд ли где-либо, кроме русского духовенства, отмечалось такое положение, когда в одной семье шестеро родных братьев носят шесть различных фамилий:

Петр **Васильевич** Миловидов

Александр **Васильевич** Петропавловский

Иван **Васильевич** Преображенский

Тихон **Васильевич** Смирнов
Григорий **Васильевич** Скородумов
Виктор **Васильевич** Седунов

и все Васильевичи

А вот среди духовенства такое бывало. Да как вы теперь видите, и удивляться этому не приходится: просто отец Василий много раз приводил своих ребят в бурсацкие артели, и не один, а несколько дюжих «синтаксистов» помогало ему при изобретении для них фамилий.

Известен, например, случай, когда в одной такой семье было три брата: отец Тумский (В былые времена обращались к священникам почтительно, добавляя к их имени или фамилии слово «отец».) (он же Миронов), отец Веселоголов (его с таким же успехом могли бы окрестить и на латинский лад — Гиляропедовым) и отец Крылов. Но дети Тумского оказались почему-то уже Ростиславовыми, а сыновья Веселоголова — Добровольскими. Что же до некоего инспектора Солигаличского духовного училища Скворцова, то над ним самозванные «крестители» сыграли веселую шутку: один из его наследников стал Орловым, другой — Соколовым. Получилась довольно пестрая птичья семейка.

Одному энергичному батюшке очень повезло. Стремясь избавиться от довольно огорчительной своей фамилии (жил он в Астрахани в начале прошлого века и назывался протоиереем Чумичкой), он обратился с ходатайством о переименовании к царю. Александром I настойчивому протоиерею было разрешено в честь самого монарха впредь именоваться Александровым.

Но бывало и иначе; некий митрополит Платон, учредив в семинарии стипендии для нуждающихся, потребовал, чтобы всякий, учащийся на его деньги, в дальнейшем именовался Платоновым. И, по его капризу, множество людей получили двойные фамилии: Платоновы-Музалевские, Крыловы-Платоновы, Платоновы-Иванцовы, Гиляровы-Платоновы.

На этом можно было бы и закончить главу; следует только для полноты картины указать, что если княжеские фамилии часто восходили к именам различных городов и поселений (Шуйский, Стародубский, Вяземский), то и духовные не отставали от них, только при помощи других суффиксов. Среди отцов церкви было множество Казанцевых, Ростовцевых, Суздальцевых, Муромцевых, Холмогоровых. Известный ученый монах, китаист Никита Бичурин, например, назывался так по родному селу Бичурину в Поволжье. А так как, в отличие от князей и вельмож, батюшки получали сплошь и рядом имена не по крупным городам, а по никому не известным селам и погостам, то теперь зачастую, встречаясь уже «в миру» с их фамилиями, исследователь долго ломает голову над их происхождением. Легко ли догадаться, например, что недалеко от Москвы есть село Белый Раст, откуда пошла фамилия Белорастовых, или что имя Добросотов связано с названием населенного пункта Добрый Сот в Рязанской области.

Вискряк не вискрюк

На Руси есть такие прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь.

Н. В. Гоголь. Женитьба

Если вы склонны к размышлениям, возьмите какой-нибудь перечень фамилий. Пусть это будет первая попавшаяся под руки адресная книга, список учащихся, телефонный справочник— всё равно. Разверните его и внимательно читайте. Ручаюсь, что спустя короткое время вы, если и не начнете «плевать и креститься», как Гоголь, то удивляться у вас найдется чему. А за удивлением придет длинный ряд вопросов.

Конечно, прежде всего вы натолкнетесь на то, что нам уже знакомо, на самые обычные типы фамильных имен. На севере страны это будут бесчисленные «-овы» и «-ины», на юге — «-енко», на западе — «-вичи» и «-ичи». Этим нас не удивишь, мы знаем — перед нами фамилии-отчества, фамилии патронимического происхождения. Будут среди них попадаться и сибирские, «-ыхи» (Белых, Пьяных) и белорусско-польские «-чики» (Ковальчик, Малярчик).

По всей стране они окажутся смешанными в пестрый винегрет: под Москвой больше Степановых, под Киевом — Степаненок, под Минском — Степанчиков. И всё это во всех концах страны окажется пересыпанным разнообразными «-скими», где дворянско-поместного, где «колокольно-поповского» образца. Это ничуть не поразит вас: и к тем и к другим суффиксам вы уже присмотрелись.

Однако вас вполне может удивить другое: вы встретите немалое число самых настоящих фамильных имен, которые не укладываются ни в какие рубрики по своим суффиксам и окончаниям. Если вы прочтете где-нибудь па двери короткое слово «Петрищев», «Ткаченко» или «Беребеновский», вы сразу же сообразите: чья-то фамилия! Но, увидев на дверной табличке слово «Квадрат» или «Тамада», вы, я полагаю, прежде всего удивитесь: чего ради его написали с большой, прописной буквы? Слово как слово, решительно никаких признаков «фамильности», — существительное, да и только.

А в то же время в любом справочном издании вам будут всё время бросаться в глаза такие странные имена,—да и не только существительные—прилагательные, глаголы, даже сочетания их с предлогами и междометиями,—какой-нибудь Гей-Тосканский, какая-нибудь Неубеймуха или даже гражданин по фамилии Бесфамилии. Что это такое? Откуда оно взялось?

Может быть, вы думаете, — я преувеличиваю? Так вот передо мною на столе то «ономатологическое пособие», к которому я, как вы могли заметить, прибегаю уже не первый раз, по причине его полной достоверности; никому не придет в голову подозревать, что фамилии в «Списке абонентов ленинградской телефонной сети» за 1951 год подобраны с каким-нибудь специальным умыслом. Я беру букву «Б», самую обычную, с которой начинается такое множество фамильных имен. И тотчас же в моих глазах, рядом с «самыми настоящими фамилиями», с бесконечными Бабаевыми, Борисовскими, Борисенками, Бабичами, начинают мелькать эти странные образования.

Не то фамилии, не то «просто слова».

Баранов — безусловно фамилия, но ведь баранчик-то — обыкновенное слово. А вот написано: Баранчик, А. С.,—и указан адрес—такая-то улица. Не странно ли?

Я знаю и знал несколько Бегуновых; однако тут передо мною не Бегунов, а Бегун. У него (но кто мне поручится, что это — «он», а не «она» — Бегун?) есть инициалы—Е. Ф., и живет «оно», допустим, на Васильевском острове. И дальше, и дальше идут существительные, притом самые разнообразные и разнородные, как в каком-нибудь словаре: «баллада», «беркут», «богач», «бульон»... Однако там, в словарях, у каждого из этих слов имеется точный смысл и значение, а здесь... Л. С. Баллада, И. Е. Беркут, А. В. Богач, Н. М. Бульон. Нет, тут они ровно ничего не значат, а если и значат, то совсем не то, что в словаре. Необыкновенные существительные, относительно которых нельзя даже никак установить, какого они рода: если Баллада — Лидия Сергеевна, то женского; если она — Лев Семенович, то мужского.

С прилагательными чуть-чуть легче: тоже странно, но не так. Вот гражданин В. А. Беспрозванный и рядом гражданка Беспрозванная, Э. Я.; тут по крайней мере можно хоть разобраться, кто из них «он», кто «она». А с существительными просто несчастье: кажется совершенно немыслимым, чтобы некто Белоус назывался, скажем, Софьей Михайловной и был молодой темноволосой и темноглазой девушкой... Белоус!. Ведь это же явно — седобородый мужчина! А бывает, оказывается, и наоборот.

Еще удивительнее те случаи, когда в фамилию превращается целое словосочетание. Написано: А. С. Беспрозвания. Как это прикажете понять: фамилия перед нами или что?

Если простое сочетание слов, то оно абсурдно по своему значению, — «прозвание»-то как раз имеется. А ежели это фамилия, то в каком же она стоит падеже? Можно сказать: «Я люблю играть с Вовкой Гришиным»; Можно сказать: «Это мой лучший друг, Вовка Гришин». Но как бы будете говорить: «Люблю играть с Беспровзанием», «Это наше Беспровзание»? Ни так ни сяк — ничего не получается.

Нет, видимо, таким фамилиям законы грамматики не писаны, да и орфографии — тоже. Раз можно преспокойно придумать фразу: «На горе они разделились: Борщ побежала в деревню, Бирюля *пошел* на реку, а

Соседко помчались за остальными ребятами...» — так уж до грамматики ли тут! А придумать и даже сказать это можно, не вызывая никаких недоразумений, потому что я знаю и девочку, которую зовут Оксана Борщ, и, мальчугана Павлика Бирюлю, да и трех приятнейших пареньков по фамилии Соседко.

С правописанием не меньше неожиданностей. Вы хорошо знаете, что слово «бессмертный» по всем правилам пишется через два «с»: это указано в любом орфографическом словарики. А вот тут, в телефонной книжке (на стр. 163), есть граждане Бессмертный и Беспровзанный, а на стр. 166—Беспровзанный и Безсмертный. И не только никто не исправил этой несомненной ошибки, но захотись одному из Беспровзанных улучшить свою фамилию, ему пришлось бы хлебнуть горюшка; прежде чем изменить ее написание, он должен был бы долго хлопотать, подавать заявления в различные важные учреждения, и еще не известное чем бы дело кончилось.

В том же справочнике на соседних строчках мирно живут два гражданина (а может быть, две гражданки), пользующиеся милой фамилией Бульон. Но в одном случае фамилия пишется, как и надо, Бульон, а в другом — на французский лад: Буллион. Что бы им взять да и установить одно общее правописание? Куда там! Это целая история...

Впрочем, изредка из этого можно извлечь и некоторую выгоду. Вот я вижу замечательную фамилию Борсук; в моей телефонной книжке даже два таких Борсука подряд: Борсук, В. К. и Борсук, Т. А. Вы сами, наверное, видите тут грубейшую ошибку: надо же писать не «бОр», а «бАр». Однако, ежели вам повезло и вы сами носите эту не часто встречающуюся фамилию, у вас есть удивительное преимущество. На всех экзаменах, во всех документах вы можете безнаказанно писать: «И. Борсук, И. Борсук, И. Борсук», смело делая ошибку за ошибкой, и ни один преподаватель языка, даже самый строгий, не вздумает исправить вас или снизить вам за это отметку. Нельзя: фамилия! (Любопытно, кстати, отметить, что в древнерусском языке слово это писалось и звучало именно так: «борсук», произношение «бАрсук» установилось значительно позднее, под влиянием так называемых «акающих» говоров нашего языка.).

Однако не вздумайте перехватить через край и непосредственно под подписью И. Борсук начать вашу работу так: «Лисица и бОрсук», басня»: тут вам не избежать страшной мести со стороны грамматиков.

Ну как же не вспомнить некую мадемуазель Прэфер, изображенную французским писателем Анатолем Франсом, директрису девичьей школы! «Мое мнение, — говорила эта почтенная дама, — что у собственных имен — своя орфография!» И устраивала воспитанницам пугавшие их диктанты на собственные имена...

Похоже, что это было не так уж нелепо. Учиться правильно писать и эти имена — полезно.

Всё только что рассказанное поражает нас своей причудливостью, но это обычная причудливость языка: она ничему, по сути дела, не мешает. Не только продолжают безбедно существовать такие странные фамилии, но мы и пользуемся ими без малейшего затруднения. Каждый из нас сочтет совершенно невозможными сочетания слов «тетя Петя» или «дядя Василиса»; в то же время сказать «гражданка Козак» или, наоборот, «гражданин Сорока» ничуть не представляется неуместным.

Вот небольшой список людей, в тридцатых годах ходатайствовавших о перемене фамилий. Среди них есть **Выдра** Яков Савельевич, **Губа** Иван Власович, **Черепеха**

Николай Митрофанович. Но есть тут и дамы, пожалуй, еще более удивительные: одну из них звали Верой **Гробокопатель**, другую — Софьей Петровной **Жених**. Подумайте сами: если жених носит имя, Сони, то как же должна называться невеста, не менее чем Спиридоном!

Надо заметить, что такое положение вещей длится уже много лет и десятилетий; в произведениях всех крупнейших писателей XIX века (особенно у сатириков и юмористов) мы находим великое множество фамилий ничуть не менее удивительных. Вспомним еще раз чеховских городского Жратву, телеграфиста Ятя, отставного профессора П. И. Кнопку. Чехов и настойчиво собирал, и сам измышлял такие фамилии: в его знаменитой «Записной книжке» недалеко от женщины Аромат фигурирует мужчина — Ящерица.

Целый муравейник таких же причудливых имен кишит в рассказах, повестях, драматических творениях Н. В. Гоголя, на страницах величественной поэмы его «Мертвые души». Артемий Филиппович **Земляника** из «Ревизора», посети он Петербург, пришелся бы ко двору в доме Ивана Павловича **Яичницы**, выступающего в «Женитьбе».

Иван Иванович **Шпонька** мог бы оказаться достойным соседом Настасьи Петровны **Коробочки**, а Афанасий Иванович **Товстогуб**, встретив в миргородском поветовом суде Ивана Никифоровича **Довгочхуна**, оценил бы по достоинству и его личность, и его солидную фамилию.

Сотни и сотни гоголевских персонажей носят такие же и похожие на эти фамилии. Но фамилии ли перед нами? Может быть, это имена, вроде рассмотренных нами «мирских» имен древности? Или прозвища, странные клички, те самые, про которые Гоголь с удивленным восхищением говорил, что русский народ «не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает [прозвище.—Л. У.] сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, — одной чертой обрисован ты с ног до головы!» («Мертвые души», т. I, гл. V.)

Нет, конечно, это не имена; имена у этих людей совсем другие. Собакевич продал Чичикову девицу Воробей, но у нее было и настоящее имя — Елизавета. Пробка, мужик «трех аршин с вершком ростом», звался Степаном; у крестьянина со странным прозвищем Доезжай-не-Доедешь имелось обычное имя Григорий.

Значит, перед нами либо прозвища, либо фамилии.

Фамилия и прозвище

Несколькими главами раньше мы учились отличать прозвища от «мирских» имен. Попробуем установить, чем они отличаются от наших современных фамилий.

Фамилия — имя родовое: его особенность в том, что оно коллективно, принадлежит не одному, а нескольким людям, членам одной семьи. От отцов оно способно переходить к детям, от мужей — к женам. Почти никогда оно не содержит в себе признаков, которые обрисовывали бы те или иные черты, общие всем членам данного рода. Гораздо чаще оно просто прилепляется к ним — людям совершенно разным и непохожим — на основании единственного признака — родства.

А прозвище как раз наоборот: как бы указывает на одного-единственного, данного человека, на его личные, только ему одному присущие отличительные черты. Боярин Андрей Харитонович, первым получивший от великого князя московского Василия Темного прозвище Толстой, был, несомненно, человеком тучным. Тот римский мальчик, который водил своего слепого отца, поддерживая его подобно «сципиону» — посоху, по заслугам был назван «Сципионом». Если бы в роду Сципионов не появился человек, обладавший особенно крупным носом, никому из членов этого рода не было бы придано личное прозвище Нбзика (Носач).

Тот, кто жил в дореволюционной русской деревне, помнит: почти каждый крестьянин имел, кроме имени отчества и патронимической полуфамилии, данной по отцу (Николай Степанов Степанов), и еще какое-нибудь — нередко затейливое и злое, подчас ласковое и

почтительное — прозвище, отражавшее, как в зеркале, те или другие его личные свойства.

А зовут меня Касьяном,
А по прозвищу — Блоха!.. —

добродушно мурлычет себе под нос чернявый малорослый мужичонка—Касьян с Красивой Мечи у И. С. Тургенева.

«Вот и пришел он к моему покойному батюшке, — рассказывает помещик Полутыкин про своего оброчного крестьянина,—и говорит: дескать, позвольте мне, Николай Кузьмич, поселиться у вас в лесу на болоте... Вот он и поселился на болоте. С тех пор Хорем его и прозвали».

Просмотрите «Записки охотника» Тургенева, — почти в каждом рассказе вы встретите эти замечательные личные прозвища. И почти всегда они точно соответствуют замечанию Гоголя — так подходят к их носителям, что «...нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы,—одной чертой обрисован ты с ног до головы!»

«...Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всем околотке не звал его иначе как Обалдум, и он сам величал себя тем же прозвищем: *так хорошо оно к нему пристало*. И действительно, оно как нельзя лучше шло к его незначительным, вечно встревоженным чертам...

...Моргач нисколько не походил на Обалдую. *К нему тоже шло название Моргача*, хотя он глазами не моргал более других людей; известное дело: русский народ на прозвища мастер». И далее: «Я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные лукавые „гляделки“. Они никогда не смотрят просто — всё высматривают да подсматривают».

Рядом с этими, великолепно обрисованными самими своими прозвищами, людьми в том же рассказе «Певцы» выведены еще Дикий Барин, в котором, по словам автора, «особенно поражала... смесь какой-то врожденной, природной свирепости и такого же врожденного благородства», и Яков-Турок, «прозванный Турком, *потому что действительно происходил от пленной турчанки*» (И. С. Тургенев. Записки охотника. Собр. соч., т. I, М., Гослитиздат, 1953.). Четыре прозвища, и про каждое из них наблюдательный автор сообщает, что оно прямо вытекало из личных свойств, внешности, характера или жизни его носителя. В этом и есть смысл «прозывания»; если бы такие прозвища давались без причин и оснований, не характеризую человека, они не могли бы существовать.

Но ведь именно этим определяется их важнейшее свойство: они и относиться могут только к **одному** человеку, тому, на которого **они похожи**. А фамилия должна отличаться как раз обратным свойством: ее должны с одинаковым удобством носить **многие** люди, обладающие совершенно разными лицами, фигурами, характерами, особенностями поведения и биографии. Фамилия, вообще говоря, не может и не должна ничего решительно характеризовать, ничего выражать. В роду **Толстых** было великое множество людей **худощавых**; среди членов фамилии Сципионов-Назик имелось немало людей с маленькими носами. И тем не менее худышки гордо именовались Толстяками, а курносые римские мальчики — Носарями. Это никого не смущало: ведь тут речь шла уже не **о прозвищах**, а о родовых именах, то есть о фамилиях.

Таким образом, фамилии могут, помимо всего прочего, рождаться из прозвищ, утративших свой прямой смысл, так же, как они рождаются и из «мирских», народных имен, из названий профессий, из наименований географических пунктов и пр. И происходит это самыми различными путями.

Самый простой и прямой путь очень похож на тот, который в отношении личных имен мы называли «патронимическим». Живет в тургеневских «Певцах» человек, по **прозвищу** Моргач. У него есть сынишка. «„А Моргаченок в отца вышел!“—говорят о нем вполголоса старики... и все понимают, что это значит, и уже не прибавляют ни слова». Сын Моргача на юге, естественно, получит звание Моргаченка, на севере—Моргачонка или Моргачова, так

же как сын Тараса становится или Тарасенком, или Тарасовым. И вот уже из слова «моргач», когда-то бывшего одиночным прозвищем одного человека, его личной характеристикой, возникает родовое имя многих людей, их фамилия, никого не **характеризующая** ничем, кроме как указанием на происхождение от того, первого, родоначальника. Моргаченки, Моргачовы, Моргачонковы в известном смысле такие же Лагиды наших дней, какими по отношению к своему пращуру Лагу были Птолемеи Египта (см. стр. 146).

Но есть и другой, несколько менее логичный путь; к моей большой радости, и он в одном случае намечен у Тургенева: «Кругом телеги стояло человек шесть молодых великанов, очень похожих друг на друга и на Федю. „Всё дети Хоря!“—заметил Полутыкин. „Всё Хорьки!—подхватил Федя...—Да еще не все: Потап в лесу, а Сидор уехал со старым Хорем в город...“

«Остальные *Хорьки* (пишет уже и Тургенев, охотно принимая только что возникшее **групповое, семейное** прозвище) усмехнулись от выходки Феди».

Видите, что получается? Тут уже не потребовалось никаких особых операций над прозвищем отца, чтобы оно просто и прямо перешло к детям, никаких специальных суффиксов, никаких изменений формы. Отец— Хорь, и дети—Хори или Хорьки, и внуки — такие же Хорьки... А спустя поколение или два никто уже не расскажет, что первый «старый Хорь» получил свое прозвище, поселясь, **как хорек**, в лесу на пустом болоте; бывшее прозвище превратится в обычнейшую фамилию, сохранив, однако, всю видимость прозвища.

Вот так-то, именно таким образом, и возникли все те удивляющие наш слух и наше зрение причудливые фамилии-слова — существительные, прилагательные, глаголы, — которые пестрят и в официальных документах и на страницах книг. Впрочем, удивляют они не всех, не повсюду и не в одинаковой мере и степени, потому что не везде на пространстве нашей страны они одинаково легко или трудно создаются.

Русский язык менее склонен к такому типу фамилий, нежели западноевропейские языки или даже родной его брат—язык украинский. У нас дети кузнеца обычно становятся Кузнецовыми, тогда как потомки английского кузнеца — Смита —продолжают сами быть Смитами, кузнецами, даже становясь матросами, шорниками, адвокатами и профессорами. И на Украине рядом с Коваленками (сынами «ковалья»—кузнеца) могут превосходно существовать многочисленные Ковали-дети, давным-давно уже утратившие всякое отношение к кузнечному делу. В 1916 году в Петрограде жило, судя по справочнику, восемь украинцев Ковалей; среди них был и подпоручик Измайловского лейб-гвардии полка, и инженер-путеец; были в их числе и две женщины, не считая жен и дочерей. Можно сказать уверенно, — ни один из них не знал, почему именно получили они такую фамилию; а кое-кто, вероятно, давно обрусев, перестав быть украинцем по языку, даже не сумел бы объяснить и значение слова «коваль». Тем более относится это к тем случаям, когда фамилия родилась из прозвища давно, так давно, что самое слово, создавшее ее, вышло уже из употребления, или когда она появилась где-нибудь в глухом углу дореволюционной России, возникнув из слова местного, неизвестного за пределами своей небольшой области, иногда даже волости или части уезда.

Человек носит ядовитую на слух фамилию Язвица. Если он задумается над ее происхождением, он, вероятно, решит, что кто-то из далеких его предков отличался неважным характером, был остер на язык, язвительен. А ведь на деле большинство фамилий этого корня — Язвин, Язвицкий, Язва — обязаны своим существованием спокойному лесному животному — барсуку. «Язва» во многих местностях РСФСР — то же, что «барсук»; никакого отношения к зловредному характеру родоначальника эта фамилия не имеет.

Граждане, носящие фамилию Кметь, с удивлением и недоумением пожимают плечами, пытаясь понять, что значит она. Она кажется им совершенно бессмысленной. А если бы они вспомнили, как в «Слове о полку Игореве» говорится о «курянах» (жители Курска), что они суть «сведоми кмети»,то есть «славные воины», они стали бы относиться к своему наследственному имени совершенно иначе: оно говорит о благородной воинской славе кого-

то из их далеких пращуров; очень далеких, потому что вот уже много веков, как слово «кметь» исчезло из нашего языка, а если и сохранилось где-либо, то, может быть, только в одной их фамилии.

Возьмите гоголевское прозвище «Бульба». Еще в 1951 году в Ленинграде на улице Жуковского жил гражданин И. И. Бульба; однако я не уверен, мог ли он верно объяснить происхождение своей фамилии. В самом деле, в современном белорусском языке «бульба» означает «картофель», но во времена Запорожской Сечи, описанные Гоголем, во дни смелых кошевых и свирепых гетманов, никакого картофеля на востоке Европы еще не знали; ведь только в XVIII веке это растение мало-мальски стало обычным около Петербурга. Еще в сороковых годах прошлого столетия на Руси то и дело вспыхивали «картофельные бунты», и в 1844 году правительство все еще считало нужным «сохранить премии и награды за посев картофеля в южных губерниях, где он еще недостаточно распространился». Совершенно очевидно, что суровый герой Сечи Тарас никак не мог получить прозвище «Картошка», пока народ в глаза не видел этого самого корнеплода.

Кто наведет справки, узнает: «бульба» в разное время значило не только «картофель». Так называли и другие округлые плоды — земляную грушу и даже тыкву. Основное же значение этого слова на Украине теперь — «клубень», в старину же — «пузырь», словом, нечто шарообразное. И всего вернее «Тарас Бульба» должно было значить «Тарас Тучный», «Тарас Толстый». А кто себе представляет, что это так?

Звучные и благородные

Когда касаешься в каком-нибудь обществе вопроса о фамилиях, особый интерес вызывают обычно самые «звучные и благородные» из них, те, которые состоят из двух или нескольких слов, соединенных между собою дефисами. В дни моей юности у меня был один знакомый, молодой человек, ничем не примечательный ни по внешности, ни по уму. Однако стоило привести его в любую компанию и громко представить вслух, как немедленно водворялось почтительное молчание и на сконфуженного юнца устремлялись заинтересованные взгляды. Все дело было в «звучной и благородной» фамилии, ибо его звали так: Роман-Борис Тржецяк-Радзецкий барон фон Биспинг-Торнау.

Тогда, года за два до революции, я знал немало молоденьких девушек, у которых один «звон» подобной фамилии пробуждал самые восторженные мечты. Вот бы выйти замуж за такого счастливца! Вот бы стать обладательницей эдакого сверххаристократического имени!

Прошли годы, и вряд ли кто-нибудь из современных наших девушек пленился бы подобной перспективой. Однако интерес к экзотическим двух— и трехэтажным родовым именам сохранился, только уже, так сказать, по другой линии: любопытно все-таки, откуда они произошли и зачем понадобились?

Возникли они, разумеется, прежде всего в дворянской поместной среде и появлялись там по разным причинам и разными способами.

Проще всего было, когда человек, носивший обычную патронимическую фамилию, хотя бы на «-ов» или «-ин», прибавлял к ней вторую часть, как бы становясь владетельной особой. Фельдмаршал Суворов, произведенный в графы Рымникские, мог бы начать, будь он человеком другого характера, именоваться Суворовым-Рымникским и в быту (Как известно, это было не в его духе. Даже на могильной плите Суворова, по собственному его завещанию, начертано с благородной простотой: «Здесь лежит Суворов»). Известный русский богач Демидов, женившись в Италии на племяннице Наполеона I, купил под Флоренцией целое княжество Сан-Дonato, а вместе с ним и титул князя Сан-Дonato. В России это звание не было за ним признано в течение почти полувека, но по его смерти титул и фамилию утвердили за его племянником. Просто Демидовы стали Демидовыми-Сан-Дonato.

Иногда — и уже с очень давних пор — вторая фамилия присоединялась без всякого особого основания, просто ради большего почета, из голого чванства, так сказать. В 1687 году, например, сыновья некоего Михаила Дмитриева, стольника и воеводы, просили

правительницу Софью разрешить им добавить к своей фамилии вторую — Мамоновы, — «чтобы нам, холопам вашим, от других Дмитриевых бесчестными не быть».

Позднее, когда укрепились понятия о родовом «гоноре», о славе, о гордости, связанной с обладанием той или другой древней фамилией, появились новые основания для заботливого сочетания воедино двух или нескольких родовых имен. В XIX веке дожил свою жизнь древний княжеский род Юсуповых!!!!!!?; прежде чем стать Юсуповыми, они, по имени своего родоначальника, татарского мурзы Юсуфа (XVI в.), долгое время носили фамилию Юсупово-Княжево. Последний Юсупов, Николай Борисович, умер в 1890 году; юсуповский род пресекался, ибо у Н. Б. Юсупова не было сыновей, а только дочь; она вышла замуж за гвардии поручика Ф. Сумарокова-Эльстон. Как видите, этот молодой человек уже был носителем двойной фамилии: в первой половине XIX века одна из представительниц рода графов Сумароковых, намереваясь вступить в брак с графом Эльстоном, не пожелала расстаться со своей знатной девичьей фамилией. По ее ходатайству, им — ей и ее мужу — было разрешено стать зачинателями новой ветви Сумароковых — Сумароковых-Эльстон.

Теперь повторилась, на иной основе и при других обстоятельствах, примерно такая же картина. У царя было испрошено дозволение через посредство жены передать мужу фамилию Юсуповых, с которой она была рождена, дабы не прекратился их род. Была сделана одна оговорка: впредь называться князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстон получал право только старший в каждом новом поколении член семьи. Впрочем, предосторожности эти оказались напрасными: прошло двадцать семь лет, и революция покончила навсегда со сложной игрой в родовитые и неродовитые семьи и их ветви, в гербы, титулы и привилегии, которые могло дать лишнее слово в фамильном наименовании. Представьте себе на миг, что получилось бы сегодня у нас в любом обществе, если бы вошедший в комнату человек представился: Тржецяк-Радзецкий фон Бис-пинг-Торнау! Или: Любич-Ярмолевич-Лозина-Лозинский (был такой небольшой поэт в начале этого столетия). Это вызвало бы веселый смех и любопытство — сколько же вас? — но уж никак не подобострастное преклонение, как в былые годы.

Так, значит, теперь у нас уже и нет двойных или тройных фамилий?

За тройные и четверные не ручаюсь, но вот при просмотре одного из наших современных телефонных справочников (при самом беглом просмотре, далеко от всякой тщательности) я обнаружил на его ста семидесяти пяти страницах около трехсот шестидесяти таких фамилий-двоешек, то есть примерно по две на каждые сто — сто десять обычных фамилий. Меня охватило смущение; неужто такое количество аристократов, родовитых дворян дожило еще до нашего времени и продолжает чваниться громкозвучностью своих многэтажных имен?! Но вскоре я успокоился: происхождение этих, в наши дни существующих, двойных фамилий оказалось совершенно иным, и подавляющее большинство их, несомненно, ни с какими дворянскими геральдическими традициями ничего общего не имеет. Это фамилии совершенно нового образования, хотя, размышляя, откуда и как они взялись, я вспомнил, как говорится — «на новой основе», старые времена и старые потребности.

Думаю, читатели не посетуют на меня, если я отведу страничку-другую разговору об этом любопытном перечне.

Все найденные мною фамилии такого рода принадлежат к нескольким непохожим друг на друга группам.

Самой малой из них является та, которая состоит на самом деле из фамилий родовитого русского барства, досуществовавших до наших дней. В том списке, которым я пользовался, обнаружилось не более чем два-три подобных случая; мне повстречалась фамилия Хитрово-Кутузовых (см. стр. 163), которая известна со времени А. С. Пушкина, да редкая фамилия Карнович-Валуа; представители ее полвека назад якобы претендовали на какую-то родственную связь с давно вымершим королевским родом Франции. (К этому небольшому перечню можно прибавить еще старые фамилии Римских-Корсаковых, Гориных-Горайновых

и две-три других.).

Значительно более населенной оказалась группа не русских, а польских и вообще иноплеменных фамильных двойных имен, таких, как Грум-Гржимайло, Горватты-Войниченко, Малевские-Малевичи, Порай-Кошицы, Романовские-Романько, Пендер-Бугровские, Пац-Помарнацкие, Дзенс-Литовские и т. д. Я не имею возможности заниматься здесь их изучением.

Наконец, самую внушительную часть составили фамилии чисто русского происхождения, из которых либо обе, либо одна из двух в каждой паре имели обычные, хорошо уже знакомые нам окончания — «‑ов», «-ин» и «-ский». Вот, приглядевшись хорошенько к ним, я и заметил одно весьма интересное обстоятельство.

Казалось бы, фамилии эти, собранные совершенно случайно в один длинный перечень, без всякого специального подбора (перечень владельцев личных телефонов), должны были принадлежать примерно на пятьдесят процентов мужчинам и на пятьдесят процентов женщинам; если могло оказаться неравное число тех и других, то во всяком случае разница не должна была бы быть значительной. А на самом деле на восемьдесят четыре мужских фамилии тут пришлось сто восемьдесят девять женских.

Сначала это меня крайне озадачило: чем можно объяснить такое удивительное преобладание? Но скоро разгадка этого преобладания открылась, а с нею и разгадка образования таких двойных фамилий в наше время и в нашей стране.

Известно, что по советскому закону два человека, вступая в брак, могут свободно избирать себе фамилию. Они могут остаться при фамилии мужа или жены или объединить в одно целое их обе. Так вот, мужчины меняют свою фамилию крайне редко и очень редко добавляют женину к своей.

Женщины же делают это постоянно, соединяя вместе фамилии девичью и мужа. Именно поэтому двойных женских фамилий можно встретить несравненно больше, нежели мужских.

А из этого вытекает простой вывод: очевидно, чаще всего фамилии сдваиваются именно при вступлении в брак. Не желая расставаться с девичьей фамилией, невеста присоединяет к ней фамилию жениха, точно так же, как в свое время какая-нибудь Сумарокова, не согласившись стать просто Эльстон, охотно принимала имя Сумароковой-Эльстон. Действие осталось тем же, хотя побуждения, которые его вызывают, стали совсем другими.

Вот каково, по моему первому впечатлению, происхождение наших, заново создающихся, двойных фамилий.

Кстати сказать, среди них немало довольно причудливых. Что скажете вы о таких родовых именах, как Баки-Бородов, Каменный-Печенев (по-видимому, от названия тяжелого заболевания — камни в печени), Ник-Бредов или Бей-Биенко?

Ник-Бредов? Откуда это? Мне вспоминаются тяжеловесные шутки рыбаков из повести Р. Киплинга «Отважные»:

«Шлюпку со шхуны „Надежда Праги“ встретили вопросом: „Кто самый презренный человек во флоте?“

— Ник Брэди!—послышался трехсотголосый рев.

— Кто крал ламповые фитили?

— Ник Брэди!—загремело в ответ...»

В «Отважных» есть такой рыбак, но, спрашивается, что общего между ним и фамилией русского человека?

Любопытна и фамилия Пролет-Иванов. Сейчас она производит впечатление искусственной, как бы нарочито сложенной из слов Иванов и Пролетарий, как Пролеткульт. Так я ее и расценил в первом издании «Ты и твоё имя». Но я получил сердитое письмо от человека, лично знавшего Г. Е. Пролет-Иванова. Он засвидетельствовал, что двойная фамилия эта выросла из прозвища, полученного еще совсем юным подростком Ивановым, ловким подпольщиком, умевшим «пролетать», проникать в любое нужное место

незамеченным.

Это меняет дело, и я рад, что могу исправить неточное объяснение свое. Не «Пролет», а «Пролёт».

Еще кое-что о фамилиях

Удивительны история и приключения человеческих имен,—мы уже имели случай убедиться в этом. Фамилия намного моложе имени: только за последние века сложились твердые традиции в обращении с нею, а наш народ во всей своей колоссальной толще не насчитывает еще и столетия с тех пор, как ношение фамилии стало обязательным для каждого. И тем не менее уже сегодня изучение фамилий может дать немало глубоко интересных сведений о прошлом, проясняет некоторые темные вопросы ушедших в былое отношений, а порою способно вскрыть и самые, казалось бы, труднодоступные подробности в жизни и общества и языка.

Однако изучение это далеко не всегда и не во всем может быть названо легким делом. Конечно, если вы начнете заниматься исследованием человеческих фамилий, вы — можно поручиться — не оставите этого дела. С каждым шагом перед вами будут раскрываться самые неожиданные горизонты; звено за звеном ваши исследования повлекут вас и в историю, и в науку об общественном хозяйстве, и в область географии, и еще неведомо куда, от языкознания — до геральдики. Но тотчас же на этом пути начнут вырастать и трудности, которых иной раз невозможно даже предвидеть. Нередко то, что с первого взгляда представляется совсем простым, окажется на поверку необычайно сложным. Напротив того, иной запутанный вопрос получит такое простое и прямое решение, что, приготовившись к преодолению больших трудностей, только ахнешь да руками разведешь. Вы встретитесь при этом и с величественным и со смешным, и кто знает, где обнаружится больше поучительных для вас новостей?

Примеры привести нетрудно. Вы столкнулись с человеком, фамилия которого кажется простой до предела: Хомутов, Иван Николаевич. Если вас попросят высказать соображения по поводу происхождения этой фамилии, вы, вероятно, пренебрежительно пожмете плечами. Есть всем известное русское слово «хомут»; означает оно основную часть конской упряжи, сбруи, овальное ярмо, надеваемое на шею лошади, чтобы к нему можно было прикрепить оглобли или постромки. Слово старинное, существующее множество лет и даже столетий. Нет ни малейших причин сомневаться, что именно от него пошла и фамилия Хомутовых. Это тем более правдоподобно, что среди прозвищ и «мирских» имен очень часто встречается слово «хомут»; я сам знал в Великолуцком уезде Псковской губернии в девятьсот десятых годах человека, которого звали так: «Максим Хомут».

Как будто все правильно, и тем не менее такое суждение опрометчиво. В нашей стране существует множество граждан Хомутовых, между фамилией которых и почтенным старым хомутом нет решительно ничего общего, ибо происходит она от другой фамилии, притом еще не русской, а английской, от довольно распространенной в Британии дворянской фамилии Гамильтон.

«Как так? — скажете вы. — Как это могло случиться?»

В данном случае — все известно и никакой тайны тут нет. По историческому преданию, в середине XVI века из Англии в Россию выехал представитель знатного шотландского рода Гамильтонов, Томас Гамильтон, со своим сыном Питером. Потомство этого Питера Гамильтона и превратилось постепенно в бояр Гамильтонов, Гамантовых, Хоментовых и, наконец, — Хомутовых, из которых некоторые здравствуют и сейчас.

Вероятно ли это? «Кто это видел?» — как говорит один, лично мне известный, двенадцатилетний скептик, когда ему рассказывают о древних временах. Это вполне вероятно. Точно известно, например, что трагически погибшая на плахе фрейлина Екатерины I Мария Даниловна Гамильтон по бумагам того времени именовалась Гамантовой. Можно подобрать и такие случаи, когда из близких родственников один

упоминается как Гамильтон, другой — как Гамонтов, а третий — как Хоментов; такой путь изменения фамилии подтверждают документы.

Можно сказать и другое: нам известны и помимо этого некоторые старинные фамилии иностранцев, переселившихся в Россию, изменившиеся под влиянием русского языка до полной неузнаваемости.

Кто скажет, например, что дворянам Левшиным, фамилия которых так легко и удобно приводится к общеизвестному прозвищу «Левша», по-настоящему надлежало бы именоваться Левенштейнами, ибо их родоначальник, приехавший в 1395 году на службу к Дмитрию Донскому «немец Сувола Левша», на самом деле звался Сцеволой Левенштейном («Нельзя, однако, забывать, — справедливо пишет В. А. Кыйвер из Таллина, — что слово „Сцевола“ по-латыни означало „Левша“. Очевидно, в переработке иностранной фамилии сыграло роль не только ее звучание, но и смысл имени ее носителя.). Русский народ перекрестил его внуков и правнуков сначала в Левштиных, а потом и в Левшиных, точно нарочно стараясь создать наибольшие трудности для будущих языковедов и историков.

Кто угадает теперь, что известная Гороховая улица в Петербурге названа так «в честь» некоего Гарраха, приближенного Петра I, которого окружающие переделали, разумеется, в Горохова; или что такая, казалось бы исконно русская по всем признакам, фамилия, как Козодавлев, на самом деле есть не что иное, как переделанное западноевропейское Коссфон-Даален?

Таких примеров можно указать очень много, особенно если обратить внимание также и на различные названия мест, которые образовались от фамилий их владельцев. В Ленинграде, скажем, есть остров, ныне называемый островом декабристов, потому что на его пустынном взморье были погребены тела казненных руководителей восстания 1825 года. Раньше имя этого островка было «Голодай».

Слово «Голодай» есть чисто русское слово. Однако имеются все основания считать, что родилось оно из слова чисто английского—«holiday»—«праздник». В свое время значительные участки земли на безлюдном тогда островке принадлежали некоему англичанину Холидэю, бессмысленную для русского слуха фамилию которого народ превратил в понятное и осмысленное «Голодай».

Вполне вероятно, что для такого превращения были к тому же бытовые, реальные причины: кто знает, как обращался со своими рабочими, как кормил их, в каком «черном теле» держал этот таинственный Холидэй — Голодай.

Есть у нас, в одной из красивейших частей Ленинграда, возле пересечения проспектов Кировского и Максима Горького (бывший Каменноостровский и Кронверкский), маленькая улочка, которая сегодня носит название Крестьянской. Названа она так, по-видимому, в первые годы революции, когда городские проезды и площади переименовывались как бы в порядке «спора» со старыми названиями: Ружейная превращалась в улицу Мира, Архиерейская — в улицу Льва Толстого, Дворянская — в улицу Деревенской Бедноты, и т. д. Довольно понятно поэтому, что Крестьянской улицей был назван «Дунькин переулочок»; слово «Дунька», видимо, было расценено как пренебрежительное обращение к крестьянской женщине, «этакая матрешка», «дунька такая чумазя».

Однако каждый, кто видел старые планы нашего города, должен был бы обратить внимание на одну странность: переулочок именовался на них не «Дунькиным», а «Дункиным», без мягкого знака в середине слова. Расследование показало, что это не орфографическая ошибка: название не имело ничего общего с именем «Дуня» (Евдокия, Авдотья). Оно опять-таки происходило от английской, точнее — шотландской фамилии Дункан, представителям которой принадлежали земельные участки вдоль этого «Дункина» переулка — переулка Дункан.

Примерно таким же образом из английской фамилии Burness возникла русская фамилия Бурнашей, а затем Бурнашовых; вдова же немца-врача Пагенкампа по смерти мужа превратилась в актрису Поганкову и передала эту, не очень почетную, фамилию своим потомкам.

Еще больше случаев, при которых дело не доходило до окончательной перемены имени; сами носители фамилии с возмущением отвергали ее народную переработку, однако последняя сохранялась все-таки в памяти современников. Известно, что некий генерал времен Николая I фон Брискорн в языке солдат всегда именовался «Прискорбом», что талантливого, но не заслужившего любви народной фельдмаршала Барклая де Толли армейские остряки превратили в «Болтай-да-только», что один из русских офицеров XIX века, иностранец родом, Левис-оф-Менар, для солдат всегда оставался господином «Лезь-на-фонарь».

Все это уже хорошо знакомо нам по разговору об именах; такие переделки называются «народными этимологиями», и язык постоянно прибегает к ним.

Но представьте себе, как осложняют и затрудняют они изучение наших фамилий. Как трудно иногда понять, откуда произошло то или иное родовое имя, если в основе его лежит слово, либо совсем исчезнувшее из языка, либо же изменившееся за несколько веков до неузнаваемости.

От слова до фамилии и обратно

В основе каждой фамилии — мы теперь уже убедились в этом — скрыто то или иное слово. Путь от слова до фамилии длиннее всего там, где он проходил через личное имя: обычное слово становилось сначала именем собственным личным, а потом, тем или другим способом, превращалось в имя целого рода. Приведу самый простой пример: слово «максимус», обычнейшее прилагательное латинского языка, было некогда в Риме только словом. Оно обозначало «наибольший», «величайший» и ничего другого. Можно было сказать: «Понтифекс максимус» — «первосвященник, главный жрец». Можно было воскликнуть: «Максимус натус сум!» — что буквально означало: «Я величайший по рождению», а понималось, как «Я — старший».

Но вот случилось очень естественное: значение слова привлекло к нему внимание родителей, поставленных перед необходимостью придумывать красивые и многозначительные имена для своих детей.

Слово «Максимус» стало одним из таких имен: каждому приятно, если у него сын наречен «главным», «набольшим»: а вдруг имя и на самом деле принесет ему, славную судьбу?

В течение многих столетий это древнеримское имя, усвоенное и христианской религией, шествовало вместе с ней по миру. В разных языках оно принимало разную форму, ту, которая была свойственна каждому из них. Во Франции оно окончательно получило ударение на втором слоге от начала, после того, как окончание «-ус» по законам французского языка исчезло: «Махите». В Англии ударение вернулось на первый слог, а звук «а» (который по-латыни был единственно уместным в этом слове, ибо оно ведь являлось там превосходной степенью от прилагательного «магнус» — «большой») заменился, как и следовало ожидать, английским «эй» — «Мэйксим». Немецкий язык произвел от имени «Максимилиан», то есть «Максимушкин», уменьшительную форму «Макс», укоротив разросшееся имя. Русский, наоборот, образуя ласкательные видоизменения для «Максима», со свойственной ему щедростью нарастил на его основу свои выразительные суффиксы: «Максимчик», «Максимушка». Словом, имя жило своей жизнью, как и сотни других таких же имен.

И в этой жизни наступил момент, когда оно из личного имени превратилось в фамильное. Опять-таки разные языки осуществили это превращение по-своему. В славянских языках от слова «Максим» родилось отчество «Максимович», обозначение для потомка Максима, маленького «Максимчика» — «Максимёнок». Западнославянские и украинский языки стали использовать в виде фамилий именно эти формы; появились многочисленные семьи Максимовичей и Максимёнок. Наш язык, русский, идя привычным

путем, создал, кроме отчества, еще форму, означающую принадлежность— чей? Максимов!—и именно ей придал значение родового имени — фамилии.

Напротив того, во многих европейских языках в фамилию превратилось никак не изменившееся личное имя. Раньше были «Максимы» — отдельные люди, теперь появилось сколько угодно людей, принадлежащих к фамилиям «Максим».

Я с удовольствием подтвердил бы это рассуждение рядом примеров; к сожалению, носители этой фамилии как-то мало прославились на Западе, — не на кого указывать. Но все-таки одному из них повезло: благодаря ему его родовое имя в буквальном смысле «прогремело» по всей земле. Это американец Хайрем Стивенс Мэксим, один из первых конструкторов пулемета. К десятым годам нашего века многие армии мира приняли на вооружение «пулеметы Максима». Были они на хорошем счету и в русской царской армии: с ними в руках она сражалась и в Восточной Пруссии, и на Карпатах, под их грохот защищала Варшаву, брала Львов и Эрзерум. Всюду, на всех фронтах знакомым каждому стал солдат в папаче, лежавший на земле или на снегу со своим верным «максимом», «максимкой», «Максимушкой». Посмотрите любой фильм, изображающий взятие Зимнего дворца; вы увидите в нем работающие «максимы». Вспомните Анку-пулеметчицу из «Чапаева»: тот же «максим» — верный ее товарищ в бою...

Что я, по недосмотру вдруг стал писать слово «максим» с маленькой, «строчной», буквы? Нет, друзья мои: этим я отметил очень существенный перелом в его жизни. Оно опять перестало быть фамилией, перестало быть именем собственным. Оно стало именем существительным нарицательным, снова сделалось **просто словом**, каким было в своей юности. Только бывшее прилагательное латинского языка превратилось в существительное языка русского.

Поистине примечательная, поучительная, любопытнейшая биография слова! И поучительная она именно тем, что не составляет никакого исключения. Существуют сотни и тысячи слов, прошедших такой же сложный путь, — от слова до имени и фамилии и обратно к слову. Он очень характерен для всех почти языков. И я хочу на самое короткое время остановить на нем ваше внимание.

Вы читаете фразу: «Этот старый вояка в вечно выгоревшем френче и брюках галифе не боялся ни трескотни белогвардейских максимов, ни разрывов шрапнели». Если я спрошу у вас, сколько в ней упомянуто собственных имен, вы посмотрите на меня с недоумением: ну, в крайнем случае — одно, «максимов», если считать это именем собственным.

А на самом деле здесь четыре фамилии, прожившие примерно такую же жизнь, как и слово «максим». Английское «френч» имеет основное значение — «французский», но название кителя особого покроя произошло не прямо от него. Нужно было, чтобы предварительно это слово, «френч», там же в Англии, стало фамилией, так же, как у нас стали фамилиями слова «Немцов» или «Татарин». Понадобилось, чтобы среди многочисленных английских мистеров Френчей появился один, Джон Дентон Френч, сделавший в начале этого столетия не по заслугам и не по талантам громкую карьеру: в войну 1914 -1918 годов он оказался главнокомандующим британских войск на тогдашнем Западном фронте. Именно после этого фасон военной куртки, по каким-то причинам излюбленный Френчем, куртки с хлястиком и четырьмя большими карманами, стал модным во всех армиях мира и получил название «френч».

Слово «френч» попало и в русский язык; здесь оно потеряло все свои возможные значения, кроме одного, последнего и самого случайного; спросите у любого мало-мальски бывалого русского человека, есть ли у нас такое слово, он ответит: «Конечно, есть»; а если вы осведомитесь о его значении, он скажет; «Да это такой китель, что ли...» И всё!

Название особо причудливого фасона военных брюк—галифе—обязано своим происхождением некоему маркизу Гастону Галиффе, кавалерийскому генералу, много занимавшемуся в конце XIX века усовершенствованием военной формы. Слово это, став названием покроя одежды, настолько оторвалось от памяти о человеке, что, например, в дни гражданской войны бесчисленные командиры молодой Красной Армии преспокойно шили

себе **галифе** , носили эти **галифе** , не имея ни малейшего представления, что, употребляя такое слово, они поминают на каждом шагу одного из самых свирепых палачей Парижской коммуны. Впрочем, хорош был и Френч, жестоко расправившийся в начале двадцатых годов с ирландскими патриотами; а ведь френчи тоже носили у нас. Вот вам лучшее свидетельство того, что имена окончательно перестали существовать как имена людей; они сделались самыми обыкновенными нарицательными «словами».

Название пулемета «максим» еще как-то связывается в нашем представлении с именем: такое имя есть и у нас в России. Но почти никто из употребляющих слово «шрапнель», например, представления не имеет об английском офицере Г. Шрапнэл, который в 1803 году изобрел первый разрывной артиллерийский снаряд «картечного действия» и дал ему свое имя. Мало кто связывает слово «наган» с фамилией бельгийского фабриканта оружия Нагана в Льеже, выпустившего, в свое время, удачную конструкцию боевого револьвера новой системы. Слово это настолько вросло в русский язык, что в разговорной обывательской речи давно уже стало обозначать «револьвер вообще», вне всякой зависимости от его устройства; люди невоенные нередко называют так не только револьверы, но даже и автоматические пистолеты: «выхватил наган», «застрелил из нагана»...

Имена собственные с незапамятных времен обладали способностью превращаться в имена нарицательные, так же как и нарицательные—в собственные. Возьмите наше — малоупотребительное, правда, в современном русском языке — слово «монета». Сложные метаморфозы произошли с ним очень давно, еще в Древнем Риме, но и сегодня они представляют интерес.

Еще в IV—III веках до нашей эры в Риме среди других богов и богинь почетом пользовалась супруга Юпитера, Юнона-Монета, то есть Юнона-Советчица. К ее оракулам то есть к предсказаниям, составлявшимся жрецами, прибегали во всех затруднительных случаях государственной жизни. Во время тяжелой войны с эфирским царем Пирром (281—276 гг. до и. э.), говорит предание, смущенные неудачами римляне запросили богиню Монету об исходе войны. Больше всего их волновал вопрос, где добыть денег для защиты государства.

Всеведущая богиня успокоила свой народ, заверив его, что средства найдутся, лишь бы Рим вел борьбу справедливо, угодными богам приемами. В благодарность за такое предсказание (которое к тому же и сбылось) римляне разместили мастерские, чеканившие деньги, на территории храма Юноны-Монеты и стали на выпускаемых денежных знаках выбивать ее изображение. В скором времени благодаря этому металлические кружки с образом Монеты стали сами именоваться «монетами» (как много столетий спустя червонцы с головой Наполеона—«наполеондорами» или царские кредитные билеты с портретами Екатерины II — «катеньками»); уже в речах Цицерона мы встречаем это слово как в значении «деньги», так и в значении «монетная фабрика», «монетный двор». Видите, что произошло и здесь: слово «советчица» стало значить «богиня Советчица», а затем это собственное имя опять стало нарицательным, но уже с совершенно иным значением.

Такие «приключения слов» повторялись постоянно на протяжении всей истории человечества и у всех народов, но особенно пышным цветом расцвели они с наступлением капиталистического периода в жизни общества, когда все сильнее стали влиять на нее такие силы, как соперничество в торговле — конкуренция, как реклама. Раньше изобретателей и производителей разных товаров мало беспокоило, будут ли люди знать их имена; теперь это стало очень важным условием обогащения. И вот, примерно с середины XVIII века, всевозможные вещи-новинки, носящие имена своих творцов (точнее — их фамилии) посыпались градом.

Вы говорите слово «силуэт», подразумевая под ним очертания того или иного предмета, и вам в голову не приходит, что вы таким образом принимаете участие в веселых издевательствах современников по адресу одного из министров финансов в дореволюционной Франции XVIII столетия. Так сказать — в его «травле».

Между тем это так: финансист Этьен (Стефан) Силуэтт возбудил негодование

дворянства своей бережливой скупостью. Он всячески сокращал расходы двора, заменял дорогие товары дешевыми суррогатами, экономил на чем мог. Против него восстали, его свалили и, издеваясь над ним, стали называть его именем все дешевое, недоброкачественное, поддельное. «Силуэттовскими портретами» оказались и те, сделанные в одну черную краску, контуры, профили, которые по тени на стене набрасывали за гроши странствующие художники Парижа, кое-как заполняя легкое очертание тушью. «Если ты беден, вместо дорогого портрета в красках закажи себе портрет а ля Силуэтт, по-силуэттовски...»

Прошли годы; забылись и имя и бурная карьера господина Этьена Силуэтта, а слово осталось, перешло в другие языки, приобрело целый ряд новых значений... И когда вы сейчас говорите: «Силуэт Эльбруса рисовался на освещенном с юго-востока небе», — ни вам и никому в голову не приходит, что это могло бы означать: «На фоне неба рисовался министр финансов Людовика XV».

Петры и Петрушки

Перечень таких своеобразных слов многократного рождения, похожих на насекомых, которые появляются на свет дважды и трижды, рождаясь в виде яйца, вылупляясь из него в форме гусеницы, превращаясь затем в куколку и снова возникая в образе ничуть не похожей на гусеницу бабочки, можно продолжать на страницы и страницы. Такие слова знает и широко пользуется ими наша современная техника: цеппелин, монгольфьер, дизель, ТУ-104 (то есть «Туполев сто четвертый»), Дегтярев (иначе сказать «пулемет Дегтярева»), — мы встречаем их на каждом шагу.

Бесконечное число таких же терминов, рожденных из фамилий, знают торговля и промышленность. Пойдите в любой комиссионный магазин, и вы встретите там мебель «жакоб», мебель «обюссон», — а ведь эти слова были некогда фамилиями владельцев мебельных фирм. Прислушайтесь к разговорам знатоков музыкальных инструментов; «страдиварий» и «амати», — говорят о знаменитых скрипках; сравнивают достоинства «бехштейна» и «рёниша», касаясь прославленных роялей прошлого.

Иногда незнание истории слова влечет за собой преуморительные ошибки; в одном издании произведений Ф. М. Достоевского мне довелось в примечаниях прочесть такую фразу: «Пальмерстон — английский министр, ожесточенный противник России».

Я несколько смутился: не помнилось, чтобы в романе, о котором шла речь, упоминался этот англичанин. Я заглянул на указанную страницу и увидел фразу в таком роде: «Накинув свой пальмерстон, он выбежал на улицу...» Комментатор — объяснитель — позабыл, что фамилия давно уже стала словом: пальмерстонами в середине XIX века по всей Европе называли особого покроя пальто-плащи.

За два или три десятилетия до того существовали другие слова такого же рода. В «Евгении Онегине» упоминаются то «боливар» («Надев широкий *боливар*, Евгений едет на бульвар»), то «брегет» («И там гуляет на просторе, пока недремлющий *брегет* не прозвонит ему обед»). Но ведь «Бреге» (Breguet) — распространенная французская фамилия, в частности принадлежавшая известному в XVIII веке часовых дел мастеру, а Симоном Боливаром звали выдающегося государственного деятеля Латинской Америки, первого президента освободившейся от испанской власти Колумбии. Их фамилии были тогда, на рубеже XVIII и XIX веков, превращены в названия вещей, так или иначе с ними связанных.

С тех времен процесс этот все убыстрялся и расширялся. За прошлый век и половину нашего столетия наука превратила сотни фамилий ученых в свои, утвержденные всемирными конгрессами, термины. Когда теперь мы говорим о лампочке на 120 **вольт**, о силе тока в 500 **ампер**, о джоулях, кулонах, ваттах, герцах, омах и прочих единицах измерения, никто из нас не думает об итальянце Вольта, французах Ампере и Кулоне, англичанах Джоуле и Уатте, немцах Герце и Оме и других великих ученых, имена которых стали словами. А между тем об этом стоило бы вспоминать, и по многим причинам: ведь «вольта» по-итальянски — поворот, излучина; «Herz» в немецком языке — сердце.

Даже в бытовом, разговорном языке народов наблюдаются те же самые явления. При этом некоторым именам удивительно «везет»: им удается превратиться в слова дважды или трижды, всё с новыми и новыми значениями.

Латинское слово «виктория» искони означало «победа». Само по себе оно сохранило этот смысл, даже переходя из языка в язык далеко за пределами родной Италии. В XVIII веке и русские люди праздновали не «победы», а «виктории»; по-французски и сегодня «победа» — «виктуар», по-английски — «виктори». Но вот слово стало именем «Виктория»; больше того, ему «повезло»; им назвали при рождении очень заметную личность, королеву Англии, занимавшую английский престол благодаря своему долголетию целых шестьдесят четыре года. За этот долгий срок множество самых различных предметов было названо королевским именем. Во всем мире миллионы людей теперь разводят, продают, покупают садовую ягоду «викторию» или любуются на цветение тропической водяной лилии «виктории регии», даже и не подозревая, что их названия связаны с какой-нибудь исторической фигурой.

Игрушки «ванька-встанька» и «матрешка», кажется, начинают собою, а страшное оружие, прославленная «катюша» завершает длинейший ряд таких имен-оборотней, испытавших в жизни два превращения — от слова до имени и от имени до слова. И хотя примеры эти относятся скорее к личным именам, чем к фамильным, я хочу обратить ваше внимание еще и на любопытный случай с именем «Пётр».

Греческое слово «петрос» значит «камень»; слово это давно стало именем. В Греции оно так и звучит «Петрос», у нас превратилось в «Пётр». Однако на этом его история у нас кончилась: обратного превращения имени в слово не произошло. Правда, есть в языке ученых близкие слова: «петрография» (наука о камнях), «петроглифы» (древние письмена на скалах), «петролеум» (каменное масло, керосин), но все они произведены не от имени Пётр, а прямо от самого греческого слова «петрос». И все-таки мы постоянно пользуемся целым рядом слов, родившихся из этого имени, «слов-петровичей»; только они прекурьезно произошли от его уменьшительных форм.

Слово «петька» означает у нас птицу — петуха; легко услышать фразу вроде: «Куры бросились в стороны, а петька, взлетев на забор, громко закудаhtал». Сочетание слов «черный петька» стало названием карточной игры. Но самое забавное случилось с уменьшительным «Петрушка»: оно превратилось, во-первых, в обозначение куклы-марионетки, Пьеро (Французское «Пьеро» — уменьшительное от Пьер (Пётр) и означает Петруша, Петя.), героя веселых уличных представлений, а затем стало обозначать и весь театр марионеток в совокупности. «Петрушка пришел!» — с восторгом кричали ребята на питерских дворах в дореволюционное время. «Система кукол, носящих общее название „петрушек“, широко применяется в советском кукольном театре», — говорится в Большой Советской Энциклопедии.

Этого мало. В то же самое время название «петрушка» было придано огородному растению «петроселинум», пришедшему к нам из Западной Европы; придано, по-видимому, просто по созвучию. «Петрушка», как каждый знает, не пищевой продукт, а только приправа, такая мелочь, плавающая в супе. Кукольный театр «петрушки» тоже долго рассматривался как нечто не вызывающее серьезного к себе отношения, как баловство, ерундистика. И вот где-то на границе этих двух понятий, связанных с термином «петрушка», родилось еще одно, пока еще чисто разговорное, нелитературное значение этого слова: «всякая петрушка», то есть какая-то неразбериха, канитель, смешное нагромождение разных не стоящих внимания мелочей и даже собрание различных никому не нужных мелких предметов. В разговоре иногда можно услышать: «Ну, тут такая петрушка получилась!..» — что означает: началась нелепая история, и рядом: «А у него в сундуке всякая петрушка наложена». Можно думать, что в первом случае это слово в родстве с «петрушкой»-куклой, во втором — с «петрушкой»-растением. В то же время ясно, что оба значения в языке путаются, смешиваются; трудно даже иной раз размежевать их. Слово еще не родилось окончательно; оно, так сказать, еще вылупляется, как цыпленок из яйца. И какой будет его судьба, — не вполне известно.

Чтобы закончить эту главку, мне осталось указать еще на один разряд «отфамильных» слов.

Одно дело, когда само имя или фамилия того или иного человека в неизменном виде становится нарицательным именем, названием предмета: Френч и френч, Катюша и «катюша»; это нередко случается и в нашем языке, но особенно часто — в западноевропейских. Другое дело, если, прежде чем стать «просто словом», фамилия подвергается тем или иным видоизменениям. А такое положение тоже возникает сплошь и рядом, и особенно в русском языке, где всевозможные суффиксы, приставки и тому подобные формальные элементы слоё имеют очень большое значение.

Когда англичанин от фамилии плантатора Чарльза Линча, известного своей изуверской жестокостью, производит глагол, означающий «убивать, казнить без суда», он просто говорит: «Ту линч». Мы же, русские, изменяем это слово, наращивая на него глагольный суффикс и окончание, и получаем слово «линчевать». Оно, точно так же, как и все те слова, о которых я рассказывал, есть слово-фамилия, слово, порожденное фамилией; но характер его совсем другой. Говорить: «Он — старый летчик, он еще на „муромцах“ летал» — одно; сказать: «Тимофеевка ничем не хуже клевера» — другое. И тут и там мы пользуемся нарицательными именами, возникшими из имен собственных, но пользуемся ими совсем по-разному; вернее, — мы двумя различными способами производим эти слова. И нашему русскому языку второй способ, связанный с изменением формы собственного имени, свойствен гораздо больше.

Бесчисленное множество наших слов построено таким образом. От фамилии величайшего нашего полководца А. В. Суворова родилось слово «суворовец», означающее теперь просто «ученик военного среднего учебного заведения»; фамилия Нахимов дала слово «нахимовец». Мы называем яблоко «антоновкой» или грушу «мичуринкой»; мы говорим «ленинец», «ленинизм», «марксизм», «дарвинизм», легко и свободно превращая фамилии людей в слова с тем или другим предметным значением, иногда совершенно «вещественным», иногда отвлеченным. Способов для этого в русском языке множество.

Чаще всего применяются различные, обладающие каждый своим особым значением, суффиксы: так, например, один суффикс «-щина» позволил превратить целый ряд человеческих фамилий в существительные, означающие резко отрицательные общественные явления: «аракчеевщина», «петлюровщина», «колчаковщина»... Никому не придет в голову присоединить этот суффикс к имени человека, заслужившего народное одобрение, уважение, восторг; о движении, связанном с именем Льва Толстого, мы говорим «толстовство», а не «толстовщина». Суффикс «-ец» чрезвычайно распространился со времени Октябрьской революции; при его помощи мы легко и свободно превращаем ту или другую фамилию в слово, означающее последователей, сторонников, помощников человека, ее носящего: «стахановец», «кривоносов-ец», «чапаев-ец»; особенно много таких слов возникло в дни Великой Отечественной войны.

Мы умеем теперь действовать и совершенно иначе, так, как никогда не действовали дореволюционные русские люди. Мы сокращаем фамилию до ее инициала, иной раз сочетаем этот инициал с первой буквой имени, иногда связываем с такой же частью другой фамилии и получаем сокращенное слово, означающее тот или другой предмет, причем фамилия присутствует в этом слове, так сказать, в «засекреченном» виде. Вспомним такие слова, как **ТУ** — самолет, построенный **Туполевым**, или **АНТ** — самолет конструкции **Андрея Николаевича Туполева**, как **МИГ** — машина, выполненная по проекту инженеров **Микояна** и **Гуревича**. Ведь это всё — тоже «слова-фамилии».

Но не отказываемся мы от превращения в слова и неизменных фамилий, и даже имен; только особенно легко этому поддаются не наши русские личные имена, а иностранные, не имеющие на наш слух характерных для имени собственного признаков.

Давно вошли в русский язык такие слова, как «бойкот», а это — фамилия англичанина, некогда управлявшего именем в Ирландии, как «хулиган» (по розыскам лингвистов, слово

это происходит также от фамилии, и тоже ирландской). Мы бросаем врагам в лицо такие слова, как «квислинги» (предатели; по имени норвежского министра, сотрудничавшего во время войны с фашистами), «фрицы» (в смысле «немцы», от распространенного раньше в Германии имени Фридрих, Фриц); мы на каждом шагу превращаем даже в самом повседневном быту личные имена в имена нарицательные и часто не замечаем этого.

Учится в школе какой-нибудь мальчуган, допустим — Власов или Гавриков (заранее извиняюсь перед теми Власовыми и Гавриковыми, которые прочтут эту книжку), и учится неважно, и ведет себя плохо. И вот уже и директор, и завуч, и педагоги, и пионервожатые, а там и все ученики начинают говорить: «Нам Власовы не нужны!», «Ты — что, тоже в гавриковы решил записаться?» Фамилия Власов в пределах данной школы начинает звучать как «последний ученик», «бездельник», может быть — «хулиган». Но, разумеется, в соседнем учебном заведении в это же самое время портрет другого Власова может красоваться на Доске почета; там слово «власов» уже звучит как «отличник» или «герой». Поэтому, как только сойдутся вместе ученики и той и другой школ, слова снова превращаются в обыкновенные фамилии: Власовых-то много, и все они разные; в общерусский язык такие местные словечки проникнуть не могут.

Но если во всем мире есть один Наполеон Бонапарт, тиран и гениальный военачальник, предмет ужаса, ненависти одной части человечества и преклонения другой, — имя «Наполеон», так же как и фамилия Бонапарт, имеет все шансы превратиться в «слово». И вот уже А. С. Пушкин в «Онегине» пишет, указывая на общечеловеческие пороки:

Мы все глядим в Наполеоны...
...Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

Здесь, разумеется, имя Наполеон еще не имеет значения имени нарицательного, но все же сквозь его гордый звон уже прослушиваются первые признаки этого значения: «Наполеоны» хочется уже написать с маленькой буквы; ведь это «глядеть в Наполеоны» значит почти то же, что «норовить стать деспотом, тираном»; это уже почти существительное, со значением «завоеватель». Время идет, и уже легко встретить фразу, вроде: «Мир опасается нового наполеона», или: «Маленькие наполеоны стали появляться в разных концах вселенной».

А там, глядишь, фамилия Бонапарт, которая когда-то была сложным словом, итальянским словом, означавшим «лучшую часть», «доброю участь», окончательно утратила свое «фамильное значение», и в мире появилось не только слово «бонапарт», значащее «узурпатор, военный диктатор», но и производные от него слова — «бонапартист, бонапартизм». Подумайте сами: бонапартизм может возникнуть в любом конце мира, скажем, — в Южной Америке, Исландии или Японии, где никаких людей, носящих фамилию Бонапарта, нет и никогда не бывало. Значит, отношение у него к этой фамилии довольно отдаленное и косвенное. Опять фамилия родила слово, и слово это обошло весь мир. Это случилось, конечно, потому, что дела «последнего цезаря», в отличие от дел тех же Власова или Гаврикова, о которых мы говорили, затрагивали интересы всего мира.

Пожалуй, на этом можно поставить точку в данной главе и перейти к тому последнему, о чем мне хочется вам рассказать в связи с фамилиями (но далеко не к последнему из всего, что о них можно сказать).

Курам на смех

Мы видели в первой части этой книжки: имена издавна подвергались особым заботам законодателей, порою даже стеснительным заботам. Христианская церковь столетиями вела войну со всеми, кто хотел **нарекать** имена новорожденным по своему усмотрению, не считаясь с ее настойчивыми требованиями. Всюду и всегда существовали в мире различные

«святцы», списки общепринятых, как бы узаконенных имен; следование им было в некоторых странах (скажем, в дореволюционной России) строго обязательным, в других — не таким уже безусловным; но все же даже там, где на имена не накладывал свою тяжелую лапу закон, в дело все равно вмешивались его предшественники и заместители — обычай, мода, привычка, традиция...

В общем, почти повсеместно люди называли себе подобных, пользуясь в конце концов сравнительно небольшим, довольно ограниченным, кругом слов-имен. В специальной книге «Указатель святых православной церкви», которой обязаны были пользоваться священники в дореволюционной России, по подсчету ономастолога И. Кулишера, числится всего 681 имя, признанное церковью.

Он же сообщает, что у евреев, у которых духовные власти «предоставляли каждому свободный выбор имен, будь то даже заимствованные у язычников», можно насчитать от трех до четырех тысяч их, а германский народ имеет в своем распоряжении именов слов примерно в семь тысяч «единиц». Как будто порядочно; но ведь цифры эти ничтожно малы по сравнению с теми сотнями тысяч слов, которые составляют богатство любого современного хорошо развитого языка.

Совершенно иное дело — фамилии. Ни государство, ни церковь, ни даже само общество никогда не вмешивались с какими-либо требованиями или ограничениями в сложное дело придумывания человеческих фамилий. Правда, чем дальше, тем настойчивее власти стали понуждать граждан к тому, чтобы у каждого из них та или иная фамилия была; но самый выбор (точнее, само создание родовых имен) оставался всегда полностью в руках самих называемых. Государство обычно лишь зорко следило (следит в большинстве культурных стран и сейчас), чтобы раз принятая фамилия оставалась в общем неизменной; легко вообразить себе, какая бы началась путаница, если бы от этого отказались!

Бывали, правда, экстраординарные случаи, когда власть начинала навязывать бесфамильным до того подданным обязательное ношение фамилий. Случалось (крайне редко), что, натываясь на упрямое нежелание воспринимать это нововведение, представители власти раздавали новые фамилии в принудительном порядке — хочешь не хочешь, а изволь называться так-то! Однако все-таки, в общем и среднем, важнейшим (а мы видели, что оно очень важно!) делом этим ведали сами люди — обыкновенные, не слишком образованные, не имеющие никаких специальных познаний и сведений, неученые добрые люди. Они не сговаривались между собою, не устраивали никаких совещаний и конференций, а работали каждый за свой страх и риск, что называется, — как бог на душу положит. И неудивительно, что результаты работы этой, как всегда бывает в таких случаях, не слишком отклоняясь от некоторой средней нормы, приводили сплошь и рядом к совершенно непредвиденным, то странным, то нелепым, то смешным результатам.

Государство чаще всего спокойно мирилось с этими результатами. Видя какое-нибудь «богомерзкое», некалендарное, нехристианское (или «немусульманское») имя, власти поднимали ужасный шум, возражали, запрещали, искореняли его всеми способами.

Услыхав же, что тот или иной человек по каким-то, ему лишь ведомым, причинам носит даже самую чудовищную фамилию, они обычно реагировали на это весьма спокойно, примерно так, как Иван Александрович Хлестаков в гоголевском «Ревизоре» на робкую просьбу Добчинского.

«Добчинский . Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с

Хлестаков . Хорошо, пусть называется!»

И люди «назывались». Новые фамилии, взятые буквально «с потолка», «с бухты-барухты», как говорится, «высосанные из пальца», сыпались на мир дождем: теперь любители курьезов могут составлять из них самые причудливые и удивительные букеты.

В милой Скандинавии

Немецкий языковед Рудольф Клейнпауль рассказывает в своей книге о человеческих именах, будто он, путешествуя по Швеции, остановился в одном городке. Тотчас же ему пришлось столкнуться с целым цветником шедевров скандинавского именословия. Впрочем, неизвестно, был ли это цветник, зоологический сад или какая-нибудь еще более удивительная кунсткамера.

Хозяин дома, где он поселился (утверждает Клейнпауль), носил фамилию Розенлёве, то есть Розовый лев, и был женат на очень милой даме, урожденной Лилиенвассер, иначе говоря — Лилейная вода. Одну служанку звали Липовый цвет, другую — Луч чести (Эренштраль). Тут же около дома процветали: кучер Серебряный столп, портной Орлиное стропило, сапожник Тигровый шлем. К хозяевам в гости заходили то капитан Кедровый поток, то граф Бычья звезда, то трое студентов: Пальмовый лист. Ореховый прут и Лавровая ветка (Пальмблатт, Хазельгерте и Лорберцвейг).

Немец сам, Клейнпауль (то есть «Маленький Павел» по фамилии) (Фамилии типа Клейнпауль, Клейнпетер в Германии — скрытые отчества: «Малый Пётр» значит «сын Большого (старшего) Петра», Петров.) дает эти причудливые имена в немецком переводе, не сообщая, кроме одной или двух, как они звучат по-шведски; но от этих, может быть отчасти сочиненных или нарочито подобранных, фамилий можно довольно легко перейти ко всем известным и подлинным фамилиям исторических лиц Швеции.

Графский род Оксенштерна вы найдете во многих энциклопедиях: его фамилия, действительно, переводится как «Бычья звезда» (Oxenstjerna). В «Полтаве» Пушкина упоминается «пылкий» генерал Шлиппенбах; значение этой фамилии не покажется вам особенно прекрасным: она означает нечто вроде «Канавный поток». Швеция и Норвегия знают великого писателя Бьернстjerne Бьернсона, то есть Звезду-Медведицу-Медвежьего-Сына (см. стр. 120). Рядом со Шлиппенбахом в русский плен под Полтавой попал генерал граф Адам-Людвиг Львиная голова (Левенхаупт).

Всем хорошо известна замечательная шведская писательница Лагерлеф, автор удивительной книги про маленького Нильса, путешествовавшего по Швеции с дикими гусями; но ведь «Лагерлеф» означает «Лавровый лист». Почему же не поверить Клейнпаулю, что ему попался на пути человек с фамилией Лагерквист— «Лавровая ветка»—или другой, называвшийся, скажем, Пальменлёф—«Пальмовый лист»?

Что тут всего любопытнее? Пожалуй, не то, что в Швеции так много громкозвучных фамилий, а то, что в соседней Дании, да и в Норвегии, их почти нет. Вспомните главку «100 крон за фамилию»: в Дании перепроизводство всевозможных простонародных «-сенов». Ларсены, Свенсены, Иоргенсены буквально замучили датчан. А тут же рядом за узким Эресунном, в соседней Швеции, что ни портной или кучер,—то Серебряная шпора да Пальмовая роща... В чем дело? Разумеется, найти причину можно, и я уже называл ее (см. стр. 119).

Надо полагать, дело в истории обеих этих стран. В Швеции куда большее значение имели дворянство, военная аристократия: по сравнению с гордым королевством Карлов и Густавов маленькая Дания была мирной сельскохозяйственной страной. Тут не на чем было развернуться пышным феодалам, с их понятиями о наследственной чести, родословной гордости; не создано здесь и привычки к громким фамилиям или чванливым гербам. А там, в Швеции, для всего этого нашлось место.

Розалия Аромат

Вероятно, А. П. Чехов просто-напросто сочинил такую смешную фамилию. А почему «сочинил»? Тот же Клейнпауль, дивясь неожиданностям еврейского именословия, приводит такие, кажущиеся ему особенно странными, фамилии: Центнершвер («Весом в центнер»), Ихзельбст («Я сам»), Шувихсе («Сапожная вакса, гуталин»), или Вольгерух («Благовоние,

аромат»). Значит, это не выдумка. Да и лет пятнадцать назад во всех газетах мира рассказывалось о скандале, происшедшем в Англии с одним из ее министров, по фамилии Про-фьюмо. Профьюмо — английское произношение итальянского слова «профумо», а оно значит именно «Аромат».

Каждый, кому приходилось наблюдать удивительный пестроцвет еврейских фамилий, почти обязательно задавался вопросом: как и откуда могли взяться они, почему они так не похожи одна на другую, почему среди них такое множество как будто выдуманных нарочно с целью произвести озадачивающее, странное впечатление, — Риндкопф (Телячья голова), Пульфермахер (Делающий порох), Канегиссер (Поливальщик из лейки) и тому подобное?

Еще более поражает разнородность этого списка: рядом встречаются и такие, которые, безусловно, как-то связаны с русскими или польскими корнями (Спивак, Плотник, Пашерстник, Черномордик) и, несомненно, происходящие от корней немецкого языка, например, Шварц (Черный), Гольдберг (Золотая гора), Рубинштейн (Рубиновый камень), Фрейман (Вольный человек). И тут же вы наталкиваетесь на сочетания звуков, не объяснимые ни из каких европейских языков: Раппопорт, Хейфец, Лифшиц, Меламед, Шамес, Зархи и т. д.

Все эти тайны имеют свои разгадки, и коренятся они в сложном и трудном прошлом еврейского народа. Известно, что за период так называемой новой истории он много раз переселялся из страны в страну, видоизменяя свои обычаи, свою внешность и даже самый язык. Не говоря уже о странах Востока, евреи самой Европы делятся на две резко отличающиеся по языку ветви — южных, испанских евреев («сефардим») и северных, немецких, так называемых «ашкеназим». Первые говорят на языке, имеющем много общего с испанским (с примесью мавританских слов); вторые пользуются так называемым «идиш»; он построен на основе немецкого языка, с изрядным количеством славянских элементов. В одном романе, написанном французским евреем и описывающем жизнь евреев Франции, недаром трое братьев, сидя в парижском кабаке, поют шутивную народную песенку:

Дрей хазерим тринкен квас
(«Три свинушки хлещут квас»),

в которой, как легко понять, первое слово первой строки немецкое («дрей»—три), второе—древнееврейское («хазер»—свинья), третье—опять немецкое («тринкен»—пить) и четвертое—русское (квас).

Вполне естественно, что в такой сложной языковой среде могли образоваться самые разнообразные, ничуть друг на друга не похожие фамилии.

Если очень распространенные фамилии Соколик, Резник, Белоцерковский, например, родились, несомненно, на востоке Европы, в Польше, на Украине или в России, то столь же бесспорно, что такие фамилии, как Рейнгольд (Золото Рейна или Чистое золото), Фогельгезанг (Птичье пение) или Берлинер (Житель Берлина) могли создаться только в Германии.

Многие носят ясный отпечаток испанского языка; так, Раппопорт, весьма вероятно, надо расшифровать, как искаженное «ребе д'Опорто», то есть «Португальский раввин»; другие же восходят к древней, полузабытой стихии подлинного древнееврейского семитического языка; Клейзмор(Музыкант), Шамес (Служитель в синагоге), Нехамкес (сын Нехамы)... Надо сказать, что очень часто составные части, взятые из совершенно разных языков, великолепно уживаются тут в одном имени-слове: корень еврейский, а суффиксы русские; основа немецкая, окончания же типично славянские. Фамилия Рохлин состоит, например, из древнееврейского слова-имени Рахиль (в идиш — Рохэл), означающего «овца», и типично русского суффикса патронимической принадлежности «-ин», того же самого, что в наших «Марф-ин» или «Шуб-ин». Точно так же фамилия Рабинович сложена из древнееврейского «ребе» (учитель), звучащего в русской передаче как «раввин», и нашего «-ович»; оно значит, как мы хорошо знаем, «сын такого-то», «Равви-нович».

То же самое можно сказать про такие еврейско-немецкие гибриды, как Цфасман, Янкельзон или Гольдманн-Леви.

Все это понятно. Но, спрашивается, каким же все-таки образом возникли фамилии, удивляющие уже не формой, а значением, смыслом своим, такие, как то же «Я самый» (Ихзельбст). Объяснение этому следует искать опять-таки в истории еврейского народа.

Как и многие другие народы, евреи очень долго не знали того, что мы называем фамилиями. Подобно арабам, они отлично обходились без них, именуя друг друга только по личному имени и имени отца: Хисдаи бен-Исаак, Манассе бен-Израиль; частица «бен» в точности соответствует тут арабскому «ибн», с которым мы уже знакомы.

До поры до времени это не вызывало никаких особых неудобств; ведь и те народы, среди которых жили евреи, тоже долгое время не пользовались родовыми именами. Но постепенно положение изменилось; в мире, где жизнь сильно усложнилась, где с каждым днем все более развитыми и запутанными становились отношения между людьми, фамилии стали не только удобным, но и необходимым обыкновением. Их употребление стало в Западной Европе всеобщим: по фамилиям выдавались паспорта, по фамилиям набирались рекруты в армии, взимались налоги, по тем же фамилиям полиция производила свои розыски. И то, что среди большинства людей, имевших эти фамилии, жил народ, у которого их не было, стало выглядеть недопустимым с точки зрения властей беззаконием.

Вот почему в конце XVIII и начале XIX века в европейских государствах был опубликован ряд законов, по которым предписывалось всем евреям добровольно избрать себе те или иные фамилии. Эта непривычная мера вызвала сопротивление со стороны большинства еврейского населения: пользы для себя от новых имен они не видели никакой, а хлопот и неудобств предугадывали множество.

Тогда по отношению к непокорным были приняты насильственные меры. Специальные чиновники получили, например, в Австрии уже в восьмидесятых годах XVIII столетия право награждать каждого еврея любой фамилией по своему собственному усмотрению, если те отказываются придумывать их для себя сами.

Вот тут-то и началась суцая свистопляска сочинительства. Австрийские «аудиторы» быстро обнаружили в новом законе источник получения всяческих выгод: ведь они могли навязать человеку такую фамилию, которую было неловко, противно или оскорбительно носить. В то же время они имели право утвердить или запретить фамилию красивую, благозвучную; значит, за такое благодеяние можно было получить взятку. Естественно, что люди побогаче и пообразованнее готовы были идти на всякие расходы, лишь бы к ним не приклеивалось навек какое-нибудь дурацкое прозвище; в то же время беднота, мало знакомая с новым обыкновением, довольно равнодушно относилась к этим именам, придерживаясь старинного правила:

«Меня хоть горшком назови, только в печку не ставь!» Почти у каждого человека в те времена было, кроме имени, еще и прозвище — чаще насмешливое или презрительное, чем уважительное. «Аудиторы» охотно закрепляли за человеком нелепую или юмористическую кличку совершенно бесплатно; вот если он назывался благозвучно, за сохранение этого прозвища в виде фамилии требовалась уже уплата денег. А часто возникала угроза, что прозвище более или менее сносное заменят другим, противоположным по смыслу, или так исказят, что рад не будешь. Словом, все стало возможным и за все теперь приходилось платить.

Одни скрепя сердце шли на эти неожиданные расходы. Тогда, скажем, человек, по прозвищу Кноблаух (то есть «Чеснок»), за некоторое вознаграждение становился господином Вольгерухом, то есть «Благовонием», или «Ароматом». Зато, если он был скуп и не желал заплатить жадному «аудитору», его навсегда превращали, скажем, в Канальгеруха, то есть в «Канавную вонь». Из господина Кёстлиха (Дорогого) делали господина Биллига (Дешевого); за тучным человеком навек закрепляли имя Центнершвера (Пудовика) и вообще издевались как хотели. Зато щедрые богачи именно в это время легко приобретали такие звонкие, душистые, сверкающие всеми цветами радуги фамилии, как Вейльхендуфт (Запах

фиалок), Розеншток (Розовый ствол) или Мандельблом (Цвет миндального дерева).

Так обстояло дело в Австрии. Известен случай, когда один несчастный житель Львова поплатился сотней флоринов только за то, чтобы в приданную ему совершенно неблагозвучную фамилию вставили лишнюю букву, делавшую ее хоть такой же некрасивой, но по крайней мере хоть сносной, превратив, скажем, его из Потногого в Плотногого. 100 флоринов, золотых монет, за одну букву! Каково?

Но примерно то же самое происходило и в других странах Европы. Во Франции такой же закон опубликовал Наполеон, стремившийся не упустить ни одного новобранца для своих армий, ни одного налогоплательщика для сбора пошлин; в Пруссии, в 1812 году, — министр Гарденберг. Новые фамилии создавались сотнями и тысячами; в спешке где уж было долго размышлять над ними? Даже не имея корыстных намерений, чиновники не задумывались над этим вопросом. Один брал подряд названия всех известных ему животных, и из-под его пера выходили на свет бесчисленные господа Гирши (олени), Бэры (медведи), Фуксы (лисы):

именно поэтому теперь насчитывается около дюжины типичных для немецких евреев «звериных» фамилий. Другой призывал на помощь перечень известных ему цветов, растений, металлов или минералов и создавал людей с фамилиями Купфер (Красная медь), Мессинг (Латунь), Эйзенштейн (Железная руда), Блейман (свинцовый человек), Зильберман (Серебряный человек), Гольдман или Гольдштейн («гольд» — золото). Третий прибегал к домашней утвари, — появились Мессеры (ножики), Габели (вилки), Лёффели (ложки). Словом, каждый резвился как хотел, а в результате вновь созданные фамилии начинали жить своей, уже не зависимой от воли чиновника жизнью: они вместе со своими владельцами переселялись из страны в страну, записывались новыми людьми в новые документы на новом языке, изменялись и искажались на сотни ладов.

Если вы поставите в один ряд фамилии известного московского дипломата времен Петра I, барона Шафирова, многочисленных наших современников, именующихся Шапиро, писательницы начала XX века Ольги Шапир и американского лингвиста Эдуарда Сепира, — вы вряд ли заподозрите, что у всех у них одно и то же имя, восходящее к древнееврейскому слову, означающему «прекрасный».

А между тем это, несомненно, так. Точно так же, встретившись с еврейской фамилией Зеличёнок, редко кто из людей, не искушенных в ономастических расследованиях, сразу сообразит, что видит перед собою несомненное слово Зееле (Seele—душа). Из немецко-еврейского ласкательного словечка «мейне Зееле», «душечка», «душенька», оно стало сначала таким же ласкательным, но уже обрусевшим словом: «мой зелик», «душончик». Потом — сделалось одним из своеобразных, только еврейскому языку свойственных «народных» или «дополнительных» имен, которые существуют у евреев рядом со «священными» или «основными» именами и называются «кинуим» (священные имена — вроде Исаак, Израиль, Соломон — носят специальное название «икор»). Теперь оно стало звучать уже как Зелик, а в дальнейшем появилось великое множество производных от него фамилий как с немецким оформлением (Зеликсон, Зеликман), так и со славяно-русским: Зеличёнок. Зеличёнок — это и есть Зеликсон, «сын души». Подите догадайтесь обо всем этом, если вы не знаток вопроса!

Вот почему лингвист Клейнпауль, который посмеивается, подбирая длинные списки нелепых на его взгляд еврейских фамилий, поступает, с точки зрения науки, довольно наивно и легкомысленно.

Во-первых, сами немцы в этом отношении не отстают: смешных и странных фамилий у них ничуть не меньше, чем у других народов. Чем Хмелев с Виноградной горы (Рауш фон Траубенберг) лучше, нежели Фогельгезанг (Птичье пение), или почему еврейско-немецкая фамилия Питчпатч (Шлепай-смазывает) более заслуживает удивления, нежели просто немецкая Вайншенкер (Виночерпий)? Во-вторых же, он только смеется, а в данном случае куда разумнее было бы заглянуть в историю этого явления и понять, что причины, по которым оно возникло, не столько забавны, сколько поучительны и, пожалуй, печальны.

Еще два слова

Фамилия! Удивительная все-таки это штука... Конечно, — и мы с вами в этом могли уже давно убедиться, — фамилии появляются на свет далеко не случайно и не беспричинно. Но дело в том, что почти всегда рождаются они, так сказать, применительно к каким-то временным обстоятельствам, а потом переживают эти обстоятельства на годы, десятилетия и даже на века. Естественно, что сравнительно короткое время спустя люди утрачивают память о том, откуда фамилия пошла и почему она связалась с данным родом. То, что было по отношению к далекому предку естественно и закономерно, становится по отношению к его праправнукам странным и непонятным. Связь между фамилией и людьми, ее носящими, становится совершенно случайной, а точнее говоря—порою ее даже и заподозрить трудно.

Живет гражданин, носит фамилию Казаринов (передо мною в современном телефонном списке — четверо Казариновых) и ни сном ни духом не ведает, что может она означать. И еще бы: если он обратится к оноματοлогу, тот объяснит ему, что она означает «сын хозарина», то есть представителя хозарского народа. Но ведь хозары исчезли уже в десятом веке; каким же «сыном хозарина» может быть современный нам человек? Видимо, тот род, к которому он, этот наш современник, принадлежит, может по своей древности соперничать с самыми древними аристократическими родами России: уж во всяком случае, он не намного отстал от пресловутых Рюриковичей! А кроме того, можно сказать довольно уверенно, что первый Казаринов был назван так не зря. Наверняка он и на самом деле был либо сыном выходца из Хозарского царства, либо же, по еще свежей памяти о жестоких войнах между русскими и хозарами, его отца назвали — то ли в честь, то ли в поношение — чужестранным именем «Хозарин».

Приведу еще один, не так далеко уходящий корнями в прошлое, пример. В Ленинграде живет сейчас несколько граждан, носящих фамилию Чевычеловы. Вероятно, вы затруднились бы без особых справок истолковать ее значение. Я тоже долго размышлял над этим словом: Чевычелов!

Известно, что на крайнем северо-востоке нашей страны существует слово «чавыча»; так называется очень важная в промысловом отношении порода тихоокеанских рыб. Можно легко представить себе, что ловцы чавычи могут называться где-либо на Камчатке «чавычеловами»; легко допустить, что слово это, слегка изменившись, могло превратиться в фамилию Чевычелов: гласный звук в первом слоге так далеко отстоит тут от слога ударного, что должен был стать очень неустойчивым; так, в слове «шаловлив» народное произношение легко заменяет первое «а» на «е»: «шелавлиф».

Мне повезло в том отношении, что один из носителей фамилии Чевычеловых оказался моим знакомым. Если бы выяснилось, что его род вышел с востока Сибири, гипотеза, связанная с рыбными промыслами, была бы подтверждена.

Однако оказалось, что он — уроженец одной из среднерусских областей. В средней России чавыча не водится, слово это там неизвестно, и придуманное объяснение повисло в воздухе.

Но вот товарищ, носящий эту фамилию, поехал на летний отпуск в свои родные места. Он начал задавать старикам односельчанам вопросы о прошлом своей семьи. И скоро открылось: да, ее основателем был какой-то, теперь уже забытый, человек — не здешний, пришелец, явившийся откуда-то издалека, как будто из Сибири. А если так, то вполне возможно, что любопытное родовое имя это действительно имеет такое происхождение, какое мы приписали ему. Но подумайте сами, как трудно установить точную истину даже в таком совершенно простом, почти что на глазах нашего поколения возникшем «ономастологическом» случае. А ведь большинство фамилий куда древнее только что разобранных.

Таким образом, обычно возникает положение, при котором между делами, жизнью, личными особенностями человека и той фамилией, которую он носит, не остается никакого соотношения. Нынешние Казариновы не могут считаться детьми девятьсот лет назад

вымершего народа. Современные Чевычеловы могут не только не ловить чавычи, но даже и не знать, что такая рыба существует на свете; это неудивительно. Удивительно другое: носителей фамилий на свете так много, что порою получаются совершенно неожиданные и даже неправдоподобные совпадения.

Гражданин Аптекарь становится заведующим не чем-либо другим, а именно аптекой. Или, наоборот, у заслуженного, обладающего большим стажем судьи оказывается фамилия Неправедный... Вот о некоторых таких курьезных совпадениях, которые встретились мне при моих постоянных раскопках в мире человеческих имен и фамилий, мне и хочется напоследок рассказать. Хотя, конечно, никакого научного значения эти курьезы не имеют.

В довоенные годы в Ленинградской адресной книге мне пришлось натолкнуться на своеобразную фамилию Конфисахар, причем поразила меня главным образом не она сама, а то, что товарищ, носивший ее, являлся, судя по справочнику, работником кондитерского треста. Я не знаю, откуда могла появиться на свете такая сложная и причудливая фамилия, которая, несомненно, сложилась из двух слов: «конфета» и «сахар», и был бы очень благодарен ее носителям, если книга эта случайно попадет им в руки, за сообщение тех объяснений, которые, несомненно, существуют в их семье. Склонен думать, что кто-то из предков этих граждан много лет тому назад занимался где-либо на территории нашей страны (и, всего вернее,—в ее западной части) кондитерским производством, работал в кондитерских или имел свою торговлю сладкими товарами, но, может быть, дело обстояло и как-нибудь иначе. Фамилия Сахар не такая уж редкость; граждане, носящие ее, попадаются довольно часто (хотя и реже, чем те, что зовутся Сахаровыми). Но вот соединения этой основы со второй я больше не встречал ни разу. А появление именно этой фамилии в списках служащих «конфетно-сахарного» кондитерского предприятия приходится, разумеется, считать чистой случайностью, курьезом, «игрой природы».

Не так давно попала мне в руки тетрадь фронтовых записок, из которой я с чрезвычайным интересом узнал, что в одной из наших воинских частей в дни войны отличался чрезвычайно смелый боец-снайпер, фамилия которого была Нестреляй.

Пришлось мне встретить в жизни одного очень неплохого и всеми уважаемого медика, который всегда стеснялся удивительного совпадения, омрачавшего всю его докторскую деятельность. Дело в том, что, если бы он вздумал повесить у себя на двери обычную профессиональную табличку, больные заходили бы к нему всегда в веселом настроении, потому что на табличке этой пришлось бы написать:

Наконец, не могу не упомянуть и еще об одном довольно редкостном совпадении. Не помню уже сейчас, где и по какому случаю, но мне пришлось прочесть адрес некоего инженера треста слабых токов, который носил фамилию Элемент. Поскольку электрический элемент (батарея) никакого именно тока, кроме слабого, и дать не может, это совпадение фамилии и специальности несколько озадачило меня, показалось каким-то нарочитым, искусственным. Но я заглянул в дореволюционные адресные книги и с еще большим удивлением отметил, что гражданин Элемент, Владимир Иванович — тот же самый или родственник этого — жил уже и тогда в Петербурге на Калашниковской набережной и служил в одном из тогдашних электромеханических или электростроительных предприятий. Стало ясно, что совпадение это не нарочитое, а причудливо-случайное. Но откуда и как могла все же возникнуть сама фамилия Элемент, мне так до сих пор и неясно.

Впрочем, какими только способами они не являются на свет, фамилии. Еще в 1916 году в тогдашнем петроградском справочнике — адресной книге я натолкнулся, к крайнему своему удивлению, на человека по имени Николай Николаевич, а по фамилии Робинзон-

Крузо. В 1916 году он жил в доме 4 на Дворцовой площади. Робинзон-Крузо — петербуржец! Наверное, я сразу же выяснил, кто он такой?

Нет, не выяснил: мне было только 16 лет, и я еще не занимался ономастикой. Но в первом издании «Имени» я написал об этой фамилии и высказал предположение, что кто-либо из предков Н. Н. Робинзона-Крузо был крепостным у помещика-чудака, любителя приключенческой литературы, и тот, отпуская его на волю, мог наградить его любой фамилией по своему вкусу, в частности и такой.

Прошло еще два года, и внезапно я получил письмо от Робинзона-Крузо. Он оказался ветераном сцены, бывшим солистом Большого московского театра, певцом, интереснейшим человеком. Мы встретились с ним, и я узнал подлинную историю рода Робинзонов-Крузо.

По его словам, первым носителем этой фамилии был его родной отец, Николай Федорович Фокин. Служа матросом на одном из пароходов «Добровольного Флота» в царской России, по сложному стечению обстоятельств, был послан капитаном судна на маленький островок в Индийском океане за пресной водой и разразившимся штормом отрезан на три дня от своего корабля. Когда матроса Фокина удалось с «необитаемого острова» снять, капитан перекрестил его в Робинзона-Крузо. На сегодня Николай Николаевич не единственный носитель этой громкой фамилии на Руси. В газетах уже упоминались его внук и его племянник, тоже Робинзоны-Крузо.

Как видите, **догадаться**, как все это произошло, узнать путем размышлений — немислимо. Надо знать факты, тогда станет ясно и происхождение фамилии. А факты не всегда бывает легко добыть.

Кончая на этом рассказе главу о фамилиях, я хотел бы одного. Я хотел бы, чтобы мои читатели начали приглядываться к этим любопытнейшим образованиям нашего языка. Чтобы они не пропускали их мимо глаз, запоминали, записывали и либо хранили бы эти записи до удобного случая, либо пытались бы сами, а лучше с помощью людей осведомленных, разобраться в их происхождении.

Советую, однако, не забывать при этом, как трудно в таких случаях найти правильное решение, с какой осторожностью надо высказывать свои догадки, и как необходимо проверять каждую из них по документам, по беседам живых свидетелей, по данным не одного лишь языкознания, но и многих других наук, прежде чем сообщить о своем заключении широкой публике.

СПИСОК РУССКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИМЕН

(с указанием их происхождения и значения)

Если сегодня произвести обследование имен, принадлежащих гражданам нашей страны, окажется, что подавляющее большинство все еще носит старые календарные имена. И детей своих донныне мы чаще всего называем этими именами. А о том, что означает каждое из них, мало кто имеет хоть приблизительное представление. Поистине почти всех нас, так сказать, «зовут зовутками». Разумно ли это?

Мало того; читая наших писателей, мы в самых прославленных их произведениях, не зная которых не имеет права культурный человек, встречаемся снова с этими же самыми «старыми» именами. А ведь художники слова, как мы видели, не по произволу и не случайно именуют своих героев: нередко выбором имени, самым значением его или его характером они как бы дорисовывают образ и характер человека. Мы не знаем в нашей классической литературе ни одной кисейной барышни Матрёши, ни одного рабочего или крестьянина Валентина. При этом нередко обнаруживается, что писатели прошлого очень хорошо помнили русские святцы, изучали их и, слыша или выбирая то или другое имя, отлично

представляли себе его исходные смысл и значение.

Как вам кажется, случайно ли И. А. Крылов назвал Тришкой горемыку — владельца знаменитого кафтана? Не все ли, собственно, равно, как величать этого смешного растяпу?

Нет, не все равно. Найдите в нашем списке имя Трифон, и вы узнаете, что оно по-гречески означает «роскошно живущий, богач». И вот у этого-то «роскошно живущего» «на локтях кафтан продрался»... Не ясно ли, что под видом парня-растрепы баснописец изображает тут кого-то совсем другого. Не намекает ли он на тех безалаберных помещиков своего времени, которые, не зная, как заткнуть дыры в огромном хозяйстве, продавали лес, чтобы спасти поле, или заводили винокурные заводы за счет распродажи скота? Да и помимо этого, басня становится еще ядовитее в глазах того, кто понимает, что значит «Тришка».

Или вот: почему Н. А. Некрасов в поэме «Крестьянские дети» заставил балагура-мастерового рассказывать ребятам притчу именно про Вавилу, а не про Данилу, Гаврилу или какого-либо другого человека?.

Помните:

...У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило:
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...

Случайно ли такая история произошла именно с Вавилой? Вряд ли так: имя Вавила означает (см. стр. 245) по-древнееврейски «бунтовщик»; понятно, что он-то и взбунтовался против «господа бога», стал на него «роптать», за что и был наказан свыше. Некрасов встречал на своем пути множество говорливых крестьян-рассказчиков; он великолепно знал, как любят они играть в своих прибаутках и побасенках тайными значениями православных имен.

Возьмите, например, пословицу:

При деньгах Панфил всему миру мил,
А без денег Панфил — никому не мил.

Очень горькая пословица, великолепно выражающая самую суть старого мира, где человек человеку был волком. Но ее ирония становится еще более едкой, если принять в расчет, что по-гречески имя Панфил (иначе — Памфил, см. стр. 262) означает «всем милый».

Или — Макар. По русским пословицам и поговоркам, все Макары — такие уж неудачники. На Макара «все шишки валятся»; Макар «гоняет телят» к черту на кулички... А слово «Макар» по-гречески имеет значение «счастливчик», «блаженный».

Знай мы хорошо, что значат наши календарные имена, мы, возможно, нашли бы новые оттенки смысла во многих народных песнях, сказках, прибаутках... Беда в том, что мы этого не знаем.

Вы сто раз слышали выражение «Аника-воин сидит да воет» и, вполне возможно, недоумевали даже, почему именно «Аника»? На кого намекает поговорка? А она намекает не на кого, а, скорее, на что: Аника, Аникетос, по-гречески — «непобедимый». И вот этот-то «непобедимый» на словах хвастун и «взвыл»...

Нет, ей-ей, есть смысл в изучении наших старых имен. Да и помимо этого, — что за интерес самому носить вместо имени ничего не означающую кличку? Если бы иной Виктор с детства знал, что его зовут «Победитель» (по-латыни Виктор — «победитель»), он, пожалуй, иначе и вел бы себя. А кроме всего, изучение имен, их значений и их истории много способствует более ясному взгляду на язык, на жизнь слов.

Этого одного достаточно, чтобы оправдать длинный перечень их, который я решил приложить к моей книге.

В него я включил, по возможности, те имена, которые и сегодня попадают в народе. К ним пришлось прибавить некоторые, уже забытые, но связанные с произведениями наших великих писателей: как же можно упустить Пульхерию, если каждый из нас помнит Пульхерию Ивановну из «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя? Надо ли вычеркивать Агафона, раз этим именем случайный прохожий так напугал и ошарашил бедную Татьяну в «Евгении Онегине» в таинственный час гадания?

У меня был соблазн расширить список за счет многих иностранных имен, все чаще встречающихся теперь в нашем быту. Однако, поразмыслив, я остановился только на нескольких самых обыкновенных: конечно, никто не запрещает называть наших дочерей Брунгильдами, а сыновей Тристанами или Лоэнгринами, однако все такие возможности немислимо учесть. Да и попадают-то они обычно как редкие исключения.

Нельзя пока что составить и отдельный список новых, так называемых советских, имен. Как мы уже видели, народ только пробует их, только как бы производит над ними опыты. В моей коллекции таких имен, — записанных в гуще жизни, то есть подлинных, — имеются самые неожиданные. Есть девушка, которую зовут Добрыня (хотя это мужское имя), и молодая женщина, носящая имя Лель (тоже мужское); есть целый ряд юношей, названных родителями-физиками не по «святцам», а по «таблице Менделеева» — Осмий, Радий, Тантал, Ванадий, даже Глиний. Попадают имена труднопонимаемые, такие, как Ординард или Инотар, или очень неудобные при сочетании с фамилиями и отчествами: Идея Глупова, Аэлита Барсучок. Есть и красивые и удачные; но кто может сказать сегодня, которые из них останутся и войдут в список употребительных имен, а которые будут забыты навсегда? Сейчас еще не известно, привьется ли у нас обыкновение превращать, как это принято в странах английского языка, в имена фамилии известных людей, или зарегистрированные у меня «Дарвин», «Вольт» и пр. останутся только исключениями. Неизвестно и многое другое: составление рекомендательного списка новых имен не могло стать одной из моих задач; этим, несомненно, займутся другие авторы.

При толковании имен мною были использованы разные пособия, в том числе старинные справочники, составленные в религиозных надобностях, так называемые святцы. Их составители обычно неплохо знали нужные для понимания имен языки. Однако они не были учеными-филологами; с научной точки зрения, не все их «этимологии» заслуживают одинакового доверия. Кроме того, им мешало их мировоззрение: они всё старались повернуть на церковный лад. Древние греки вкладывали в имя Теодор значение «дар богов» — многих богов языческого Олимпа, а монахи и священники заменяли «богов» единым христианским «богом». Имя Харис в Греции означало радостную земную любовь, пылкую и здоровую; священники же толковали его, как «любовь к распятому Христу» или как-нибудь еще того печальней и унылее. Вот почему в их толкования пришлось вносить множество поправок.

Нередко старинное объяснение оказывалось голословным. Сказано, что имя Римма означает «бросание», а на каком языке, и откуда это известно, — неведомо. Там, где рядом с этим толкованием не существует (или остается мне неизвестным) другого, более достоверного, я сохранил такие пояснения, оговорив их неокончателность и сомнительность. Их не так уж много, и отказываться от них без твердых на то оснований нет необходимости: может быть, они и справедливы. Что же до неполной категоричности таких решений задачи, то там, где дело касается этимологии слов вообще и имен в частности, это — вещь вполне обычная. Даже самое на вид удачное объяснение тут может быть заменено другим, лучшим, как только для этого найдутся достаточные основания. Ничего страшного в этом нет. Само собой разумеется, что толкования, почерпнутые мною из более современных источников, из специальных работ по ономатологии и словарей, отличаются большей твердостью. На их изменение шансов несравненно меньше.

Прежде чем углубляться в изучение списка имен, следует присмотреться к тому, как он построен.

Каждому попавшему в него имени посвящено отдельное объяснение; иногда оно состоит из двух-трех слов, иногда бывает более пространным.

Каждое объяснение начинается с самого имени. Чаще всего (но не всегда) оно дается в той своей форме, которую можно назвать русской книжной, или официальной: не греческое Александрос, не русско-народное Ляксандра, а привычное нам по литературе, документам и речи культурных людей — Александр.

Однако возможны и исключения. Так, официальная форма имени Акилина почти никогда не употребляется в живой речи; вместо нее мы пользуемся народным Акулина. Чтобы не затруднять поисков, именно эта форма и дается нами. В других случаях сделано иначе: если две формы отличаются слишком сильно и попадают в далекие части списка, они приводятся обе, со ссылками друг на дружку:

Устинья — см. Ю с т и н и я

Елеазар — см. Л а з а р ь, и т. п.

Сразу же за именем в скобках дано, в сокращении, указание на язык, из которого в свое время было церковью позаимствовано данное имя. Вот список наиболее часто встречающихся таких «помет»:

(арам.) — из древнеарамейского языка.

(вост.) — из одного из восточных языков.

(герм.) — из древнегерманских языков.

(гр.) — из древнегреческого языка.

(груз.) — из грузинского языка.

(е.) — из древнееврейского языка.

(егип.) — из древнеегипетского языка.

(перс.) — из древнеперсидского языка.

(р.) — из римского (латинского) языка.

(сканд.) — из скандинавских языков.

(слав.) — распространено в ряде славянских языков, помимо русского.

Тот, кто внимательно прочел всю эту книгу, не удивится, заметив, что 90% наших имен, в том числе самые, казалось бы, исконно русские — Иван, Марья, Федор, Кузьма, Василий, — на поверку оказываются имеющими чужезычные корни и происхождение. Тому же, кто начал чтение с конца, с перечня, рекомендуется вернуться на стр. 37 и предварительно внимательно познакомиться с главой «Ономамахия»: в ней рассказывается о многовековой борьбе между русскими и ввозными именами, протекавшей на Руси на протяжении долгих столетий.

После пометы о происхождении, как правило, следует само объяснение первоначального значения имени, точнее — значения того слова, из которого оно было образовано у себя на родине. Например, имя Георгий восходит к греческому слову «георгос» — земледелец; славянские варианты его — Егор, Ежи, Иржи, Юрий — тоже связаны с этим словом, но уже только косвенно. Имя Георгий в Греции и сегодня может быть понято как «земледельческий»; имени Юрий у нас никто и никогда без специального объяснения так не поймет. Его и вообще никак нельзя «понять»: имя — и всё тут!

Во многих объяснениях мне показалось полезным рядом с собственными именами привести и те, живущие сегодня в нашем языке, слова, которые родственны этим личным

именам, происходят от одних корней с ними:

Лаврентий и лауреат.
Гликерия и глицерин.

Думается, такие сопоставления будут небезыntenесными для любознательных читателей, а книжка моя рассчитана именно на них.

Некоторые объяснения довольно сильно разрослись, и не без причин. Есть имена, в жизни которых происходили такие любопытные приключения и которыми испытаны такие неожиданные странности и повороты судьбы, что казалось неразумным не коснуться этих особенных обстоятельств. Таковы, например, путаница с именем Герман, история изменений имени Магдалина, сложные взаимоотношения между именем Прасковья и словом «пятница». Я позволил себе коротко познакомить читателя с этими сторонами их «биографий».

Я убежден, что угодить на каждого мне все же не удалось. Один читатель не найдет в моем перечне того имени, которое носит его дядя или двоюродная сестра, другой огорчится по поводу отсутствия в нем имен нерусских, но часто встречающихся теперь у нас (Альберт, Эдуард, Аида, Виолетта). Найдутся и такие, которые будут сожалеть, что я недостаточно глубоко и подробно изложил историю имен, фамилий, отчеств, упустив и оставив в стороне огромный материал и зарубежных языков и языков братских народностей Советского Союза.

Таким читателям я могу привести в свое оправдание одно — очень малый объем моего труда. Ответы на все свои вопросы они могут найти, но уже в больших специальных работах по ономатологии. Туда я их и направляю, ограничившись здесь лишь кратким словариком наиболее часто встречающихся календарных имен.

Сокращения

(арам.) — из древнеарамейского языка.

(вост.) — из одного из восточных языков.

(герм.) — из древнегерманских языков.

(гр.) — из древнегреческого языка.

(груз.) — из грузинского языка.

(е.) — из древнееврейского языка.

(егип.) — из древнеегипетского языка.

(перс.) — из древнеперсидского языка.

(р.) — из римского (латинского) языка.

(сканд.) — из скандинавских языков.

(слав.) — распространено в ряде славянских языков, помимо русского.

Абрам (е.) — великий отец народов. В русском быту существовали варианты: **Авраам**, **Авраамий**, **Аврам**.

Август (р.) — величавый, священный. В русских святцах не фигурировало. До революции слово «августейший» значило «царственный».

Августа .— Женская форма к имени **Август**.

Авенир (е.) — отец (бог) есть светоч.

Агата (гр.) — добрая, хорошая. Ср. название полудрагоценного камня агат. Народная русская форма — **Агафья** (ср. Агафон).

Агафон — добрый, благородный. Того же корня, что **Агата**. Пушкин комически обыграл в «Евгении Онегине» тот факт, что имя это числилось у нас «мужицким»,

«подлым». См. в сценке святочного гаданья:

«„Как ваше имя?“ Смотрит он
И отвечает: *Агафон*», —

«отвечает» к неудовольствию Татьяны: по ее мнению, «Агафон»—крайне неблагоприятное имя!

Аглаида (*гр.*) — дочь красоты, прелести. См. стр. 109—110 (ср. **Аглая**).

Аглая (*гр.*) — красота, блеск. В пушкинскую пору поэты любили именовать «Аглаями» пышных зрелых красавиц.

Агнесса (*р.*) — овечка. Ср. русское слово «агнец», родственное латинскому «агнус»—барашек (ср. имя **Рахиль**).

Агния (*р.*) — чистота, непорочность. Из *agnus* — агнец.

Адам (*е.*) — человек. Вылепленный из земли. Первоначально и буквально—красная земля,

краснозем.

Адриан (*ант.*) — житель Адрии. Ср. Адриатическое море. Форма Андриан—неправильна.

Акакий (*гр.*) — беззлобный. См. стр. 19.

Акулина (*р.*) — (в святцах **Аквилина**) —орлиная. От «аквила»—орел.

Аким . — Русская форма от имени **Иоаким** .

Аксинья (и **Аксенья**).—Русск. нар. ф. от имени **Ксения** . На Украине звучит, как **Оксана** .

Алевтина (*гр.*) — натирающая благовониями; по другому толкованию—отражающая.

Александр (*гр.*) — защитник людей. Ср. «скафандр» — лодка-человек.

Александра — женск. к **Александр** .

Алексей (*гр.*) — защитник. Ср. «алексины»—вещества в крови, защищающие от микробов. Церковное **Алексий** ; ударение на «е» — неправильно.

Алла — значение и происхождение неясно.

Анастасия (*гр.*) — воскресение. Первоначальное значение: переселение.

Анатолий (*гр.*) — восточный.

Ангелина (*гр.*, но с лат. суф. «-ин») — антелица, ангельская.

Андрей (*гр.*) — мужественный, храбрец. Ср. **Алекандр** .

Аникита (*гр.*) — непобедимый. Ср. **Вероника** , **Никита** . На Руси имя это получило форму **Аника** .

Анисим .—Неправильное написание вместо **Онисим** .

Анисья (*гр.*) — успешно свершающая.

Анна (*е.*) — грация, миловидность.

Антоний (*гр.*) — Точного истолкования не имеет. Русск. нар. ф.—**Антон** .

Антонида (*гр.*) — дочь Антония. О суф. «-ид-»

Антонина (*гр.*, но с лат. суф.) —Женская форма от **Антон** .

Анфиса (*гр.*) — цветущая.

Аполлинарий (*гр.*) — посвященный Аполлону.

Аполлинария . — Женск. ф. от предыдущего имени.

Аполлон (*гр.*) — погубитель. Имя бога солнца Аполло у греков означало: солнце, палящее, сжигающее.

Ардальон .—В христианских святцах толкуется, как грязнуля, замарашка. Возможно—лат. «хлопотун, надоеда».

Ариадна —от греч. «ари»—очень и «андано»— нравиться.

Аристарх (*гр.*) — глава лучших. Ср. слова «арист-о-крат» и «мон-арх».

Аркадий (*гр.*) — житель Аркадии, центральной области Древней Греции. Имя Аркадия того же корня, что Арктика, значит: страна медведей.

Арий (*е.*) — лев.

Арсений (*гр.*) — мужественный, мужской.

Артемий (*гр.*) — здоровый. Ср. **Валентин** .

Артемон (*гр.*) — парус (брамсель). Имя у нас неупотребительное, но встречающееся в известной сказке А. Толстого «Золотой ключик» в качестве клички собаки пуделя.

Архип (*гр.*) — начальник конницы. Ср. со словами «архи-плут» и «иппо-дром» (поле для конских бегов).

Афанасий (*гр.*) — бессмертный. Ср. медицинский термин «танатефобия» — болезненная боязнь смерти. (О переходе звуков «ф» и «т» см. стр. 23).

Афиноген (*гр.*) — рожденный богиней Афиной.

Бенедикт , (*р.*) — благословенный. Русск. форма — **Венедикт** .

Богдан (*русск.*) — данный богом. Имя не каноническое, церковью не признанное. В древности означало: данный богами.

Боголеп (*русск.*) — угодный, приятный богу. Церковью рассматривалось, как перевод греческого **Феопретий** — богу приличествующий.

Борис (*русск.*) — возможно, сокращенное из **Борислав** , как древнее **Борим** из **Боримир** .

Вавила (*е.*) — мятежник, бунтовщик. См. стр. 237.

Вадим (*русск.*) — смутьян, спорщик. От древне-русск. глагола «вадити», сеять смуту, споры. Сокращ. от **Вадимир** .

Валентин (*р.*) — здоровый, сильный. От римск. «валерэ» — быть здоровым. См. в «Евгении Онегине»: «В конце письма поставить vale» (т. е. «будь здоров» по-латыни).

Валентина .— Женск. ф. от **Валентин** .

Валерий . — От той же основы, что и оба предыдущие, и с тем же значением.

Валериан .—Тоже.

Валерия . — Женск. ф. от **Валерий** . В Древнем Риме: женщина из рода Валериев.

Варадат (*иранск.*) — дар любимого. См. стр. 20.,

Варахисий (*вост.*).— Значение не выяснено. См. стр. 20.

Варвара (*гр.*) — дикарка, варварка. Первоначальный смысл слова «барбарос» близок к нашему «тара-бара», «балаболка» — болтающий непонятное, т. е. «говорящий не по-гречески». Имелась и мужск. ф. этого имени — **Варвар** , малоупотребительная, но встречающаяся в литературе.

Варлаам (*вост.*) — сын народа.

Варух (*е.*) — благословенный. Ср. **Бенедикт** .

Варфоломей (*арам.*) — сын вспаханной земли, сын полей.

Василий (*гр.*) — царский. Ср. со словами «базилика» — царская усыпальница, «василиск» — «царёк», мифический дракон. Царь в Др. Греции именовался «базилеус», но древнегреч. «бета» в византийскую эпоху стала произноситься как «в». Имена из Византии перешли на Запад с «бетой», к нам — с «витой»: **Василий** и **Базиль**; **Вакх** и **Бахус** .

Василиса (*гр.*) — царица.

Василько (уменьш. от **Василий**).—В святцах числилось особым именем, которое носил ряд древнерусских князей. Этого же корня и название цветка — василек.

Вахтисий (*перс.*).— Значение не установлено. См. стр. 20.

Венедикт .—То же, что **Бенедикт** . В России рядом существовали фамилии: Бенедиктовы и Венедиктовы. См. **Василий** .

Вениамин (*е.*), (Бен-ямин) —сын правой руки, т. е. «сын любимейшей из жен». О значении частицы «бен» в семитических языках — см. стр. 226.

Вера (*русск.*).— То же значение, что у слова «вера». Ср. **Любовь** , **Надежда** . Является русским переводом греческого «Пистис» (вера).

Вероника .—Возможно, из греко-македонского «Фероника» (победоносица).

Вивиан (*p.*) — живчик. Ср. со словами «виварий», «виват» (да живет!).

Викентий (*p.*) — побеждающий, преодолевающий,

Виктор (*p.*) — победитель. «Аве, Виктор!» (здравствуй, победитель!) — возглас, которым римляне встречали полководцев во дни триумфов.

Виктория (*p.*) — победа. В XVIII в. по-русски говорили: «Полтавская, Ганге-уддская виктория...»

Виринея (*p.*) — зеленеющая, в смысле «свежая». Известна повесть писательницы Л. Сейфуллиной «Виринея».

Виссарион (*гр.*) — лесной; от «бесса» (позднее — «висса»; см. Василий) — лесная долина.

Виталий (*p.*) — жизненный. Того же корня, что «витамины» (вещества, необходимые для жизни), витализм, витаскоп.

Владимир .—Казалось бы, имя—русское, с ясным значением; владеющий миром. Однако известны близкие германские имена: **Вальдемар** , **Хлодомир** . Возможно, все они восходят к общему, более древнему, первоисточнику, тем более что наши предки нередко писали это имя, как **Володимер** .

Владислав (*слав.*) — владеющий славой.

Власий (*гр.*) — простой, грубоватый. Русск. нар. ф.—Влас. На Руси, по созвучию, греческий Власий слился со славянским богом домашнего скота **Волосом** , или **Белесом** . Святой Власий был покровителем животных.

Всеволод (*русск.*) — властелин всего (народа). Русское имя **Всеволод** было крайне неохотно признано церковью. Даже в святцах XX в. все три дня, посвященных памяти этого святого (11 февраля, 22 апреля, 27 ноября), обозначены, как дни «св. **Всеволода** (**Гавриила**)».

Вукол (*гр.*) — пастух, волопас. От греч. «буколео», (пасу быков) произошли и слова «буколика», «буколический», применяемые в поэзии, посвященной мирным пастушеским темам. О переходе звука «б» в «в»—см. **Василий** .

Вячеслав (*слав.*) — более славный.

Гавриил (*e.*) — моя сила — бог!

Галактион (*гр.*) — млечный, молочный. Ср. в астрономии термин «галактика» (млечный путь).

Галина (*гр.*) — тишина, кротость, в частности— штиль на море, тихая погода. Рядом с этим именем встречаются в употреблении Галли, западное, видимо от «галлина» (курица, цыпленочек), и **Галя** , которое старинные календари толкуют, как «кошечка», не указывая его происхождения. Известное на Украине ласкательное имя **Галя** не связано с ними, будучи уменьшительным от **Ганна** (**Анна**) .

«Нет, Галю; у бога есть длинная лестница...»

«Как тихо колышется вода!..—продолжала Ганна».

(Н. В. Гоголь. **Майская ночь**. Гл. 1)

Гелий (*гр.*) — солнце. Ср. термин гилеограф» (солнечный телеграф). В настоящее время чаще фигурирует как «новое», «советское» имя, связанное с названием хим. элемента «гелий», впервые открытого на Солнце. В старину в России часто встречалось в форме **Елий** .

Геннадий (*гр.*) — родовитый. Ср. научные термины — «генетика» (учение о выведении пород); «генеалогия» (родословная). Ср. также имена **Евгений** , **Гермоген** и др.

Георгий (*гр.*) — земледелец, буквально: землетруженик, землеробчик. От слов «ге» (земля),—ср. «география», «гео-метрия»,—и «эргон» (работа); ср. «эрг» (единица измерения работы), «эн-эрг-ия». Имя это крайне полюбилось народам Европы, где стало известно во множестве вариантов: **Жорж** (фр.), **Джордж** (англ.), **Ежи** (польск.), **Иржи** (чеш.); наши

Егорий , Юрий , Жоржик и даже древнерусск. **Гюрги—Дюрги—Дюк** .

Герасим (*гр.*) — почтенный.

Герман (*р.*) — родной, единокровный (лат. «гер-манус»).

Германн (*герм.*) — воин, дружинник (от «хеер» — войско и «манн» — человек). Не следует пугать это имя с предыдущим. А. С. Пушкин хорошо знал это: героя «Пиковой дамы» он назвал «Германн» и писал эту немецкую фамилию через два «н». «Германн — немец», — замечает он устами Томского. Между тем путаница нередко происходит. Как известно, С. П. Титов назвал сына в честь пушкинского Германна, но имя его все же пишат через одно «н». Канадские репортеры, интересовавшиеся у Ю. Гагарина, почему «космонавт-2» носит «нерусское имя», ошибались: имя Герман — ничуть не менее «русское», чем имя **Юрий** : первое заимствовано из латинского языка, второе — из греческого. Кстати, и первый звук в двух «Германах» — совершенно различен:

в «Герман» — «г» (*Germanus*), а в «Германн» — «х» (*Hermann*).

Гермоген (*гр.*) — рожденный Гермесом (Меркурием), потомок Меркурия. В древней Руси — **Ермоген** . Ср. у Пушкина:

Но *Эрмий* сам внезапной тучей
Меня укрыл и вдаль умчал...

Тут **Эрмий (Ермий)** — Меркурий, Гермес, вестник богов.

Глафира (*гр.*) — гладкая, лощеная, красивая, изящная,

Глеб (*русск.*) — значение неясно. Ср. слово «глыба» и народн. «глоба» — жердь. В латинск. яз. «gliba» — глыба. Слово близко к «глобус».

Гликерия (*гр.*) — сладкая. Ср. соврем. термины «глицерин», «глюкоза». В древнегреч. яз., в разные периоды, буква «ипсилон» произносилась то как «и», то как «ю» в слове «мюрид»; буква «с» (латинск.) позднее читалась то как «ц», то как «к». Поэтому у нас встречаются то «гЛикоген», то «гЛЮкоза», то «Цезарь», то Кесарь», то «КУпреян», то «КИприан». Таким же путем образованы народные варианты имен **Гликерия — Лукерья ; Кирилл — Чурила** .

Григорий (*гр.*) — бодрствующий, неспящий.

Гурий (*е.*) — львенок.

Давид (*е.*) — любимый.

Даниил (*е.*) — божий суд. Нар. русск. ф. имени — **Данила** .

Дарья (*перс.*) — победительница. Ср. имя персидского царя **Дария** (Дарайавауша, если следовать перс. произношению). Ср. также имена **Виктор , Виктория , Вероника** .

Дебора (*е.*) — пчела.

Демид — см. **Диомид** .

Денис . — Русск. ф. от **Дионисий** .

Димитрий (*гр.*), (в народе **Дмитрий**) — принадлежащий Деметре, богине земли.

Диомид (*гр.*) — по воле Диона (т. е. главы греческих богов, Зевса) властвующий. Русск. ф. Демид. Ср. фамилию Демидовы.

Дионисий (*гр.*) — посвященный Дионису, Вакху, богу вина и виноделия, сыну Зевса. Русск. ф. этого им. — **Денис** : Денис Давыдов, поэт пушкинской поры.

Дмитрий (*гр.*) — См. Димитрий.

Домна (*р.*) — госпожа. От «домус» (дом). «Домина» — хозяйка дома. От этого же латинск. корня термин «доминион», глагол «доминировать», испанский титул «дон» и многие другие слова европ. языков. Ср. также имя **Матрена** .

Дорогея (*гр.*) — То же, что Дорофея; женск. ф. от Дорофей.

Дорофей (*гр.*) — дар богов, бога. От «дорос» — дар, «феос» («тэос») — бог. Строение имени обратное тому, что Фео-дор, **Фёдор** ; значение одно.

Досифей (*гр.*) — Равнозначный вариант имени Дорофей.

Дула (*гр.*) — *раб.* См. стр. 20.

Ева (*е.*) — подательница жизни, жизнь. Имя мифической библейской прародительницы.

Евгений (*гр.*) — благородный. Ср. название «евгеника» (пропагандируемая на Западе лженаука о выведении «облагороженной» человеческой расы).

Евгения (*гр.*) — Женск. ф. от **Евгений**.

Евграф (*гр.*) — хорошо нарисованный, писанный красавец». От «ев» — хороший и «графо» — черчу, пишу, рисую. Ср. современные «телеграф», «графические искусства», «графит».

Евдоким (*гр.*) — хорошо прославленный, добро-слав.

Евдокия (*гр.*) — доброслава. Реже встречается имя **Евдоксия**, означающее то же.

Евламий (*гр.*) — прекрасно светящийся. Ср. наше «лампа», «лампадка», от гр. «лампо» (светиться, сиять). Весьма обычно духовные лица в старой России свою фамилию «Евлампиев» (казавшуюся им простонародной, как и самое имя Евлампия) переводили на русский язык, превращаясь в Благодетель. Тут, как легко заметить, имел место процесс, прямо противоположный описанному на стр. 184; там русское имя заменялось латинским или греческим: Быстроногов — Велосипедов, Надеждин — Эсперов и т. д., тут — наоборот.

Евпраксия (*гр.*) — делающая добрые дела, добродетельница. Ср. слово «практика» — деятельность. От этого имени — старорусская форма **Апракса**, встречающаяся в фольклоре. От нее же — фамилия Апраксины. «Ев» — как в **Евграф**.

Евсевий (*гр.*) — благочестивый. Того же корня имя **Севастьян** и название Севастополь (достойный великой чести, почета город).

Евстафий (*гр.*) — Буквально: хорошо стоящий, т. е. постоянный, устойчивый. Простонар. русск. ф. — **Остафий**, **Стахей**. На Украине — **Остап**. У поляков — **Стас**, **Стах**, **Сташек**.

Евфросинья (*гр.*) — радостная.

Егор — Русск. нар. ф. от **Георгий**. Встречается и в виде **Егорий**: «У волка в дубе — Егорий дал!» (Поговорка.)

Екатерина (*гр.*) — чистая, непорочная. В традиции Запада начальное «е» везде отсутствует: **Катерина**, **Катрин**, **Кэйтрин**. У католиков существует и мужское имя **Катерин**. Композитор Кавос, итальянец родом, живший в России (1798—1840), именовался Катерин Альбертович, а два его сына — Иван и Альберт — Катериновичи.

Елеазар (*е.*) — божья помощь. В России обычно в форме **Лазарь**.

Елена (*происх. догреческое*). — Толкования неточны: избранная, светлая, пламенный и т. п.

Елизавета (*е.*) — божья клятва, обет богу.

Елисей (*е.*) — бог спас, спасение.

Емелиан (*гр.*) — ласковый, приветливый, веселый. В русск. яз — **Емельян**, **Емеля**, в укр. — **Омеля**, **Омелько**, откуда фамилия Омельченко. Западное **Эмилиан** означало (с лат.): сын Эмилия.

Эразм (*гр.*) (в литературе чаще **Эразм**) — возлюбленный. Эразм Роттердамский — великий гуманист эпохи Возрождения.

Эраст (*гр.*) — любимый. В книжной традиции XIX в. чаще **Эраст** как в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина, где это имя носит любовник, погубивший Лизу.

Еремей (*гр.*) — посвященный Гермесу (Ермию), т. е. Меркурию (см. Гермоген). В народе — **Ерема**, **Ярема**. Имя нередко смешивается со сходным по звучанию **Иеремия**, однако между ними нет ничего общего. В святцах значилось и просто как **Ермий**, т. е. Гермес.

Ермил (*гр.*) — обитающий в Гермесовой роще (При храме).

Ермолай (*гр.*) — народ Гермеса, Меркурия. См. Николай.

Есфирь (*e.*) — См. Эсфирь.

Ефим (*гр.*), (точнее Евфимий) — благочестивый.

Ефрем (*e.* Эфраим) — по имени одного из др. евр. племен.

Жанна (*фр.*) — Франц. вариант имени **Иоанна**, женск. ф. к. **Иоанн**, **Иван**. Жанна д'Арк — французская патриотка, народная героиня. В последнее время имя это используете у нас в качестве «нового» неканонического, причем нередко в неправильной форме: Жана.

Жорж (*фр.*) — Франц. ф. от **Георгий**. В дореволюционной России считалось «более аристократическим», чем Юрий. Отсюда ироническое «жоржик» — щеголеватый матросик на Красном флоте 20-х гг., случайный человек среди моряков.

Жюльетта (*фр.*) — Франц. вариант от имени **Юлия** (итал. ф. — **Джульетта**). Значение — Юленька, Юлочка (уменьшительное. **Юлия** по-франц. — **Жюли**, по-итал. — **Джулия**). Любопытно отметить, что в старом русском именовании имена, начинающиеся со звука «ж», не встречались среди «крестных»; среди «мирских» — редко. Это объясняется источниками, откуда наш народ почерпал имена.

Захар и **Захария** (*e.*) — бог вспомнил.

Зинаида (*гр.*) — рожденная Зевсом; из рода Зевса. Основа имени Зевс имела разновидность зен-, зин-; Зене-ида — дочь Зевса. О суф. «-ид» см. стр. 111.

Зиновий (*гр.*) — Зевсова сила. В Греции Зено-биос, от «Зен» (Зевс) и «биос» (жизнь, сила).

Злата (*слав.*) — золотая, золотко. Буквальный перевод греч. «хриса» (золотая).

Зоя (*гр.*) — жизнь. Ср. со словами «зоо-логия» (наука о живых существах), «палеозой», «кайно-зой» (эпохи древнейшей и новейшей жизни — в геологии).

Зоил (*гр.*) — милостивый к животным. Имя в русском быту неупотребительное, любопытно тем, что слово «зоил», в память одного сурового критика Гомера (IV—II вв. до н. э.), стало означать «несправедливый и злостный ругатель»; такое его значение нередко видим у А. С. Пушкина.

Иакинф (*гр.*) — яхонт, гиацинт (название драгоценного камня). Ср. также название садового цветка: гиацинт. В России имя преимущественно монашеское: Иакинф Бичурин, известный Китаист XIX в., был монахом; «в миру» звался Никитою.

Иаков (*e.*) — Буквально: пятка; в переносном смысле — второй по рождению из двух близнецов, появившийся «по пятам» за первым. Русск. ф. — **Яков**.

Иван (*e.*) — милость бога. См. стр. 23. Заимствованное имя это, как в русском языке, так и в других европейских, необыкновенно привилось и, приобретя звуковое обличье очень далекое от первоисточника, стало повсюду одним из любимых имен, превратившись из **Иоканаана** (евр.), **Иоанна** (гр.) в типично русское **Иван**, типично французское **Жан**, типично английское **Джон**. Любопытно, что во многих странах носитель этого имени стал характерным народным типом: у нас — Иванушка (и «русский Иван» — в устах иностранцев); у французов — Жан, Жанно, у англичан — Джон Буль — чисто национальные образы. Таким образом, хотя происхождение имени и уводит нас на Восток, само имя в России стало чисто русским, во Франции — французским, и т. д., как и многие другие имена (Марья — у нас, Марианна — во Франции, Мэри — в Англии).

Иеремия (*e.*) — бога возвеличит. Ср. **Еремей**.

Иероним (*гр.*) — носитель священного имени. Ср. «иеро-глифы» («священные черты», письмена); «псевдоним» (заменитель имени, как бы имя).

Иерофей (*гр.*) — освященный богом. О частице «те-», «фе-» см. стр. 23. В русск. нар. речи — **Ерофей**, **Ерошка**, **Ероха**.

Иисус (*e.*) — божья помощь. В русск. именовании отсутствовало, хотя в святцах и числилось. Во Франции — **Жезю**, в Испании — **Хесус**.

Игнатий (*p.*) — незнаемый, неведомый. Ср. слово «игнорировать» (не обращать

внимания, делать вид, что знать не знаешь).

Игорь (*сканд.*) — От «вар» — воинство, сила. Первоначально — одно из имен-эпитетов бога-громовержца.

Измаил (*е.*) — да услышит бог. Вероятно — о детях, как бы «выпрошенных у бога».

Илларион (*гр.*) — веселый, радостный. Русские формы—Ларион, Ларя, откуда фамилия Ларины. См. «Дмитрий Ларин... господний раб и бригадир...» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»).

Илиодор (*гр.*) — из Гелиодор, дар Гелиоса (Солнца).

Илия (*е.*) — Иегова — мой бог. В русск. яз. — **Илья**.

Инна .—В старинных источниках: бурный поток, без указания происхождения. Любопытно тем, что, будучи мужским именем, как **Пинна** и **Римма** , давалось в последнее время исключительно женщинам.

Иннокентий (*р.*) — невинный, безвредный.

Иоанн (*е.*).— То же значение, что у имен Федор, Дорофей: божий дар. См. стр. 23.

Иоаким (*е.*) — бог воздвигнет. У нас — **Еким, Яким** . Любопытна улица в старой Москве—Якиманка (ныне ул. Димитрова) —по церкви Иоакима и Анны.

Иов (*е.*) — преследуемый, гонимый. Содержание легенды о несчастном Иове и значение имени тесно связаны. Ср. **Моисей** .

Иона (*е.*) — голубь.

Иосиф (*е.*) — приумножение, прибыль. В русск. именословии — **Осип**.

Ипполит (*гр.*) — распрягающий коней. По одной из легенд толкуется, как «растерзанный конями». Ср. «ипподром»—конское ристалище.

Ираида . — Неправильное написание имени **Ироида** .

Ираклий (*гр.*).— Из Гераклий, от имени Геракл, означающего: слава Геры (супруги Зевса).

Ирина (*гр.*) — мир.

Ироида (*гр.*) — героическая, дочь героя. Ещё в XVIII в. у нас говорилось «ироико-комическая пиима» в смысле «героико-комическая поэма».

Исаак (*е.*) — будет смеяться, смех. По Библии, Сарра, жена патриарха Авраама, выслушав в глубокой старости предсказание, что у нее родится сын, с недоверием засмеялась. Сын родился, и был, в связи с этим, назван именно так.

Исидор (*гр.*) — дар богини Изиды. В русском языке — Сидор.

Исмаил . — То же, что Измаил.

Калерия (*гр.*) — зовущая, манящая. Или (лат.) — согревающая.

Калиник (*гр.*) — прекраснопобедный, триумфатор; Ср. **Калистрат, Никифор** . В русском яз. — **Калина** (откуда фамилия Калининны, а не от ягоды калина), См. «Хорь и Калиныч» у И. С. Тургенева. У Н. В. Гоголя в «Майской ночи» «старый Каленик» — украинская форма того же имени.

Калистрат (*гр.*) — прекрасный воин. Ср. **Калифорния** , стратегия.

Капитолина (*р.*) — рожденная на Капитолии, славнейшем из семи холмов Рима.

Капитон (*р.*).— Вероятно, голован, от лат. «капут» (голова). В старых именословах объясняется, как упрямец.

Карп (*гр.*) — плод. Ср. название науки о плодах растений — карпология. Ср. имена **Поликарп, Ефрем** .

Касьян (*р.*), точнее **Кассиан** , — шлемоносец; от лат. «кассис» (шлем). Второе значение—происходящий из рода Кассиев, принадлежащий ему; В старорусских верованиях—самый сердитый и неуживчивый святой: «Касьян на что глянет, всё вянет»; «Касьян на скот— скот дохнет, Касьян на траву—травы сохнет». Связано с тем, что празднование этого святого приходится на 29 февраля, т. е. на день, который бывает лишь в високосных годах, один раз в четыре года; несправедливость испортила Касьяну характер.

Кир (*гр.*) — господин, владыка. В слово «Кирос» греки переделали

неудобопроизносимое с их точки зрения имя персидского царя Куруш. См. имя **Дарья** .

Кира (*гр.*) — госпожа. Женск, ф. от **Кир** .

Кирилл (*гр.*) — господинчик, барчонок. Уменьшительное к имени Кир.

Кифа (*е.*) — камень. Перевод на греческий язык именно этого имени-слова дал имя Петр, имеющее то же значение: камень, скала.

Клавдий (*р.*) — хромой. Прилагательное «клаудус» было одним из эпитетов хромононого бога Вулкана, Гефеста.

Клавдия . — Женск. ф. от предыдущего.

Клара (*р.*) — светлая, ясная. Русск. именем никогда не было, но хорошо известно через литературу («Клара Милич» И. С. Тургенева).

Клеопатра (*гр.*) — слава отца или дочь славного отца. Часть «кл-» в греческих именах нередко вводит понятие «слава»: **Перикл** — повсюду славный; **Патрокл** — славаотца.

Климент (*р.*) — милостивый, В русск. яз. чаще **Клим** . Встречается и как **Климентий** .

Конкордия (*р.*) — согласие. Ср. в политике «конкордат» (соглашение).

Константин (*р.*) — сын постоянного. Ср. научные термины: «константа» (постоянная величина), «констатировать» (отмечать как нечто устойчивое, постоянное).

Констанций (*р.*) — постоянный. Того же корня. Констанция. — Женск, ф. к предыдущему. **Корнилий** (*р.*) — рогатый. От лат. «корну» (рог). В России чаще сокращенное **Корней** , но

известно и полное Корнилий. См. фамилии Корнеевы, Корниловы, Корнильевы.

Косма (*гр.*) — украшение. Ср. «косметика». В России литерат. **КОЗЬМА** , нар. **КУЗЬМА, КУЗЯ** . В Италии — **КОЗИМО** .

Ксенофонт (*гр.*) — чужезычный, с чужим голосом у нас — редко. Но — Ксенофонт Полевой, литератор пушкинского времени.

Ксения (*гр.*) — чужестранка, гостья. В Др. Греции «ксении» — язвительные двустышья, которыми хозяйка дома в шутку встречали гостей. От этого же корня — древнегреч. название Черного моря: Понт Эвксинский (море Гостеприимное). Русск. нар. ф. этого имени — **Аксинья** — родилась, однако, не от греч. слова «аксей-нос» (т. е. «негостеприимный»), как может подуматься, а из имени **Ксения** : русскому языку свойственно изменять слова, начинающиеся с двух согласных, наращивая перед ними или между ними гласный звук; «пшеница» — «пашеница», «ржаной» — «аржаной» и т. п. В укр. языке **Ксения** — **Оксана** .

Лавр (*р.*) — Название дерева, ветви которого считались почетной наградой в античном мире. «Я не герой, по лаврам не тоскую». (А. С. Пушкин.)

Лаврентий (*р.*) — венчающий лаврами. Ср. наше «лауреат» (увенчанный лавровым венком).

Лазарь (*е.*) — божья помощь. См. Елизар.

Ларион (*гр.*) — Русск. ф. от Илларион.

Лариса (*гр.*) — От названия города Ларисса в Греции. Другое толкование: приятная, сладкая (от греч. «ларос»). Третье: чайка (от лат. «ларус»).

Лев — царь зверей, могучий храбрец. Слово «лев» — русск., но само название этого животного через нем. «леве», лат. «лео» восходит к древнеегип. «лябу» — лев.

Леонид (*гр.*) — сын льва, из львиного рода, льво-подобный.

Леонтий (*гр.*) — львиный.

Лидия (*гр.*) — лидианка. Имена этого типа, произведенные от названий мест, часто давались рабам, вывезенным из того или другого города или страны.

Лия (*е.*) — телица, телушка. Кочевники древности относились к домашнему скоту, как к величайшему сокровищу. Имена вроде «телка», «овца» были у них не менее почетны, нежели у позднейших народов **Хриса** (золотинка) или **Маргарита** (жемчужина). Ср. **Рахиль** . Стоит вспомнить, что в титулатуру фараона входил эпитет «могучий бык».

Лука (*р.*) — Сокращение от **Лукиан** , с тем же значением.

Лукерья .—Русск. нар. ф. от **Гликерия** (другое произношение—**Глюкерия**). С корнем «люк», как в **Лука** , **Лукьян** , ничего общего не имеет, т. е. образовалось уже на русской почве.

Лукиан (*р.*) — светлый, светящийся. От латинск. «люкс» (свет). Ср. современное «люкс»—единица освещенности в оптике и «блеск, роскошь, шик» в некоторых жаргонах.

Любовь (*русск.*)— Значение то же, что у слова «любовь». Однако имя это — перевод греческого **Агапэ** . Из легендарной семьи мучениц, в которую, по церковным легендам, входили гречанки-сестры: **Агапэ** , или **Харис** (**Любовь**), **Пистис** (**Вера**), **Элпис** (**Надежда**); не переведенным на русский язык по каким-то причинам осталось только имя их матери **Софии** (Мудрость).

Людмила (*слав.*) — милая людям. В Болгарии употребительно и мужское имя **Людмил** . Людмил Стоянов—известный болгарский писатель.

Люция, Лючия (*р. и итал.*) — светящаяся, сияющая. Имя русским никогда не было, но хорошо известно из литературы. В настоящее время используется в числе «новых имен».

Мавра (*гр.*) — темнокожая, смуглянка. Этого корня племенное имя «мавр». См. у К. Пруткова:

Но его для сраму я
Маврою одену,
 Загоню на самую
 На Сьерра-Морену...

В старорусск. яз. вместо слова «мавр» употреблялось близкое к нему «мурин».

Маврикий (*гр.*) — черномазый. Того же корня, что и предыдущее. На Западе известно в формах **Морис** (франц.), **Мориц** (герм.).

Магдалина (*е.*) — родом из гор. Магдалы в Палестине (название этого города, Мигдал-эль, по-древнеевр.—башня божья). История имени Магдалина поучительна. Сначала оно было просто эпитетом при имени одной из Марий Евангелия и означало Мария Магдальская, в отличие от других носительниц этого имени. Потом прилагательное получило смысл самостоятельного имени, со значением «магалка» (как, скажем, «камчадалка»). Во Франции оно, например, звучит как **Мадлэн** , полностью утратив сходство с исходным географическим термином. О сходных явлениях в русском именословии см. **Воин** , **Постник** .

Макарий (*гр.*) — блаженный, счастливый. См. стр. 237—238.

Максим (*р.*) — величайший. См. стр. 206—208. Ср. слова «максимум», «максимальный».

Максимиллиан (*р.*) — потомок величайшего. Того же корня, что предыдущее.

Маланья . — Русск. ф. от Мелания.

Мамант (реже **Мамонт**).—Происхождение и значение неясны.

Мануил (в народе Мануйла).—Русск. ф. от **Эммануил** . Известны фамилии Мануйловы, Мануильские.

Маргарита (*р.*) — жемчужина.

Марина (*р.*) — морская. Ср. «маринист» (художник, пишущий море), «аквамарин» (камень цвета морской воды).

Марианна и **Марьяна** . — Того же корня, что **Мария** . В церковном произношении—**Мариамна** .

Мария (*е.*) — горькая (по другим толкованиям — превосходство).

Марк (*гр.*, или *р.*) — предположительно от «маркос, маркус» — молот.

Марта (*арам.*) — владычица, наставница. В русском яз.—**Марфа** .

Мартин (*р.*) — принадлежащий, или посвященный, богу войны Марсу. В русск. произн. — **Мартын** .

Мартын. — Русск. ф. от **Мартин** .

Марфа . Русск. ф. **Марта** . Греч. буква «Θ» в древности произносилась как «т» с придыханием («тх») и называлась «тэта», в средние же века и позднее — как «ф» («фита»). Мы унаследовали более позднее ее произношение. Запад — более древнее. Ср. также Теодор и Феодор, «атеизм» и «афей», как в языке А. С. Пушкина, и т. п.

Матвей (в свящ. евр.) — По значению совпадает с **Федор** , **Богдан** : дар божий. В церковной традиции — **Матфей** .

Матрена . — Русск. ф. от **Матрона** .

Матрона (*p.*) — госпожа, мать семьи, матушка. История имени любопытна. В Др. Риме слово «матрона» было весьма почетным, означая мать как полновластную и примерную хозяйку дома. У нас же имя **Матрена** , возникшее из него, приобрело в старой России нарицательный смысл — «простушка», «деревенщина». В названии «кукла-матрешка» оно и сейчас еще имеет этот оттенок: «женщина в платочке, крестьяночка».

Мелания (*гр.*) — темная, смуглая (ср. **Мавра**). От этого корня название Меланезия (острова темнокожих), «меланизм» (противоположность «альбинизму», черная краска меха животных). В русском яз. — **Маланья** .

Мелитина (*гр.*) — медовая. Женск. ф. от **Мелитон** .

Мелитон (*гр.*) — То же значение. Ср. Мелитополь (Медоград, Город меда).

Меркурий (*p.*) — Имя в честь римского бога Меркурия, соответствовавшего греческому Гермесу. См. **Гермоген** , **Еремей** . Само имя бога торговли связано с латинск. глаголом «меркор» — торгую; существит. «мерцес» — награда, прибыль. Таким образом, оно оказывается родственным и испанскому имени **Мерседес** , означающему: дары, награды.

Мечислав (*слав.*) — прославивший себя мечом (т. е. доблестью).

Милица (*слав.*) — миловидная, милочка. Вероятно, перевод греч. **Харита** , **Харис** .

Мирон (*гр.*) — источающий благовонное миро, благоухающий, Ср. «миропомазание» (один из церковных обрядов).

Мисаил (*e.*) — выпрошенный у бога. В народе — редко; чаще у монахов и старообрядцев. В «Борисе Годунове» А. С. Пушкина его носит один из бродяжничающих монахов. В повести А. П. Чехова «Моя жизнь» герой в претензии на отца, давшего ему такое вычурно-безвкусное имя.

Митродора (*гр.*) — дар матери. Ср. **Нимфодора** , **Варадат** .

Митрофан (*гр.*) — слава матери или: имеющий славную мать. Ср. **Феофан** .

Михаил (*e.*) — богоподобный, божественный. Букв.: кто как бог.

Михей (*e.*) — кто подобен богу.

Модест (*p.*) — скромник.

Моисей (*e.*) — извлеченный (из воды). Имя связано с легендой о египетской царевне, усыновившей ребенка Моисея, плывшего в люльке по Нилу. Впрочем, египтологи считают имя египетским (Месу), а данную этимологию — еврейской народной этимологией.

Мокий (*гр.*) — насмешник.

Мстислав (*слав.*) — славный мститель.

Муза (*гр.*) — вдохновительница. Музами в Др. Греции именовались богини покровительницы искусств и наук. Слово «музыка» — родственно этому имени.

Надежда (*слав.*) — См. пояснения к именам **Вера** , **Любовь** . Значение то же, что у слова «надежда».

Назарий (*e.*) — посвященный богу. Русск. ф. этого имени — **Назар** . Одного происхождения имя иудейского городка **Назарет** .

Наркис (*гр.*) — В мифах Греции — имя самовлюбленного красавца. То же, что **Нарцисс** . Связано с глаголом «наркао» (цепенеть): юноша Нарцисс, увидев свое отражение в воде, не мог оторвать от него восхищенного взора и погиб, оцепенев над ним: превратился в цветок. Наше слово «наркоз» — того же корня.

Наталия (**Наталья**) (*p.*) — От латинск. «наталист» — родной, но также от латинского

названия праздника рождества: «диэс наталис»—день рождества, рождения. Существует и иное толкование, возводящее это имя к тому же европейскому корню, что и в имени **Натан** .

Натан (е.) — дарованный.

Нестор (гр.) — вернувшийся на родину (по толкованию старых календарей).

Ника (гр.) — победа.

Никандр (гр.) — победоносный муж (муж здесь — в значении мужчина, воин).

Никанор (гр.) — То же, что Никита.

Никита (гр.) — победитель. Ср. **Виктор** .

Никифор (гр.) — победоносец. Ср. **Вероника** . Ср. также наши «светофор» (светоносен), «семафор» (знаконосец), тоже построенные на основе греч. яз.

Никодим (гр.) — побеждающий народ. Здесь «-дим»—вариант корня «дем-», который мы встречаем в слове «демо-кратия» (народовластие).

Никола и Микола . — Русск. ф. от **Николай** . В старину раскольники яростно отвергали греческое имя Николай как «собачье», из-за окончания «лай», считая, по невежеству, единственно правильной формой **Никола** . Любопытно совпадение с французским вариантом — **Никола , Кола** .

Николай (гр.) — победитель народов. Ср. **Ермолай** —народ Гермеса, Ермиев народ.

Никон (гр.) —победитель. Ср. **Никита, Виктор** .

Нимфодора (гр.) — дар нимфы. Ср. **Митродора** .

Нина (груз.). — Значение не установлено.

Ной (е.) —утешение.

Нонна .—В старинных календарях: посвященная богу (егип.). Возможно, от лат. «нонна) (мамка, няня-кормилица): или (лат.) —„девятая“ (нона).

Олег (сканд.) — священный. У варягов—**Хельги** .

Олимпиада (гр.) — олимпийская. Ср. название спортивных состязаний, проводившихся в древности в греч. городе Олимпии: олимпиада.

Ольга (сканд.).— Женск, ф. от **Олег** . Из варяжского **Хельга, Хельгла** .

Оннейм (гр.) — полезный. См. **Анисим** .

Онуфрий (егип.) — священный бык. У В. А. Жуковского в «Войне мышей и лягушек» это имя использовано в комическом плане: «старая крыса — Онуфрий...»

Орест (гр.) — горец, дикарь.

Павел (р.) — малыш. От «паулюс» (малый, маленький).

Павла . — Женск, ф. от **Павел** .

Павлина и Паулина .—Женск. ф. от **Павел** (дочь Павла).

Павсикакий (гр.) — борец со злом. См. стр.20.

Памфил (гр.) — милый всем, общий любимец. См. стр. 237.

Панкратий (гр.) — всевластный, всемогущий. У русск. Народа — **Панкрат** . Ср. такие слова, как «аристократия» (власть «лучших»), «демократия» (власть народа).

Пантелеймон (гр.) — все милостивый. Частицы «пан-», «панто-» при греч. словах придают им значение всеобщности, полноты охвата: «панславянский» — всеславянский, «пантограф» — все рисующий.

Парамон (гр.) — твердый, надежный.

Параскева (гр.) — канун праздника. Русск. ф. этого имени—**Парасковья, Прасковья** . Так как до введения «воскресенья» христиане, как и евреи, праздновали «субботу», а кануном ее была пятница, слово «параскевэ», имевшее общее значение: «ожидание, приготовление», стало по-гречески значить «пятый день недели». В русском быту в старое время святая Параскева так и именовалась; «Параскева-Пятница», откуда пошли многие церкви «во имя святой Пятницы», духовная фамилия Пятницкие и т. д. Слово «пятница» чуть не превратилось в самостоятельное женское имя, которое могло бы существовать рядом с Прасковьей, как имена **Воин** и **Постник** . Любопытно при этом вспомнить

единственного Пятницу-мужчину, слугу Робинзона Крузо. Тут имя — перевод английского «фрайди», как назвал своего героя-караиба Д. Дефо. Слово «фрайди», как все английские слова, лишено признаков грамматического рода и потому не производит в английском контексте такого странного впечатления, как у нас: «мужчина, и вдруг — пятница!».

Парфений (*гр.*) — девический, девственный. Ср. название знаменитого храма Афины-девы в Афинах — Парфенон. Русск. нар. ф. — **Парфён** .

Патрикий (*р.*) — сын благородного отца. Ср. слово «патриций» (аристократ). О звуках «к» и «ц» в древних языках см. при имени Гликерия. В русск. нар. речи—**Патрикей** : Лиса Патрикеевна.

Пахомий (*гр.*) — широкоплечий. Русск. ф. — **Пахом** — у писателей начала XIX в. использовалась как типичная для пожилых крестьян, мужиков-бородачей.

Пелагея (*гр.*) — морская (параллельно лат, **Марина**). Ср. термин географии «архипелаг». В русском языке—**Пелагея** ; уменьшительные: **Палаша** , **Поля** , **Паша** .

Пётр (*гр.*) — камень. См. **Кифа** . Произношение с «ё» — только в русском языке; повсюду—Петр. Ср. «петрография» (наука о камнях); «петроглифы» (древние рисунки на скалах).

Пинна — См. **Инна** и **Римма** . В старых справочниках — «жемчужина». Возм. греч. «пинна» — вид моллюска с перламутровой раковиной, перловки.

Платон (*гр.*) — плечистый. Ср. **Пахомий** .

Поликарп (*гр.*) — многоплодный. См. Карп.

Поликсения (*гр.*) — гостеприимная, принимающая многих гостей. Ср. Ксения, а также «поли-вита-мины» (смесь многих витаминов), «Поли-незия» (множество островов).

Порфирий (*гр.*) — пурпурово-красный. Ср. «порфира» (пурпуровая царская мантия). У А. С. Пушкина: «Порфиноносная вдова». Красный камень порфир.

Прасковья .—Русск. ф. от **Параскева** . Мать Татьяны Лариной. («Евгений Онегин») не случайно в юности «звала Полиною Прасковью»: имя это звучало тогда как простонародное. Однако «Полина» — это Павлина, а не Параскева: Ларина не была знатоком в ономотологии.

Прокопий, Прокофий (*гр.*) — готовый к бою. В русск. яз. — **Прокоп** . См. «лейтенант Прокоп» в романе «Гектор Сервадак» Жюль Верна.

Проход (*гр.*) — запеваля, предводитель хоров.

Разумник (*русс.*).— Значение понятно без объяснений.

Раиса (*гр.*) — покорная, уступчивая, легкая.

Рафаил (*е.*) — исцеление помощью бога. Такие имена, оканчивающиеся на «-ил» (**Михаил** , **Гавриил**, **Егудиил**, **Азасиил**, **Уриил** и пр.), давались в честь «архангелов», начальников подразделений божьего воинства, его «стратигов» и «архистратигов». Имя Рафаил на Западе распространено (**Рафаэль**). У нас употреблялось крайне редко, в среде монашества.

Рахиль (*е.*) — овца, овечка. См. **Лиля** , **Агнесса** .

Ревекка (*е.*) — связывающая, берущая в плен.

Римма . — См. **Инна** и **Пинна** . Значение и происхождение неясны. В святцах: бросание (без пояснений, откуда).

Родион (*гр.*) — розоватый. Ср. о-в Родос (красный, розовый); горы Родопы.

Роман (*р.*) — римский, римлянин. Рим—по-латыни Рома; отсюда и Рومания — Румыния, как бывшая римская колония, роман — римская литературная форма.

Ростислав (*слав.*) — да умножится твоя слава.

Савва (*арам.*) — старец, дед.

Савватий (*е.*) — Переработанное греками еврейское слово «шаббат» — покой, затем — праздник суббота; таким образом Савватий значит суббота, как Параскева — пятница.

Савел (*е.*) — выпрошенный у бога. В русск. Именословии — **Савелий** .

Садок (*е.*) — праведник. Имя было в ходу в. русской древности; **Садко** в

новгородских былинах.

Самсон , **Шимшон** (*e.*) — солнечный. От евр. «шешеш»—солнце. В православных святцах обычно **Сампсон** ; **Сампсоний** —в народе.

Самуил (*e.*) — услышанный богом.

Сарра (*e.*) — родоначальница, мать множества людей.

Севастьян (*гр.*) — почтенный, достойный почестей. Ср. **Евсевич** , Севастополь. В русск. яз.—Савостьян. «Гляди-ко, Савося, какое колечко...» (Н. А. Некрасов. «Крестьянские дети»).

Семен . — Русск. ф. от **Симеон** .

Серафим (*e.*) — огненный, пламенный. Древнеевр. слово «серафим» означает огни, светочи, огненные ангелы: «-им» —окончание множественного числа. У нас слово по недоразумению получило значение числа единственного: «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился...» (А. С. Пушкин. Пророк.) То же произошло и с близким словом «херувим»: у обоих в русском языке возникло, так сказать, «множественное второй степени»: серафимы, херувимы. Можно сказать, что наши имена Серафим и Серафима принадлежат к редчайшему разряду личных имен, имеющих форму множественного числа.

Серафима (*e.*) . — Женск, ф. от **Серафим** .

Сергей (*p.*) .— В святцах обычно: высокий, высокочтимый. Толкование несколько сомнительно. В церковной и торжественно-официальной речи прошлого произносилось как Сергей: «святый Сергей и Радонежский», «великий князь Сергей», «патриарх Всея Руси Сергей».

Сидор .—Русск. ф.от **Исидор** .

Силантий (*p.*) — молчальник. Ср. название известного стихотворения Ф. Тютчева «Силентиум» (Молчание).

Сильван (*p.*) — лесной, лесистый. От лат. «сильва» (лес). В Др. Риме «сильваны»—лешие, козлоногие лесные божки.

Сильвестр (*p.*) . —Того же корня и значения, что предыдущее. Лесной.

Симеон (*e.*) — услышанный (имеется в виду: услышанный богом в молитве).

Смарагд (*гр.*) — изумруд (драгоценный камень).

Сократ (*гр.*) — сохраняющий власть. Ср. **Панкратий** и такие слова, как «демо-крат», «плуто-крат».

Соломон (*e.*) —мирный.

Соссий (*гр.*) —здравый.

София (*гр.*) — мудрость. Ср. «философия» (любомудрие), «софисты» (последователи греч. философской школы). Столица Болгарии носит название София (ударение на первом слоге) по главному храму в честь св. Софии.

Стефан (*гр.*) — кольцо, венок, венец. В русском произношении **Степан** , во Франции — **Этьен** , в Венгрии — **Иштван** .

Степанида (*гр.*) — Степановна, дочь Степана.

Сусанна (*e.*) — лилия. Неправильно переводится, как роза: «роза Сарона»,—на самом деле «лилия долин Саронских»: розы в Палестине дико не росли. У армян— Шушаник.

Тамара (*e.*) — смоковница. (Перевод «пальма» неточен.) Этого же корня название небольшого южного растения тамариск.

Тарас (*гр.*) —беспокойный, бунтарь, смутьян. Ср. Вадим.

Татьяна (*гр.*) — устроительница, учредительница.

Текла (*гр.*) — божья слава. Ср. **Доротея** , **Теодор** , **Клеопатра** , **Периикл** . «Слава» по-гречески — «клебс». Русск. ф. этого имени—**Фёкла** —считалась в дореволюционной России простонародно-грубой, **Текла** —изысканно-звучным именем. У А. Блока («Над озером») поэт, пленившись встреченной незнакомкой, «ей мысленно приискивает» красивейшее имя—Текла или **Аделина** , а разочаровавшись в ней, презрительно кричит: «Эй, Фёкла, Фёкла!»

Терентий (*р.*) — назойливый, утомляющий. Смысл имени отражен в русской сказке о Тетере и Лисе; «Терентий, Терентий, я в городе была!» — «Бу-бу-бу, была, так была...» и т. д. Нар. ф.—**Терех**, **Терёшка**.

Тигрий (*гр.*) — тигровый. Имя, встречающееся в русской практике редко; но всё же у А. Н. Островского полицейский—Тигрий Львович Лютов («Не было ни гроша...»). В православных святцах числилось и еще одно «зверское» имя: **Пард**, означавшее барс.

Тимофей (*гр.*) — богобоязненный. На Западе имя фигурирует в форме **Тимотеус**, **Тимоти**: на месте византийской «фиты» там более древняя «тэта», как в **Марфа** — **Марта**, **Фёкла** — **Текла**, **Дорофея** — **Доротей**, и т. д.

Тит (*р.*) — защищающий честь. Ср. слово «титул».

Тихон (*гр.*)— В старинных справочниках: приносящий счастье, без указаний на происхождение. Видимо, от имени греческой богини счастья Тяхэ. Ср. Фортунат.

Трифиллий (*гр.*) — трилистник.

Трифон (*гр.*) — роскошно живущий.

Трофим (*гр.*) — упитанный, питомец. Ср. «дистрофия» (недостаточность питания), «а-трофия», «гипертрофия».

Ульяна. — Русск. ф. от Юлиания.

Устинья. — Русск. ф. от Юстиния.

Фаддей (*е.*) — похвала.

Файна (*гр.*) — сияющая.

Фаустина (*р.*) — счастливая. Ср. имя **Фауст** у Гёте.

Федор (*гр.*)— Русск. ф. от **Феодор**, **Теодор**.

Федора —Русск. ф. от Феодора. Женск., ф. от **Федор**. Имени у нас не повезло: «Велика Федора, да дура» (поговорка).

Федос. —Русск. ф. от **Феодосии**.

Федосья. —Русск. нар. ф. от **Феодосия**

Федот. —Русск. нар. ф. от **Феодот**.

Федул, —Русск. нар. ф. от **Феодул**.

Фёкла. — Русск. нар. ф. от **Текла**.

Феклист. — Русск. нар. ф. от **Феоктист**,

Феклиста. — Женск. ф. от **Фектиск**.

Фелицата (*р.*) — ошастливленная. Ср. известную оду Державина «Фелица».

Фемистокл (*гр.*) — прославленный за справедливость. Ср. **Фемида** — богиня правосудия, О корне «-кл-» см. Текла, Клеопатра. У Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» сынишка Манилова — **Фемистоклюс**.

Феодор (*гр.*) — божий дар.

Феодора (*гр.*). — Женск. ф. от **Феодор**.

Феодосий (*гр.*) —богоданный или отданный, посвященный богам.

Феодосия. —Женск., ф. от **Феодосии**. Название города в Крыму с тем же значением.

Феодот (*гр.*)— Значение совпадает с предыдущим.

Феодул (*гр.*) — раб божий. Ср. **Феодор** и **Дула**.

Феодулия. — Женск., ф. от **Феод ул**.

Феоктист (*гр.*) — божье творение, создание.

Феоктиста. —Женск., ф. от предыдущего имени.

Феофан (*гр.*) — явленный богами.

Феофил (*гр.*) — боголюб.

Филарет (*гр.*) — любящий добродетель

Филимон (*гр.*) — любящий.

Филипп (*гр.*) — любитель коней. Ср. **Ипполит**, **Филимон**, **Панфил**. Существующее в нашем языке слово «филиппика» (гневная обличительная речь) возникло уже из имени

Филипп . Филиппиками называли греки страстные обличения оратора Демосфена, направленные против царя Филиппа II Македонского (IV в. до н. эры).

Филолог (*гр.*) — словолуб, ревнитель языка. Имя у нас крайне редкое, приводится только потому, что настоящая книга посвящена вопросам науки о языке— филологии.

Философ (*гр.*) — любомудр, мудрец.

Флавиан (*р.*) — происходящий из рода Флавиев (или их вольноотпущенник). Римск. родовое имя **Флавий** —от «флавус» (рыжеватый, белокурый).

Флегонт (*гр.*) — пылающий. Ср. «флегмона» (нарыв, связанный с сильным воспалением).

Флор (*р.*) — цветок. Ср. «флора» (растительность), название города **Флоренция** (цветущая). См. **Фрол** .

Фока (*гр.*) — тюлень.

Фома (*е.*) — близнец.

Фортунат (*р.*) — счастливец, баловень Фортуны, богини счастья.

Фотий (*гр.*) — светлый. Ср. «фото-графия», «фотон» (в физике частица света).

Фрол — Русск. ф. от **Флор** .

Харита (*гр.*) — прелесть, милочка. У древних греков «хариты» — богини радости, любви, красоты. Болгары перевели это имя, как **Милица** .

Харитон (*гр.*)— Мужское к Харита.

Харламбий (*гр.*) — сияющий любовью. Ср. Евламбий.

Хоздазат — см. **Хуздазат** .

Хрисанф (*гр.*) — золотоцвет.

Христина (*гр.*) — Христова, посвященная Христу.

Христофор (*гр.*) — христоносец. Самое слово «Христос» по-гречески означает: помазанник, помазанный на царство.

Хуздазат (*вост.*)— По значению близко к **Федор, Иоанн** .

Эммануил (*е.*) — с нами бог.

Эсфирь (*е.*) — звезда.

Юлиан (*р.*) — юлиев.

Юлиана (*р.*) . — Женск, к **Юлиан** .

Юлий (*р.*)— Принято толковать, как «сноп».

Юлия (*р.*)— В старых справочниках: пушистая, что сомнительно. В Риме присваивалось женщинам из рода Юлиев.

Юрий . — Слав. ф. от **Георгий** .

Юстин (*р.*) — правильный, справедливый. Ср. «юстиция» (правосудие). Русск. ф.— **Устин** , откуда фамилия Устиновы, Устиновичи.

Юстиния .—Женск. ф. от **Юстин** . Русск. нар. ф. — **Устинья** , **Устих** а.

Ювеналий (*р.*) — юный, юношеский.

Яким .—Русск. нар. ф. от Иоаким. То же, что **Аким** .

Яков . — Русск. ф. от **Иаков** .

Ян .—Западнослав. и прибалт. ф. от **Иоанн, Иван** .